

Psychology. Journal of the Higher School of Economics

ПСИХОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ

Психология близких
отношений

•

Идеи экзистенциализма
в трудах С.Л. Рубинштейна

•

Мысленный образ
движения

•

Variety of Possible Selves

Том 19, № 2

2022

ISSN 1813-8918 (Print)
ISSN 2541-9226 (Online)

Том 19. № 2
2022

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Куинс, Канада)
Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)
Я. Вальшнер (Ольборгский университет, Дания)
Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и Центр ребенка Йельского университета, США)
В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)
Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.Е. Лепский (ИФ РАН)
М. Линч (Рочестерский университет, США)
Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)
Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)
А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)
Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)
М.В. Фаликман (НИУ ВШЭ)
А.В. Хархурин (НИУ ВШЭ)
В.Д. Шадрин (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)
С.А. Щebetenko (НИУ ВШЭ)
С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (ИП РАН)
Н.А. Алмаев (ИП РАН)
В.А. Барабанищев (ИП РАН и МГППУ)
Т.Ю. Базаров (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)
А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Л. Журавлев (ИП РАН)
А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
П. Лучисано (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)
А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)
А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)
В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)
В.М. Розин (ИФ РАН)
И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)
Е.А. Сергиенко (ИП РАН)
Т.Н. Ушакова (ИП РАН)
А.М. Чернышев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)
П. Шмидт (Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Р.М. Байрамян*

Редакторы *Т.А. Сарыева*, *Д. Вонсбро*.

Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,
Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2022 г.

Том 19. № 2
2022

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска:

Психология близких отношений

- О.А. Екимчик.** Вступительное слово221
- О.А. Екимчик, Т.П. Опекина.** Романтическая привязанность как предиктор
диадического копинга в паре223
- А.А. Панкратова, О.В. Паршикова, Ю.Д. Чертова.** Связь стратегий эмоциональной
регуляции с субъективным благополучием и жизнестойкостью: эффекты актора и
партнера в супружеских парах241
- М.В. Алагуев, В.Н. Галяпина.** Роль социальных идентичностей в выборе
супруга другой культуры: кросс-региональный анализ259

Статьи

- И.В. Каминский, Т.С. Каминская, С.В. Леонов, И.С. Поликанова, Н.А. Геппе.**
Субъективные хронометрические характеристики мысленного образа движения у
лыжников-гонщиков различного уровня мастерства278
- А.А. Корнеев, Д.И. Ломакин, А.В. Курганский, Р.И. Мачинская.** Удержание
вербальной и невербальной серийной информации в рабочей памяти303
- А.В. Сидоренков, В.А. Штроо, Е.Ф. Бороховский.** Связь идентификаций и
организационного гражданского поведения научно-педагогических
работников в вузе323
- Т.А. Сысоева, С.В. Ярошевская.** Влияние ошибок в тексте на формирование
впечатления читателей об уме и интеллекте авторов338
- М.Г. Чеснокова.** Развитие и критика идей экзистенциализма в трудах
С.Л. Рубинштейна353

Короткие сообщения

- Т.А. Адмакина.** Проективные маркеры психогенного индуцирования в рисунках
детей в ситуации судебной психолого-педагогической экспертизы373

Обзоры и рецензии

- Е.В. Битюцкая.** Успешность копинга382
- М.М. Гришутина, В.Ю. Костенко.** Многообразие возможных Я: роль агентности
и эмпирическая валидность (на английском языке)405

Vol. 19. No 2
2022

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

HSE University

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE University, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia

Maria Falikman, HSE University, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation,
and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE University, Russian Federation

Anatoliy Kharkhurin, HSE University, Russian Federation

Dmitry Leontiev, HSE University and Lomonosov MSU,
Russian Federation

Vladimir Lepskiy, Institute of Philosophy of RAS, Russian
Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE University and Institute of Psychology
of RAS, Russian Federation

Evgeny Osin, HSE University, Russian Federation

Alexander Poddiakov, HSE University, Russian Federation

Sergei Shchebetenko, HSE University, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE University,
Russian Federation

Elena Starovoytenko, HSE University, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation

Jaan Valsiner, Aalborg University, Denmark

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE Univer-
sity, Russian Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, Institute of Psychology of
RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

Vladimir Barabanshikov, Institute of Psychology of RAS
and Moscow University of Psychology and Education,
Russian Federation

Takhir Bazarov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE University, Russian Federation

Alexander Chernorissov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University,
Russian Federation

Alfried Längle, HSE University, Russian Federation

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE University, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, HSE University, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, Giessen University, Germany

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *R.M. Bayramyan*

Copy editing *T.A. Sarieva, N.S. Sambu,*

D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskiy pereulok, build. 2, 101000, Moscow,
Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE University, 2022 r.

Vol. 19. No 2
2022

PSYCHOLOGY
Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Psychology of Close Relationships

O.A. Ekimchik. Editorial (<i>in Russian</i>)	221
O.A. Ekimchik, T.P. Opekina. Romantic Attachment as a Predictor of Partners' Dyadic Coping (<i>in Russian</i>)	223
A.A. Pankratova, O.V. Parshikova, Y.D. Chertkova. Relationships of Emotion Regulation Strategies with Subjective Well-Being and Hardiness: Actor and Partner Effects in Married Couples (<i>in Russian</i>)	241
M.V. Alaguev, V.N. Galyapina. The Role of Social Identities in the Choice of a Spouse from Another Culture: A Cross-Regional Analysis (<i>in Russian</i>)	259

Articles

I.V. Kaminskiy, T.S. Kaminskaya, S.V. Leonov, I.S. Polikanova, N.A. Geppe. Subjective Chronometric Characteristics of Motor Imagery in Cross Country Skiers of Various Level of Expertise (<i>in Russian</i>)	278
A.A. Korneev, D.I. Lomakin, A.V. Kyrgansky, R.I. Machinskaya. Retention of Verbal and Nonverbal Serial Information in Working Memory (<i>in Russian</i>)	303
A.V. Sidorenkov, W.A. Stroh, E.F. Borokhovski. Relationship between Identifications and Organizational Citizenship Behavior of Academic Personnel in Universities (<i>in Russian</i>)	323
T.A. Sysoeva, S.V. Yaroshevskaya. How Errors in Text Influence Impressions about the Author's Wit and Intelligence (<i>in Russian</i>)	338
M.G. Chesnokova. Development of the Ideas of Existentialism and Their Critique in S.L. Rubinstein's Works (<i>in Russian</i>)	353

Work in Progress

T.A. Admakina. Projective Markers of Psychogenic Induction in Children's Drawings in the Situation of Psychological and Pedagogical Expertise (<i>in Russian</i>)	373
--	-----

Reviews

E.V. Bityutskaya. Coping Success (<i>in Russian</i>)	382
M.M. Grishutina, V.Yu. Kostenko. Variety of Possible Selves: The Role of Agency and Empirical Evidence Review	405

Специальная тема выпуска: Психология близких отношений

Приглашенный редактор — О.А. Екимчик

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Данный спецвыпуск журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики» посвящен проблеме близких партнерских отношений в изменяющихся социокультурных контекстах.

Трансформации, происходящие в современном обществе, а также угрозы и вызовы, с которыми сталкивается человек, оказывают влияние не только на его ценностно-смысловую сферу, но и на те формы социальных отношений, в которые он включен. Текучесть, нестабильность и высокая степень неопределенности современного мира приводят к изменению паттернов партнерских взаимодействий, к увеличению количества людей, которые осознанно избирают одиночество, отказываются от родительства. Изменяются партнерские отношения: они все больше основаны на личных предпочтениях, интересе и комфорте, чем на финансовой необходимости, чувстве долга и социальной регламентированности. Это все проявляется в изменении сроков вступления в брак, разнообразии форм партнерства, приоритете индивидуального благополучия (А.А. Голзицкая и др., В.А. Смирнов и др., Т.Л. Крюкова, М.В. Сапожниковская).

Вместе с тем потребности человека в любви, принятии и принадлежности, которые удовлетворяются в близких отношениях, семье, являются базовыми. И они не имеют пока широкого спектра вариантов для их реализации вне близких отношений. При этом сами отношения, их формы и содержание трансформируются в соответствии с изменяющимся социокультурным контекстом.

Для отечественной психологии проблема близких партнерских отношений как особого вида социальных отношений человека является перспективной наряду с изучением отдельных их типов, а именно супружеских и брачных отношений. Содержательный и процессуальный аспекты близких отношений до настоящего момента не изучены в достаточной полноте, нет четкого видения, представлений о том, что происходит, какие процессы и механизмы работают в близких партнерских, супружеских отношениях, каким образом это отражается на личности, ее благополучии и субъективной картине мира.

Близкие отношения партнеров в силу внутренних противоречивых тенденций и воздействия внешних негативных факторов достаточно нестабильны, обладают динамикой. Диадический копинг является одним из условий их стабилизации и развития. Данная проблема рассматривается в статье О.А. Екимчик и Т.П. Опекиной из Костромского государственного университета. Авторы анализируют, каким образом и в какой мере романтическая привязанность у взрослых предсказывает выбор стратегий диадического копинга не только самим субъектом, но и его партнером.

Статья «Связь стратегий эмоциональной регуляции с субъективным благополучием и жизнестойкостью: эффекты актора и партнера в супружеских парах» представлена А.А. Панкратовой, О.В. Паршиковой и Ю.Д. Чертковой, исследователями из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Авторы анализируют проблему субъективного благополучия и жизнестойкости субъекта в контексте супружеских отношений, с учетом взаимовлияний партнеров друг на друга. Предпочтение субъектом той или иной стратегии эмоциональной регуляции в супружеских отношениях сопряжено с его удовлетворенностью своей жизнью и жизнью партнера. Выявлены доминирующие стратегии эмоциональной регуляции для мужчин и для женщин, установлена нелинейность влияния на удовлетворенность и его специфика.

Если в двух первых статьях спецвыпуска рассматриваются диада и взаимовлияния внутри нее, то в статье М.В. Алагуева и В.Н. Галяпиной «Роль социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры: кросс-региональный анализ» авторы фокусируют свое внимание на проблеме выбора партнера в различных социокультурных контекстах, а именно на том, как образуется партнерство, какие культурные и социальные факторы на это влияют и в какой мере. Психологи из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» подчеркивают: социокультурный контекст имеет значение уже на этапе становления отношений. Этническая, религиозная и гражданская идентичности влияют на отношение человека к межкультурному браку.

Статьи данного спецвыпуска привлекают внимание читателей и исследователей к проблеме исследования близких отношений в рамках отечественной психологии с учетом новых контекстов.

О.А. Екимчик

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ КАК ПРЕДИКТОР ДИАДИЧЕСКОГО КОПИНГА В ПАРЕ

О.А. ЕКИМЧИК^а, Т.П. ОПЕКИНА^а

^а Костромской государственной университет, 156005, Россия, Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

Romantic Attachment as a Predictor of Partners' Dyadic Coping

О.А. Ekimchik^a, Т.П. Opekina^a

^a Kostroma State University, 17 Dzerzhinskogo Str., Kostroma, 156005, Russian Federation

Резюме

В статье представлены результаты теоретико-эмпирического исследования проблемы сопряженности романтической привязанности партнеров и качества их диадического совладания. Авторы предположили, что характеристики надежной привязанности к партнеру позитивно влияют на диадический копинг в отношениях. Характеристики ненадежной привязанности, согласно гипотезам авторов, негативно влияют на диадическое совладание. В исследовании приняли участие 65 пар ($n = 130$), мужчины в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 25.4$; $SD = 5.7$) и женщины от 18 до 35 лет ($M = 23.4$; $SD = 4.2$). В браке состоят 25 пар, 40 пар в отношениях, из них 18 диад проживают совместно, 22 пары находятся на этапе романтических встреч. Были применены «Мультиопросник измерения романтической привязанности у взрослых» (К.А. Бреннан, Ф.Р. Шейвер), «Опросник диадического копинга» (Г. Боденманн). Установлено, что характеристики романтической привязанности партнеров влияют на использование ими стратегий диадического копинга разнонаправленно: усиливая

Abstract

The article presents the results of theoretical and empirical study about the interlinking of partners' romantic attachment and qualities of their dyadic coping. The authors suggested that dimensions of secure romantic attachment have positive effects on dyadic coping in close relationships. Dimensions of insecure romantic attachment, according to the authors' hypotheses, have a negative impact on dyadic coping. The study involved 65 couples ($n = 130$), men aged 18–35 ($M = 26.2$; $SD = 6.1$); women aged 18–35 ($M = 23.4$; $SD = 4.2$). There were 25 married couples, and 40 couples being in relationships, among them 18 couples cohabitated, 22 couples were dating. Method: Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment by K.A. Brennan, F.R. Shaver; Dyadic Coping Inventory by G. Bodenmann. It was found that the dimensions of partners' romantic attachment influence the dyadic coping strategies choice in different directions: enhancing some and reducing others.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ FZEW-2020-0005.

The research is funded by the Ministry of Science and Higher Education RF No. FZEW-2020-0005.

одни и снижая другие. Характеристики романтической привязанности предсказывают не только применение стратегий диадического копинга самим субъектом, но и использование копинг-стратегий его партнером. Результаты, полученные в исследовании, позволяют заключить, что диадический копинг партнеров имеет как схожие, так и специфические особенности у мужчин и женщин. Романтическая привязанность детерминирует диадический копинг в близких отношениях. Ненадежные стили привязанности снижают частоту обращения к диадическим стратегиям у мужчин и женщин. Надежная привязанность увеличивает ориентированность партнеров на диадический копинг как средство стабилизации близких отношений. Заявленная гипотеза нашла свое частичное подтверждение.

Ключевые слова: романтическая привязанность, диадический копинг, стратегии совладания.

Екимчик Ольга Александровна — доцент, кафедра общей и социальной психологии; старший научный сотрудник, сектор фундаментальных исследований, Костромской государственной университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология близких отношений, стресс и диадический копинг, любовь и романтическая привязанность, одиночество, психодиагностика.

Контакты: olga-ekimchik@rambler.ru

Опекина Татьяна Петровна — доцент, кафедра общей и социальной психологии; старший научный сотрудник, сектор фундаментальных исследований, Костромской государственной университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: деструктивная привязанность, стресс и совладание, ревность, скука в отношениях, близкие отношения.

Контакты: grigorova.t90@mail.ru

Dimensions of romantic attachment predict not only the one's dyadic coping strategies choice, but also the coping strategies choice by their partner. The results obtained in the study allow concluding that partners' dyadic coping has both similar and specific features in men and women. Romantic attachment determines dyadic coping in close relationships. Insecure attachment styles reduce the frequency of choosing dyadic coping strategies in men and women. Secure attachment style increases partners' focus on dyadic coping as a means of stabilizing close relationships. Thus, the stated hypothesis was partially confirmed.

Keywords: romantic attachment, dyadic coping, coping strategies.

Olga A. Ekimchik — Associate Professor, Department of General and Social Psychology; Senior Research Fellow, Basic Research Sector, Kostroma State University, PhD in Psychology.

Research Area: psychology of close relationships, stress and dyadic coping, love and romantic affection, loneliness, psychodiagnostics.

E-mail: olga-ekimchik@rambler.ru

Tatyana P. Opekina — Associate Professor, Department of General and Social Psychology; Senior Research Fellow, Basic Research Sector, Kostroma State University, PhD in Psychology.

Research Area: destructive attachment, stress and coping, jealousy, boredom in relationships, intimate relationships.

E-mail: grigorova.t90@mail.ru

Одним из подходов к изучению и функционированию близких партнерских отношений взрослого человека является теория привязанности, разработанная Дж. Боулби и дополненная его последователями: М. Эйнсворт, Ф. Шейвером, М. Микулинсером, К. Фрейли и др. Отношения привязанности — это межличностные отношения, в которых эмоциональная безопасность одного человека зависит от чуткости, отзывчивости и поддержки другого (Боулби, 2003; Schachner et al., 2005). В партнерские близкие отношения взрослого

человека, по мнению Ф. Шейвера, включены три поведенческие взаимосвязанные системы: привязанность, забота и секс. Причем базовой является система привязанности, так как она способствует развитию чувства безопасности и защищенности в близких отношениях, влияет на социальное функционирование человека и его психическое здоровье (Mikulincer, Shaver, 2020). Романтическая привязанность развивается на основе рабочих моделей, сформированных в раннем детстве и отражающих аффективно-когнитивные паттерны взаимосвязи с заботливым Другим в ситуации угрозы и/или стресса (Mikulincer, Shaver, 2007; Григорова, 2013). Стиль привязанности — это модель ожиданий, потребностей, эмоций и социального поведения, которая является результатом определенной истории опыта привязанности и обычно начинается в отношениях с родителями. М. Эйнсворт, изучая привязанность у детей, выделила три стиля: безопасный, тревожный и избегающий; позднее был добавлен амбивалентный. В исследованиях привязанности у взрослых также сохранилась ориентация на выделенные стили (Mikulincer, Shaver, 2007).

В аспекте исследования взрослой привязанности в близких отношениях изучаются стили привязанности к романтическому партнеру и их характеристики, включая деструктивную привязанность (Ф. Шейвер, С. Хейзен, М. Микулинсер, О.А. Екимчик, Т.П. Опекина), исследуются связи паттернов романтической привязанности и невербального поведения в контексте отношений (Schachner et al., 2005), анализируются сексуальные фантазии, мотивы сексуального поведения, а также рассматривается влияние стиля привязанности на удовлетворенность сексом (Birnbaum, 2007; Davis et al., 2004). Создаются и проходят адаптацию методы измерения привязанности (Sun et al., 2021), изучается связь стилей привязанности с качеством и динамикой близких отношений (Vicary, Fraley, 2007; Heffernan et al., 2012), проводится коррекция привязанности в отношениях (Hudson et al., 2014). Можно отметить и ряд других аспектов изучения данной темы: исследуется влияние привязанности на переживание ревности (Опекина, Голубева, 2020), изучаются близость в теории привязанности (Казанцева, 2010), сочетание стилей привязанности партнеров, негативных переживаний и удовлетворенности в близких отношениях (Lozano et al., 2021).

Система привязанности в отношениях активируется в стрессовой ситуации тогда, когда человек оценивает физическую или психологическую угрозу для себя и/или отношений, ищет поддержки и утешения у партнера (Mikulincer, Shaver, 2007). В связи с этим особый интерес представляет исследование роли привязанности к партнеру в индивидуальном и диадическом совладании. Ранее были описаны стрессогенность деструктивной привязанности к партнеру и выявлены особенности совладания с ней субъектом (Григорова, 2013). Установлены связи стилей привязанности человека и его совладающего поведения (Mikulincer, Shaver, 2007; Куфтяк, 2021).

Если привязанность к партнеру можно рассматривать как основу близких отношений, то совладание со стрессом диадой играет роль в их развитии (Bodenmann, Randall, 2012; Bodenmann et al., 2019; Iuga, Candel, 2020;

Бычкова, Крюкова, 2018; Григорова, 2013; Екимчик, 2017; Королева и др., 2016; Калугина, 2012; Крюкова и др., 2019).

Существует несколько подходов к анализу совладания в близких отношениях (Бонкало и др., 2020; Bodenmann, Randall, 2012), в данном исследовании сосредоточимся на системно-транзактной модели диадического копинга Г. Боденманна. В ее рамках диадическое совладание определено как системное явление, затрагивающее пару в целом в связи с взаимозависимостью партнеров и влиянием стресса одного партнера на другого и на их отношения. Диадический копинг формируется в отношениях по мере их развития и столкновения партнеров с трудностями. Выделяют позитивные формы диадического копинга, такие как общий (совместные действия партнеров, направленные на снижение стресса), поддерживающий (эмоциональная и когнитивная поддержка) и делегированный (инструментальная поддержка), а также негативный диадический копинг, предполагающий отказ от совместного разрешения трудностей, игнорирование стресса партнера (Груздев и др., 2020). Диадический копинг — это такая форма взаимодействия в паре, которая учитывает сигналы о стрессе одного партнера и ответную реакцию на них другого; включает разделение задач и деятельности с партнером, совместный и согласованный подход к напряженной ситуации (Крюкова и др., 2019). Обзор исследований указывает на наличие работ по изучению сопряженности диадического копинга с удовлетворенностью браком (Holzapfel et al., 2018), предикторов диадического совладания: качества близких отношений (доверие, коммуникативные трудности, забота, открытость), совместности переживания стресса и мотивации справляться с трудностями, отсутствие фаббинга (Крюкова и др., 2019; Груздев и др., 2020; Bodenmann et al., 2019). Встречаются исследования, рассматривающие диадическое совладание у партнеров с разными стилями привязанности (McLeod et al., 2021), но они достаточно редки. При этом не проводился детальный анализ того, каким образом стиль привязанности субъекта сопряжен с его собственными диадическими стратегиями, и того, связан ли он со стратегиями партнера.

Таким образом, система привязанности и диадический копинг активируются в стрессовой ситуации у индивида, состоящего в близких отношениях. При этом рабочие модели привязанности и ее стиль являются довольно устойчивыми, формируются преимущественно во взаимоотношениях с родителями. Диадический копинг партнеров складывается по мере развития их актуальных близких отношений. Можно обозначить проблемные вопросы: как диадический копинг сопряжен с романтической привязанностью каждого из партнеров в диаде? Какие характеристики привязанности влияют на диадические стратегии самого субъекта и диадические стратегии его партнера в борьбе со стрессом?

Были выдвинуты следующие гипотезы: 1) на диадическое совладание субъекта в отношениях позитивное влияние оказывают компоненты надежной привязанности — как его собственные, так и его партнера; 2) компоненты ненадежных типов привязанности, свойственные одному из партнеров, напротив, отрицательно влияют на диадический копинг каждого из партнеров.

В исследовании приняли участие 65 пар ($n = 130$) в возрасте от 18 до 35 лет: мужчины ($M = 25.4$; $SD = 5.7$) и женщины ($M = 23.4$; $SD = 4.2$). В браке состоят 25 пар, 40 пар в отношениях, из них 18 диад проживают совместно, 22 пары находятся на этапе романтических встреч. Все респонденты назвали свои отношения близкими, длительность отношений от 0.5 года до 11 лет ($M = 4.13$; $SD = 3.05$). Все респонденты приняли добровольное участие в исследовании на безвозмездной основе, каждый из партнеров заполнял пакет методик самостоятельно, не взаимодействуя с другим.

Для измерения характеристик привязанности в близких отношениях был использован «Мультиопросник измерения романтической привязанности у взрослых» (MIMARA) К.А. Бреннан и Ф.Р. Шейвера (Екимчик, 2009). Опросник включает в себя семь субшкал: «Фрустрация» ($\alpha = 0.61$); «Стремление к сближению» ($\alpha = 0.79$); «Самоподдержка» ($\alpha = 0.66$); «Амбивалентность» ($\alpha = 0.84$); «Доверие, уверенность» ($\alpha = 0.65$); «Ревность/страх быть оставленным» ($\alpha = 0.69$); ««Цепляние» за партнера» ($\alpha = 0.70$). Каждая субшкала включает себя 10 пунктов, оцениваемых по 7-бальной шкале Лайкерта.

Стратегии диадического копинга респондентов оценивались с помощью «Опросника диадического копинга» Г. Боденманна (2008, см.: Крюкова и др., 2019). Особенностью данного опросника является то, что он включает в себя субшкалы, характеризующие отдельно копинг субъекта в отношениях в ситуации стресса, а также идентичные субшкалы, но характеризующие восприятие копинг-усилий партнера. Он состоит из 37 пунктов, каждый необходимо оценить по пятибальной шкале Лайкерта. Предполагается подсчет общего балла диадического копинга ($\alpha = 0.81$) и десяти субшкал, включающих в себя от двух до пяти пунктов: 1) информирование партнера о личном стрессе ($\alpha = 0.62$); 2) поддерживающий диадический копинг субъекта ($\alpha = 0.82$); 3) делегированный диадический копинг субъекта ($\alpha = 0.82$); 4) негативный диадический копинг субъекта ($\alpha = 0.68$); 5) общение партнера во время стресса ($\alpha = 0.60$); поддерживающий диадический копинг партнера ($\alpha = 0.79$); 7) делегированный диадический копинг партнера ($\alpha = 0.79$); 8) негативный диадический копинг партнера ($\alpha = 0.69$); 9) общий копинг ($\alpha = 0.77$); 10) оценка диадического копинга ($\alpha = 0.87$).

Коэффициенты согласованности опросников подсчитаны для текущего исследования по данным выборки ($n = 130$).

В статистическом анализе данных были использованы следующие методы: описательная статистика; анализ надежности с помощью коэффициента альфа Кронбаха; одновыборочный критерий Колмогорова—Смирнова для проверки нормальности распределения; t -критерий Стьюдента для зависимых выборок; множественный регрессионный анализ; Н-критерий Краскала—Уоллеса. Статистический пакет SPSS 22.0.

Результаты исследования

В рамках исследования были проанализированы характеристики романтической привязанности и диадического копинга партнеров.

Дескриптивные показатели выраженности характеристик привязанности у мужчин и женщин в диаде представлены в таблице 1.

Компоненты привязанности, оцененные нами с помощью методики MIMARA, характеризуют традиционно выделяемые стили романтической привязанности. Так, к компонентам надежной привязанности относятся доверие и

Таблица 1

Характеристики романтической привязанности партнеров и результаты их сравнения с помощью *t*-критерия Стьюдента для зависимых выборок ($n = 130$)

Характеристики романтической привязанности к партнеру	Мужчины ($n = 65$)		Женщины ($n = 65$)		<i>t</i> -критерий (p)
	М	SD	М	SD	
Фрустрация	3.06	1.06	2.80	0.83	—
Стремление к сближению*	5.24	0.72	5.59	0.75	2.94 (0.002)
Самоподдержка*	3.93	0.88	3.63	0.71	−2.42 (0.02)
Амбивалентность	3.07	1.06	3.13	0.86	—
Доверие	3.94	0.72	4.04	0.74	—
Ревность/страх быть оставленным	3.73	0.83	3.86	0.86	—
«Цепляние» за партнера	3.71	0.84	3.83	0.74	—

Таблица 2

Показатели диадического копинга партнеров и результаты их сравнения с помощью *t*-критерия Стьюдента для зависимых выборок ($n = 130$)

Показатели субшкал диадического копинга	Мужчины ($n = 65$)		Женщины ($n = 65$)		<i>t</i> -критерий (p)
	М	SD	М	SD	
Информирование партнера о личном стрессе*	3.19	0.73	3.55	0.57	3.02 (0.004)
Поддерживающий диадический копинг субъекта	3.98	0.65	3.96	0.64	—
Делегированный диадический копинг субъекта*	3.44	0.86	3.09	0.95	−3.21 (0.001)
Негативный диадический копинг субъекта*	3.53	1.03	3.95	1.34	2.89 (0.003)
Общение партнера во время стресса*	3.57	0.64	3.14	0.53	−3.22 (0.02)
Поддерживающий диадический копинг партнера	3.69	0.75	3.77	0.67	—
Делегированный диадический копинг партнера	3.47	0.85	3.40	0.98	—
Негативный диадический копинг партнера	3.54	1.13	3.51	1.26	—
Общий диадический копинг	3.74	0.76	3.72	0.67	—
Оценка диадического копинга	3.92	0.85	3.95	0.76	—

* — значимые различия для переменных.

стремление к сближению, к компонентам тревожной привязанности — ревность, «цепляние» за партнера и амбивалентность, к избегающей привязанности — фрустрация и самоподдержка (Екимчик, 2009).

Привязанность мужчин в выборке характеризуется стремлением к сближению, доверием, самоподдержкой, а также слабо выраженными фрустрацией, амбивалентностью и ревностью. В привязанности женщин фрустрация, амбивалентность и ревность также выражены невысоко, а доверие и стремление к сближению выражены интенсивней. С помощью t -критерия Стьюдента для парных выборок установлены значимые различия в характеристиках привязанности у женщин и мужчин в диадах: *стремление к сближению* ($p < 0.002$) и *самоподдержка* ($p < 0.025$). Партнерши чаще стремятся к близости, а партнеры избегают взаимозависимости в отношениях, стремясь сохранить автономию. Эти результаты соотносятся с результатами, полученными при адаптации методики (Крюкова и др., 2019).

Дескриптивные показатели диадического копинга мужчин и женщин в диаде представлены в таблице 2.

Анализ данных с помощью t -критерия Стьюдента для зависимых выборок позволил подтвердить обнаруженные ранее различия в диадическом копинге пары: женщины чаще *информируют партнеров о личном стрессе* ($p < 0.003$), чаще использует *негативный диадический копинг* — не поддерживают партнеров, не воспринимают их проблемы всерьез ($p < 0.003$); мужчины чаще отмечают *общение партнера во время стресса* ($p < 0.02$) и прибегают к *делегированному диадическому копингу*, т.е. берут на себя решение проблем партнерши ($p < 0.001$).

Учитывая неоднородность нашей выборки по форме близких отношений, в которых состоят респонденты, нами был проверен аспект возможных различий в диадическом копинге и привязанности у партнеров, состоящих в близких отношениях на разных этапах (романтические встречи, совместное проживание, официальный брак). С помощью критерия Краскала—Уоллеса были установлены следующие различия в компонентах их привязанности на разных этапах отношений:

1) мужчины, состоящие в отношениях без совместного проживания, имеют меньшие показатели фрустрации ($p < 0.05$), амбивалентности ($p < 0.01$) и ревности ($p < 0.05$) по сравнению с мужчинами, совместно проживающими со своими партнершами и состоящими с ними в официальном браке;

2) у мужчин, состоящих в официальном браке, значимо ниже выражено стремление к сближению в структуре привязанности ($p < 0.01$).

Достоверно значимых различий в привязанности женщин не было выявлено.

Были установлены различия в диадических копинг-стратегиях у партнеров на разных этапах отношений:

1) женщины, проживающие совместно с мужчинами без официальной регистрации брака, значимо чаще отмечают негативный диадический копинг своего партнера ($p < 0.05$), чем женщины на этапе романтических встреч с партнером и состоящие в браке;

2) мужчины, совместно проживающие со своей партнершей, реже общаются с ней во время стресса ($p < 0.05$), реже отмечают делегированный диадический

копинг своей партнерши ($p < 0.01$) и ниже оценивают диадический копинг пары ($p < 0.05$) по сравнению с мужчинами на этапе романтических встреч с партнершей и с мужчинами, состоящими в браке.

При проверке первой гипотезы о влиянии компонентов привязанности одного партнера в диаде как на личный диадический копинг, так и на диадический копинг Другого (партнера в близких отношениях) мы провели множественный регрессионный анализ в два этапа. В качестве независимых переменных были проанализированы характеристики романтической привязанности к партнеру как индикаторы устойчивой рабочей модели привязанности индивида, а также такой показатель, как длительность отношений. В качестве зависимых переменных проанализированы стратегии диадического копинга каждого из партнеров. Согласно концепции Г. Боденманна, диадический копинг не задан изначально, а формируется в конкретных отношениях и может изменяться. Независимая переменная (модель привязанности индивида) возникает онтогенетически раньше, чем диадический копинг (зависимая переменная), что определяет направление причинно-следственных связей. На первом этапе мы рассмотрели влияние компонентов романтической привязанности субъектов в диаде (как мужчин, так женщин) на их собственные диадические стратегии, применяемые при стрессе, совместно с фактором длительности отношений (см. таблицу 3).

Так, *самоподдержка* в привязанности как женщин, так и мужчин отрицательно влияет на стратегию информирования ими партнера о личном стрессе. Другие компоненты ненадежной привязанности женщин также оказывают негативное влияние на их диадическое совладание: *амбивалентность* снижает оценку диадического копинга пары, *фрустрация* и *самоподдержка* снижают оценку делегированного диадического копинга партнера, *амбивалентность* совместно с фактором длительности отношений способствует снижению использования женщинами поддерживающего диадического копинга в адрес партнера. Напротив, характеристики, свойственные надежной привязанности, положительно влияют на диадический копинг женщин. Так, *стремление к сближению* с партнером и *доверие* женщины повышают использование ею делегированного диадического копинга, повышают ее оценку диадического копинга партнера.

Фрустрация в привязанности мужчин отрицательно влияет на использование ими делегированного диадического копинга, а также на делегированный диадический копинг их партнерш. *Доверие* в привязанности мужчин, напротив, позитивно влияет на их оценку поддерживающего копинга их партнерш.

На втором этапе мы рассмотрели влияние компонентов романтической привязанности субъектов в диаде на диадические стратегии, применяемые их партнерами (см. таблицу 4). На основании теоретического обзора у нас возникло предположение, что диадический копинг партнеров, направленный на совладание с диадическим стрессом, обусловлен не только индивидуальными особенностями привязанности человека, но и проявлением рабочих моделей привязанности его партнера. В ситуации диадического стресса активируется

Таблица 3

Влияние компонентов привязанности партнеров на их личные диадические копинг-стратегии (n = 65)

Независимая переменная (компоненты привязанности)	Зависимая переменная (стратегии диадического копинга)	R ²	β
Самоподдержка (женщины)	Информирование о личном стрессе (женщины)	0.22	−0.47***
Самоподдержка (мужчины)	Информирование о личном стрессе (мужчины)	0.11	−0.34*
Амбивалентность (женщины)	Поддерживающий диадический копинг субъекта (женщины)	0.20	−0.36***
Длительность отношений			−0.22*
Доверие (мужчины)	Поддерживающий диадический копинг партнера (мужчины)	0.20	0.44**
Доверие (женщины)	Делегированный диадический копинг субъекта (женщины)	0.14	0.29**
Стремление к сближению (женщины)			0.22*
Фрустрация (мужчины)	Делегированный диадический копинг субъекта (мужчины)	0.14	−0.36**
Фрустрация (мужчины)	Делегированный диадический копинг партнера (мужчины)	0.10	−0.29*
Стремление к сближению (женщины)	Делегированный диадический копинг партнера (женщины)	0.39	0.39***
Самоподдержка (женщины)			−0.36**
Фрустрация (женщины)			−0.27*
Амбивалентность (женщины)	Оценка диадического копинга (женщины)	0.15	−0.36**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

привязанность как поведенческая система каждого из партнеров, влияя на индивидуальный копинг. При этом было неясно, что происходит с диадическими копинг-стратегиями, направленными на снижение стресса у каждого из партнеров в отношениях и на стабилизацию их.

Результаты показали, что диадические стратегии партнеров-мужчин обусловлены как их собственными характеристиками привязанности, так и характеристиками привязанности их партнерш. Было также выявлено влияние на совместный (общий) диадический копинг у женщин такой характеристики привязанности партнеров-мужчин, как *стремление к сближению*.

На поддерживающий диадический копинг мужчин отрицательно влияет их *амбивалентность* в привязанности при позитивном влиянии склонности их партнерш «цепляться» за партнера. Напротив, на негативный диадический копинг мужчин, помимо их собственной *фрустрации* в привязанности, негативно влияет *самоподдержка* в привязанности их партнерш.

Таблица 4

Влияние компонентов привязанности партнеров на диадические копинг-стратегии другого партнера в диаде (n = 65)

Независимая переменная (компоненты привязанности)	Зависимая переменная (стратегии диадического копинга)	R ²	β
Амбивалентность (мужчины)	Поддерживающий диадический копинг субъекта (мужчины)	0.24	0.44***
«Цепляние» за партнера (женщины)			0.36**
Фрустрация (мужчины)	Негативный диадический копинг субъекта (мужчины)	0.21	0.44***
Самоподдержка (женщины)			0.25**
«Цепляние» за партнера (женщины)	Общение партнера во время стресса (мужчины)	0.34	0.44***
«Цепляние» за партнера (мужчины)			0.29*
Длительность отношений			0.36**
Стремление к сближению (женщины)			0.34**
Амбивалентность (мужчины)	Оценка диадического копинга (мужчины)	0.22	0.41***
Самоподдержка (женщины)			0.23*
Ревность (женщины)			0.20*
Стремление к сближению (мужчины)	Общий диадический копинг (женщины)	0.18	0.41**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Длительность отношений, а также *стремление к сближению* и *«цепляние» за партнера* в привязанности женщин позитивно влияет на общение мужчин со своими партнершами во время стресса, на что также негативно влияет *стремление к сближению* в привязанности мужчин. *Ревность* в привязанности женщин и их склонность к *самоподдержке* повышают оценку диадического копинга у мужчин, тогда как *амбивалентность* в привязанности у мужчин, напротив, ее снижает.

Наши гипотезы нашли свое подтверждение. Компоненты привязанности влияют на диадический копинг, объясняя от 14 до 39% дисперсии собственных копинг-стратегий и от 18 до 34% дисперсии копинг-стратегий партнеров.

Обсуждение результатов

В целом привязанность членов диад в данной выборке включает в себя выраженные характеристики надежной привязанности. Так, мужчинам в выборке свойственны стремление к сближению и доверие несколько выше значений, полученных авторами адаптации методики MIMARA (Екимчик, 2009). В то же время характеристики, свойственные ненадежной (избегающей

и тревожной) привязанности, такие как фрустрация, амбивалентность, ревность, выражены, напротив, невысоко. Аналогичная тенденция отмечается у женщин.

Выявленные различия в выраженности компонентов привязанности между партнерами, несмотря на их достоверную значимость, численно невелики (0.2–0.5 пункта) и не позволяют сделать вывод о том, что среди мужчин больше субъектов с избегающим стилем привязанности, а среди женщин — с надежным стилем. Сравнение характеристик привязанности у партнеров с разной формой близких отношений не выявило достоверно значимых различий у женщин, но обозначило несколько таковых у мужчин. В частности, у мужчин на начальном этапе отношений меньше, чем у мужчин в браке, выражены характеристики ненадежной привязанности, а у мужчин в браке соответственно меньше выражены характеристики надежного стиля привязанности. Данный результат является довольно любопытным и может обозначать одну из перспектив дальнейшего исследования.

Согласно результатам исследования, как у мужчин, так и у женщин отмечаются вариативность стратегий, качества и продуктивности диадического копинга своей пары. Выявленные различия в том, как мужчина и женщина оценивают собственный вклад в диадическое совладание их пары, схожи с результатами, полученными при адаптации методики «Опросник диадического копинга» (Крюкова и др., 2019), т.е. наша выборка вполне репрезентативна по параметрам диадического совладания. Анализ показал некоторую специфику диадического копинга у мужчин и женщин, состоящих в отношениях разной формы Мужчины и женщины, проживающие совместно, отмечают наличие трудностей в диадическом совладании, а именно недостаточный вклад со стороны партнера в преодоление стресса и в стабилизацию отношений. Диады на данном этапе развития отношений сталкиваются уже с большим числом диадических стрессоров, но не выработали хороших навыков их совместного преодоления.

Однако необходимо отметить, что сравнение мужчин и женщин, состоящих в отношениях разной формы, было проведено с помощью непараметрического критерия (Н-критерий Краскала—Уоллеса), поэтому судить о величине различий невозможно.

В исследовании нашла свое подтверждение гипотеза о влиянии на диадическое совладание субъекта как его собственных компонентов привязанности, так и характеристик привязанности его партнера. Так, компоненты ненадежной привязанности субъектов в диаде получили большее количество значимых влияний на диадические стратегии как их самих, так и их партнеров, по сравнению с компонентами надежной привязанности.

Влияние на диадическое совладание в диаде характеристик собственной привязанности более характерно для женщин, нежели для мужчин, диадический копинг которых чаще определяется как совокупностью их собственных характеристик привязанности, так и компонентами привязанности их партнерш.

Подтвердилось предположение о том, что на диадические стратегии субъектов оказывают влияние характеристики привязанности их партнеров. Так,

женщины выше оценивают диадические усилия пары, если их партнеры склонны к эмоциональной близости с ними.

Однако большее количество результатов предикции диадического копинга характеристиками привязанности другого партнера было получено у мужчин. Компоненты привязанности партнерш влияют на то, насколько поддерживающим или негативным будет диадический копинг их партнера.

Наличие у партнерши компонентов ненадежных стилей привязанности (ревность, страх потерять отношения, самоподдержка) повышают оценку диадического копинга у мужчины. А его собственная амбивалентность, характеризующая тревожный стиль привязанности, напротив, ее снижает. Самоподдержка женщин уменьшает использование мужчинами делегированного диадического копинга, но также снижает и использование негативного диадического копинга в адрес партнерш. Возможно, это связано с тем, что автономность и независимость женщин неоднозначно воспринимается мужчинами: с одной стороны, препятствует критике, упрекам в адрес женщин, с другой — снижает помощь и поддержку. Женщины с высокой самоподдержкой, в свою очередь, вероятно, более склонны к применению индивидуального совладания с ситуацией стресса.

На диадический копинг женщин влияют такие компоненты надежной привязанности мужчин, как стремление к сближению, доверие, отсутствие фрустрации. Таким образом, диадический копинг женщин позитивно связан как с показателями собственной надежной привязанности (стремление к сближению, доверие), так и с показателями надежной привязанности мужчин, за исключением компонента самоподдержки, который снижает вероятность их сообщения мужчинам о своем стрессе.

Таким образом, полученные результаты о влиянии характеристик привязанности на стратегии диадического копинга в отношениях согласуются с данными, полученными ранее относительно индивидуального совладающего поведения (Куфтяк, 2021). В то же время они расширяют представление о диадическом совладании в паре, раскрывая специфику его детерминации у каждого из партнеров. В частности, избегающий стиль привязанности, предполагающий дистанцирование, неумение справляться с собственными негативными переживаниями (Mikulincer, Shaver, 2007), как у мужчин, так и у женщин препятствует обсуждению стресса с партнером. Также он снижает у мужчин проявление инструментальной поддержки и принятие ее от Другого у обоих партнеров. У женщин оказание инструментальной поддержки партнеру в ситуации стресса и принятие ее от него усиливает надежную привязанность. Специфика данной диадической стратегии у партнеров в диаде заключается в ее предикции разными стилями привязанности в зависимости от половой принадлежности.

Интересный результат выявлен для стратегии когнитивной и эмоциональной поддержки. Тревожная привязанность и у женщин, и у мужчин снижает проявление эмоциональной поддержки к партнеру в стрессовой ситуации, что вполне логично, так как субъект будет озабочен поиском подтверждения любви и внимания к себе, совладанием с собственными эмоциями. Однако у

мужчин данная стратегия детерминруется не только собственными особенностями привязанности, но и особенностями тревожной привязанности партнерш. Тревожная привязанность партнерши, сигнализирующая мужчине о том, что она остро нуждается в его заботе и внимании, увеличит его стремление эмоционально поддержать партнершу, успокоить ее. Принятие эмоциональной поддержки от партнерши более свойственно мужчинам с надежной привязанностью.

Низкая оценка эффективности диадического копинга как у мужчин, так и у женщин обусловлена тревожной (ненадежной) привязанностью, что связано с усилением стресса, с ощущением собственной неэффективности и с трудностями справиться с эмоциями у субъекта (Куфтяк, 2021). Но при этом показатели по шкале оценки диадического копинга у мужчин прямо детерминированы ненадежной привязанностью у женщин: мужчина партнерши с тревожной или избегающей привязанностью выше оценивает их совместные усилия, направленные на диадическое совладание со стрессом.

Интересным является тот факт, что негативный диадический копинг субъекта детерминирован привязанностью только у мужчин, причем избегающая привязанность самого мужчины его усилит, будет прямым следствием ее проявления в виде отказа признать потребности партнера и трудности в отношениях (Mikulincer, Shaver, 2007). Но проявление избегающей привязанности партнершей, ее дистанцирование привлекает внимание мужчины к ее состоянию и снижает негативный копинг у него. Негативный диадический копинг женщины не сопряжен ни с ее индивидуальными особенностями привязанности, ни со стилем привязанности ее партнера.

Обратим внимание на стратегию «общение партнера во время стресса», проявляющуюся в большей степени у мужчин, нежели у женщин (см. таблицу 2). Положительным предиктором данной стратегии у мужчины выступает надежная или тревожная привязанность его партнерши. Отрицательным предиктором будет тревожная привязанность самого мужчины. Мужчина реагирует на сообщения партнерши о стрессе и о трудностях, если у него не тревожная привязанность. Надежно привязанные или тревожно привязанные женщины более склонны разделять свои заботы и переживания с партнером, что он также отмечает. Тревожно привязанные мужчины менее чувствительны к сигналам партнерши о диадическом стрессе, так как сами находятся в напряжении и тревоге, ориентированы на поиск поддержки, они просто не слышат ее.

Восприятие общего диадического копинга, характеризующего совместные действия партнеров, направленные на стабилизацию отношений и преодоление трудностей, обусловлено у женщины выраженностью надежной привязанности у ее партнера, т.е. совместные действия в стрессовой ситуации у женщины зависят от стиля привязанности ее партнера, а не от индивидуальных особенностей ее собственной привязанности.

Предикция диадического копинга субъекта отношений характеристиками привязанности партнера подтверждает: диадическое совладание формируется в конкретной паре с учетом стилей привязанности обоих партнеров. При этом

одни и те же диадические стратегии у мужчин и женщин могут быть сопряжены с совершенно разными особенностями индивидуальной привязанности и/или привязанности партнера. Индивидуальный стиль ненадежной (тревожной или избегающей) привязанности субъекта снижает интенсивность обращений к диадическому копингу, а надежный стиль привязанности обоих партнеров ее увеличивает.

Мужчины, чьи партнерши проявляют ненадежную привязанность (тревожную или избегающую), чаще прибегают к продуктивному диадическому копингу, что позволяет справиться с негативными переживаниями и тревогой женщины (Lozano et al., 2021), снизить стресс в отношениях и стабилизировать их. Таким образом, продуктивный диадический копинг, проявляемый партнером, является одним из механизмов развития и поддержания отношений для женщин с ненадежной привязанностью.

Необходимо отметить отсутствие влияния как собственного стиля привязанности, так и стиля привязанности партнера у мужчин и женщин в близких отношениях на восприятие и оценку негативного диадического копинга партнера. Не установлено, что надежный, или избегающий, или тревожный стиль привязанности кого-либо из партнеров влияет на восприятие им отказа от диадического копинга в отношениях. Вероятно, данная стратегия имеет иные предикторы.

В целом относительно небольшой процент (6–38%) объясненной дисперсии диадических копинг-стратегий стилями привязанности свидетельствует о том, что существует ряд не учтенных в предложенном исследовании факторов формирования и проявления диадического совладания в паре, и намечает перспективы дальнейшей работы.

Необходимо отметить ограничения данного исследования. Во-первых, метод, используемый нами для изучения взрослой романтической привязанности, оценивает в целом характеристики рабочей модели привязанности в партнерских близких отношениях, не учитывая возможность ее корректировки в конкретных отношениях с партнером по мере их развития, в связи с чем мы попытались включить длительность отношений как ковариантную в регрессионную модель. Кроме того, методика MIMARA малопопулярна, что затрудняет соотнесение полученных результатов с результатами других исследований. Также необходимо отметить тот факт, что со временем может происходить адаптация рабочей модели привязанности к конкретным отношениям и появится небольшая вариативная изменчивость характеристик привязанности (Mikulincer, Shaver, 2007). Формирование диадического копинга в паре характеризуется процессуальностью и изменчивостью (Bodenmann, Randall, 2012). В связи с вышесказанным более детальную картину о сопряженности диадического копинга и стилей привязанности партнеров может обеспечить лонгитюдное исследование, а не срез.

Во-вторых, мы полагаем, что предикция диадического копинга сложна и многообразна и что существуют также и иные факторы, не изученные в данном исследовании и составляющие его перспективу.

В-третьих, наша выборка имеет достаточно большой возрастной разброс респондентов (18–35 лет) и разнообразна по представленным типам близких отношений (романтические встречи, совместное проживание и официальный брак) и их различной продолжительности.

Выводы

1. Теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на очевидную сопряженность стилей привязанности партнеров близких отношений с диадическим копингом как способом стабилизации отношений, данная проблематика недостаточно разработана. Имеющиеся исследования не учитывают факт взаимовлияния партнеров в диаде, формирование диадических стратегий с учетом поведения партнера.

2. Характеристики романтической привязанности оказывают влияние не только на диадический копинг самого субъекта, но и на копинг-стратегии партнера. Результаты, полученные в исследовании, позволяют заключить, что диадический копинг партнеров имеет как схожие, так и специфические особенности у мужчин и женщин. В частности, одни и те же стратегии диадического копинга могут быть детерминированы различными комбинациями характеристик взрослой привязанности у мужчин и у женщин.

3. Компоненты, присущие ненадежным стилям привязанности, отрицательно влияют на собственный диадический копинг субъекта отношений. Компоненты тревожной/избегающей привязанности у женщины активизируют диадические стратегии совладания у ее партнера. Надежная привязанность усиливает диадический копинг в близких отношениях у обоих партнеров. Таким образом, наша гипотеза подтвердилась частично.

4. У мужчин большее число диадических стратегий, чем у женщин, детерминировано не только индивидуальной привязанностью, но и привязанностью партнерши. У женщины диадические стратегии обусловлены преимущественно индивидуальными особенностями привязанности.

Полученные результаты расширяют представления о механизмах стабилизации близких отношений и имеют несомненную практическую ценность для консультирования пар по проблеме диадического копинга и стилей привязанности.

Литература

- Бонкало, Т. И., Маринова, Т. Ю., Феоктистова, С. В., Шмелева, С. В. (2020). Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии. *Социальная психология и общество*, 11(3), 35–50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>
- Боулби, Дж. (2003). *Привязанность*. М.: Гардарики.
- Бычкова, О. А., Крюкова, Т. Л. (2018). Возможности диадического копинга при коммуникативных трудностях партнеров близких отношений. В кн. Н. И. Леонова (ред.), *Социальный мир человека: Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир:*

- миросозидание, конфликт и медиация». Серия «Язык социального» (с. 333–336). Ижевск: Издательский дом «ERGO».
- Григорова, Т. П. (2013). Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 19(1), 110–116.
- Груздев, В. В., Екимчик, О. А., Ершов, В. Н., Золотова, И. А., Каменский, П. И., Кирпичник, О. В., Крюкова, Т. Л., Одинцова, О. Ю., Опекина, Т. П., Самохвалова, А. Г., Сапоровская, М. В., Силина, Е. А., Смирнов, В. А., Тихомирова, Е. В., Хазова, С. А., Шипова Н. С. (2020). *Современная семья: переосмысление контекстов*. Кострома: Костромской государственный университет.
- Екимчик, О. А. (2009). *Когнитивный и эмоциональный компоненты любви у людей разного возраста* [Кандидатская диссертация, Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова].
- Екимчик, О. А. (2017). Близкие отношения мужчины и женщины как контекст диадического стресса и копинга. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 4, 77–82.
- Казанцева, Т. В. (2010). Исследование психологической близости в теории привязанности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12*, 4, 94–98.
- Калугина, Е. Л. (2012). *Совладающее поведение супругов после рождения в семье второго ребенка* [Кандидатская диссертация, Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова].
- Королева, Е. М., Крюкова, Т. Л., Екимчик, О. А. (2016). Диадический копинг и положительная динамика партнерских отношений на их начальном этапе. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 22(3), 116–120.
- Крюкова, Т. Л., Екимчик, О. А., Опекина, Т. П. (2019). *Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях*. Кострома: Костромской государственный университет.
- Куфтяк, Е. В. (2021). Взаимосвязь привязанности и совладающего поведения у взрослых. *Консультативная психология и психотерапия*, 29(1), 28–43. <https://doi.org/10.17759/spr.2021290103>
- Опекина, Т. П., Голубева, А. А. (2020). Переживание ревности в близких отношениях и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 4, 53–59. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.4.53-59>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Birnbaum, G. E. (2007). Beyond the borders of reality: Attachment orientations and sexual fantasies. *Personal Relationships*, 14(2), 321–342. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.2007.00157.x>
- Bodenmann, G., Falconier, M. K., & Randall, A. K. (Eds.). (2019). *Dyadic coping: A collection of recent studies*. Lausanne: Frontiers Media. <https://doi.org/10.3389/978-2-88963-031-8>
- Bodenmann, G., & Randall, A. K. (2012). Common factors in the enhancement of dyadic coping. *Behavior Therapy*, 43(1), 88–98. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2011.04.003>
- Bonkalo, T. I., Marinova, T. Y., Feoktistova, S. V., & Shmeleva, S. V. (2020). Dyadic coping strategies of spouses as a factor in latent dysfunctional relationships in the family: an empirical study in a pandemic. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 11(3), 35–50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303> (in Russian)

- Bowlby, J. (2003). *Privyazannost'* [Attachment]. Moscow: Gardariki. (Original work published 1969)
- Bychkova, O. A., & Kryukova, T. L. (2018). Vozmozhnosti diadicheskogo kopinga pri kommunikativnykh trudnostyakh partnerov blizkikh otnoshenii [Possibilities of dyadic coping in cases of communication difficulties between partners in close relationships]. In N. I. Leonova (Ed.), *Sotsial'nyi mir cheloveka. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Chelovek i mir: mirosozidanie, konflikt i mediatsiya". Series "Yazyk sotsial'nogo"* [Social world of a man. Materials of the VII International research-to-practice conference "A man and the world: peace-building, conflict and mediation". Series "The Language of the Social"] (pp. 333–336). Izhevsk: ERGO.
- Davis, D., Shaver, P. R., & Vernon, M. L. (2004). Attachment style and subjective motivations for sex. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 30(8), 1076–1090. <https://doi.org/10.1177/0146167204264794>
- Ekimchik, O. A. (2009). *Kognitivnyi i emotsional'nyi komponenty lyubvi u lyudei raznogo vozrasta* [Cognitive and emotional components of love in people of different ages] [PhD dissertation, Nekrasov Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation].
- Grigorova, T. P. (2013). Sovladanie s destruktivnoi privyazannost'yu v romanticheskikh otnosheniyakh vzroslykh [Coping with destructive attachment in adult romantic relationships]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series "Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya Rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika"* [Vestnik Kostroma State University. Series Pedagogy. Psychology. Social Work. Acmeology. Juvenology. Sociokinetics], 19(1), 110–116.
- Gruzdev, V. V., Ekimchik, O. A., Ershov, V. N., Zolotova, I. A., Kamenskii, P. I., Kirpichnik, O. V., Kryukova, T. L., Odintsova, O. Yu., Opekina, T. P., Samokhvalova, A. G., Saporovskaya, M. V., Silina, E. A., Smirnov, V. A., Tikhomirova, E. V., Khazova, S. A., & Shipova N. S. (2020). *Sovremennaya sem'ya: pereosmyslenie kontekstov* [Modern family: rethinking contexts]. Kostroma: Kostroma State University.
- Heffernan, M. E., Fraley, R. C., Vicary, A. M., & Brumbaugh, C. C. (2012). Attachment features and functions in adult romantic relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*, 29(5), 671–693. <https://doi.org/10.1177/0265407512443435>
- Holzapfel, J., Randall, A. K., Tao, C., & Iida, M. (2018). Intercultural couples' internal stress, relationship satisfaction, and dyadic coping. *Interpersona: An International Journal on Personal Relationships*, 12(2), 145–163. <https://doi.org/10.5964/ijpr.v12i2.302>
- Hudson, N. W., Fraley, R. C., Brumbaugh, C. C., & Vicary, A. M. (2014). Coregulation in romantic partners' attachment styles: A longitudinal investigation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 40(7), 845–857. <https://doi.org/10.1177/0146167214528989>
- Iuga, F.-I., & Candel, O. S. (2020). Does dyadic coping mediate the association between attachment and relational outcomes? *Annals of the "Alexandru Ioan Cuza" University. Psychology Series*, 29, 49–61. URL: https://www.researchgate.net/publication/348807128_Does_dyadic_coping_mediate_the_association_between_attachment_and_relational_outcomes
- Kalugina, E. L. (2012). *Sovladayushchee povedenie suprugov posle rozhdeniya v sem'e vtorogo rebenka* [Coping behavior of spouses after the birth of a second child in the family] [PhD dissertation, Nekrasov Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation].
- Kazantseva, T. V. (2010). Issledovanie psikhologicheskoi blizosti v teorii privyazannosti [Intimacy in attachment theory research framework]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Series 12*, 4, 94–98.
- Koroleva, E. M., Kryukova, T. L., & Ekimchik, O. A. (2016). Diadicheskie koping i polozhitel'naya dinamika partnerskikh otnoshenii na ikh nachal'nom etape [Dyadic coping and relationships`

- dynamics at the initial stage of partnership]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series "Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya Rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika"* [Vestnik Kostroma State University. Series Pedagogy. Psychology. Social Work. Acmeology. Juvenology. Sociokinetics], 22(3), 116–120.
- Kryukova, T. L., Ekimchik, O. A., & Opekina, T. P. (2019). *Psikhologiya sovladaniya s trudnostyami v blizkikh (mezhlchnostnykh) otnosheniyakh* [Psychology of coping with difficulties in close (interpersonal) relationships]. Kostroma: Kostroma State University.
- Kuftyak, E. V. (2021). Interrelation of attachment and coping behavior in adults. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 29(1), 28–43. <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290103> (in Russian)
- Lozano, E. B., Sze, W. Y., Fraley, R. C., & Chong, J. Y. (2021). Dyadic effects of attachment and relationship functioning. *Journal of Social and Personal Relationships*, 38(5), 1572–1595. <https://doi.org/10.1177/0265407521999443>
- McLeod, S., Berry, K., Taylor, P., & Wearden, A. (2021). Romantic attachment and support preferences in new mothers: The moderating role of stress. *Journal of Social and Personal Relationships*, 38(5), 1535–1552. <https://doi.org/10.1177/0265407521990432>
- Mikulincer, M., & Shaver, P. R. (2007). *Attachment in adulthood: structure, dynamics, and change*. New York, NY: The Guilford Press.
- Mikulincer, M., & Shaver, P. R. (2020). Enhancing the “Broaden and Build” cycle of attachment security in adulthood: From the laboratory to relational contexts and societal systems. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(6), Article 2054. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062054>
- Opekina, T. P., & Golubeva, A. A. (2020). Experiencing jealousy in close relationships and psychological well-being of adult men and women. *Vestnik Omskogo Universiteta. Series "Psikhologiya"*, 4, 53–59. (in Russian)
- Schachner, D. A., Shaver, P. R., & Mikulincer, M. (2005). Patterns of nonverbal behavior and sensitivity in the context of attachment relations. *Journal of Nonverbal Behavior*, 29, 141–169. <https://doi.org/10.1007/s10919-005-4847-x>
- Sun, T., Fraley, R. C., & Drasgow, F. (2021). Matches made with information: fitting measurement models to adult attachment data. *Assessment*, 28(7), 1828–1847. <https://doi.org/10.1177/1073191120971847>
- Vicary, A. M., & Fraley, R. C. (2007). Choose your own adventure: attachment dynamics in a simulated relationship. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33(9), 1279–1291. <https://doi.org/10.1177/0146167207303013>
- Yekimchik, O. A. (2017). Heterosexual close relationships among partners as dyadic stress-coping context. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series "Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika"* [Vestnik Kostroma State University. Series Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 4, 77–82. (in Russian)

СВЯЗЬ СТРАТЕГИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ С СУБЪЕКТИВНЫМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬЮ: ЭФФЕКТЫ АКТОРА И ПАРТНЕРА В СУПРУЖЕСКИХ ПАРАХ

А.А. ПАНКРАТОВА^а, О.В. ПАРШИКОВА^а, Ю.Д. ЧЕРТКОВА^а

^а *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1*

Relationships of Emotion Regulation Strategies with Subjective Well-Being and Hardiness: Actor and Partner Effects in Married Couples

A.A. Pankratova^a, O.V. Parshikova^a, Y.D. Chertkova^a

^а *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Резюме

В данной работе изучается влияние двух стратегий эмоциональной регуляции: когнитивной переоценки и подавления экспрессии — на субъективное благополучие в супружеских парах с опорой на модель взаимозависимости актора и партнера. В исследовании приняли участие 214 супружеских пар со сроком семейной жизни от нескольких месяцев до 47 лет ($M = 11$, $SD = 11$), возраст супругов варьировал от 19 до 72 лет ($M = 37$, $SD = 13$). Было установлено небольшое сходство супругов только по частоте использования когнитивной переоценки ($r = 0.13$, $p < 0.05$). При анализе влияния когнитивной переоценки на благополучие были выявлены эффекты актора и партнера (двойной паттерн ориентации на пару): 1) использование когнитивной переоценки

Abstract

This paper examines the impact of two strategies of emotion regulation — cognitive reappraisal and expressive suppression — on subjective well-being in married couples from the perspective of the actor-partner interdependence model. The sample consisted of 214 married couples with the duration of marriage from a few months to 60 years ($M = 11$, $SD = 11$), the age of the spouses ranged from 19 to 72 years ($M = 37$, $SD = 13$). We found a significant though low positive similarity between spouses only for cognitive reappraisal ($r = 0.13$, $p < 0.05$). For cognitive reappraisal, the actor and partner effects were obtained (double couple-oriented pattern): 1) husband's and wife's habitual

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00274 «Использование модели взаимозависимости актора и партнера для анализа супружеских, детско-родительских и сиблинговых отношений».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-013-00274 “Spouse, child-parent and sibling relationships: An actor-partner interdependence model”.

мужем и женой положительно влияет на их удовлетворенность жизнью, при этом в качестве медиатора выступает жизнестойкость; 2) использование когнитивной переоценки мужем положительно влияет на удовлетворенность жизнью у жены, что опосредовано таким компонентом жизнестойкости, как вовлеченность, а использование когнитивной переоценки женой положительно влияет на удовлетворенность жизнью у мужа напрямую. При анализе влияния подавления экспрессии на благополучие был выявлен только эффект партнера: если муж подавляет экспрессию, это отрицательно влияет на удовлетворенность семейными отношениями у жены, что в большей степени выражено при маленьком стаже семейной жизни. Кроме этого были установлены индивидуальные различия в частоте использования стратегий эмоциональной регуляции: 1) мужчины чаще прибегают к подавлению экспрессии по сравнению с женщинами; 2) с возрастом люди чаще используют обе стратегии эмоциональной регуляции; 3) чем выше уровень образования родителей, тем реже дети прибегают к подавлению экспрессии.

Ключевые слова: эмоциональная регуляция, когнитивная переоценка, подавление экспрессии, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность семейными отношениями, жизнестойкость, модель взаимозависимости актора и партнера.

Панкратова Алина Александровна — старший научный сотрудник, кафедра психогенетики, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: эмоциональный интеллект, эмоциональная регуляция, правила проявления эмоций, индивидуальные и культурные различия.

Контакты: alina_pankratova@mail.ru

Паршикова Оксана Викторовна — доцент, кафедра психогенетики, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психогенетика, дифференциальная психология, семейные исследования, близнецовые исследования, личностные особенности.

E-mail: ksapa2003@mail.ru

use of reappraisal has a positive effect on their own life satisfaction, and hardiness is a mediator of this relationship; 2) husband's habitual use of reappraisal has a positive effect on wife's life satisfaction through such a component of hardiness as commitment, whereas wife's habitual use of reappraisal has a positive effect on husband's life satisfaction directly. For expressive suppression, only the partner effect was obtained, consisting in the negative effect of husband's habitual use of suppression on wife's marital satisfaction, which was more pronounced for the short duration of marriage. In addition, the individual differences in emotion regulation strategies were found: 1) males scored higher on expressive suppression than females; 2) age was positively associated with the use of both strategies of emotion regulation; 3) parental educational attainment was negatively associated with habitual use of suppression in children.

Keywords: emotion regulation, cognitive reappraisal, expressive suppression, life satisfaction, marital satisfaction, hardiness, actor-partner interdependence model (APIM).

Alina A. Pankratova — Senior Research Fellow, Department of Behavioral Genetics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: emotional intelligence, emotion regulation, display rules, individual and cultural differences.

E-mail: alina_pankratova@mail.ru

Oxana V. Parshikova — Associate Professor, Department of Behavioral Genetics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: behavior genetics, psychology of individual differences, family studies, twin studies, personality.

E-mail: ksapa2003@mail.ru

Черткова Юлия Давидовна — доцент, кафедра психогенетики, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психогенетика, дифференциальная психология, близнецовые исследования, когнитивные характеристики, негативные личностные черты.

E-mail: y_chertkova@mail.ru

Yulia D. Chertkova — Associate Professor, Department of Behavioral Genetics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: behavior genetics, psychology of individual differences, twin studies, cognitive characteristics, negative personality traits.

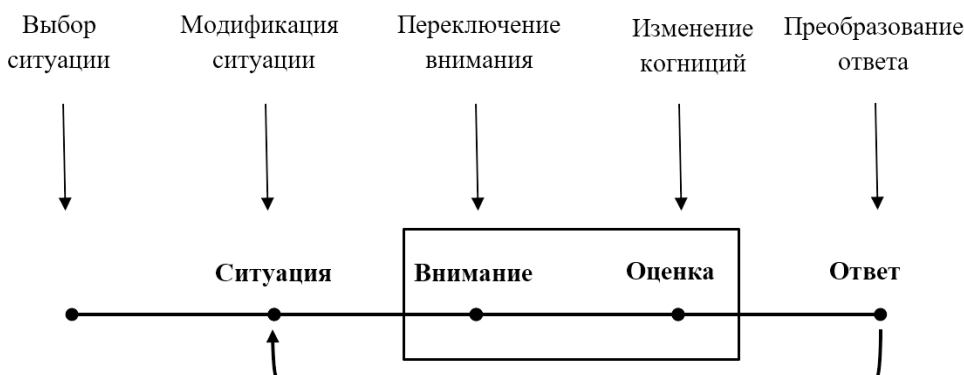
E-mail: y_chertkova@mail.ru

Данное исследование выполнено с опорой на процессуальную модель эмоциональной регуляции Дж. Гросса, согласно которой эмоциональный ответ разворачивается во времени и на него можно повлиять на разных этапах этого процесса (см. рисунок 1) (Gross, 2002). В широком смысле можно говорить об эмоциональной регуляции, сосредоточенной на условиях возникновения эмоционального ответа (antecedent-focused) или на уже возникшем эмоциональном ответе (response-focused) (Gross, John, 2003). Для исследовательской работы авторами модели были выбраны две частные стратегии эмоциональной регуляции: когнитивная переоценка (cognitive reappraisal) и подавление экспрессии (expressive suppression). Они отвечают следующим критериям: 1) являются примерами глобальных стратегий эмоциональной регуляции, обозначенных выше; 2) используются людьми в повседневной жизни; 3) могут быть диагностированы с помощью опросника и смоделированы в лабораторных условиях.

Под когнитивной переоценкой имеется в виду изменение отношения к ситуации, что позволяет предотвратить эмоциональный ответ, под подавлением экспрессии — сдерживание внешних проявлений уже возникшего эмоционального ответа. Например, если муж разбил любимую чашку жены, она может попытаться изменить отношение к этой ситуации («Посуда бьется к счастью») или делать вид, что ничего не случилось, но при этом злиться на

Рисунок 1

Процессуальная модель эмоциональной регуляции Дж. Гросса

мужа. Стоит отметить, что подавление экспрессии касается не только отрицательных, но и положительных эмоций: например, муж, получив подарок, который ему действительно нравится, может внешне это не показывать. Для диагностики этих стратегий используется опросник ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса, а моделирование в лабораторных условиях происходит с помощью создания эмоциогенной ситуации и инструкции, требующей от испытуемых эмоциональной регуляции (Панкратова, 2014).

Изначально на американской выборке было показано, что когнитивная переоценка положительно связана с разными индикаторами психического здоровья, а подавление экспрессии — напротив, отрицательно (Gross, John, 2003). По результатам метаанализа негативные последствия подавления экспрессии наблюдаются в странах с западными культурными ценностями (США, страны Европы), а в странах с восточными культурными ценностями (Китай, Япония, Корея и т.д.) они не обнаруживаются (Hu et al., 2014). Интересно, что в исследовании на российской выборке был получен результат, характерный для США: когнитивная переоценка положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью, а подавление экспрессии — отрицательно (Панкратова, Корниенко, 2017). При этом, в отличие от США, в России подавление экспрессии положительных эмоций при общении с незнакомыми людьми оказалось не связано с субъективным благополучием (Sheldon et al., 2017).

При изучении последствий для социального функционирования выяснилось, что: 1) люди, использующие когнитивную переоценку, делятся своими эмоциями с другими и, по мнению коллег, вызывают симпатию и имеют близкие отношения; 2) люди, подавляющие экспрессию, не делятся своими эмоциями с другими, избегают привязанности, не ищут социальной поддержки и, по мнению коллег, не имеют близких отношений (Gross, John, 2003). В рамках лабораторных экспериментов было показано, что если человек подавляет экспрессию, у его собеседника в ходе разговора снижается чувство раппорта и не возникает желания продолжать с ним общение (Butler et al., 2003). Несмотря на то что при подавлении экспрессии американцам азиатского происхождения удавалось в большей степени поддерживать разговор и они воспринимались как менее враждебные по сравнению с американцами европейского происхождения, их собеседники тоже не хотели продолжать общение с ними (Butler et al., 2007).

Отдельным направлением исследований является изучение диадических отношений (например, между мужем и женой), для анализа которых используется модель взаимозависимости актора и партнера (Kenny et al., 2006). Предполагается, что стратегии эмоциональной регуляции мужа и жены влияют не только на их удовлетворенность отношениями (эффект актора), но и на удовлетворенность отношениями у супруга(-и) (эффект партнера). При анализе результатов выделяют паттерн, характерный для каждого члена диады: только эффект актора или партнера, паттерн ориентации на пару (однонаправленные эффекты актора и партнера: например, стратегия эмоциональной регуляции жены имеет положительные последствия для нее самой и

для мужа), контрастный паттерн (разнонаправленные эффекты актора и партнера: например, стратегия эмоциональной регуляции мужа имеет положительные последствия для него самого и отрицательные — для жены) (Fitzpatrick et al., 2016).

Приведем примеры исследований, выполненных с опорой на модель взаимозависимости актора и партнера на супружеских парах, в которых для диагностики стратегии эмоциональной регуляции использовался именно опросник ERQ Дж. Гросса.

В исследовании И. Кардума и его коллег (Kardum et al., 2021) приняли участие 205 пар, состоящих в законном браке, гражданском браке или просто в отношениях от 1 года до 22 лет (в среднем — 6 лет). Было установлено небольшое сходство супругов по частоте использования когнитивной переоценки ($r = 0.17$, $p < 0.05$). Применение этой стратегии эмоциональной регуляции положительно влияло на удовлетворенность отношениями у представителей обоих полов (эффект актора). При этом только частое использование когнитивной переоценки мужчиной, по оценкам женщины, предсказывало ее удовлетворенность отношениями, а частое использование когнитивной переоценки женщиной, по оценкам мужчины, предсказывало его удовлетворенность отношениями (эффект партнера). Что касается подавления экспрессии, то было выявлено отрицательное влияние этой стратегии эмоциональной регуляции на удовлетворенность отношениями только у женщин (эффект актора).

В исследовании П. Велотти с коллегами (Velotti et al., 2016), в котором изучались только эффекты подавления экспрессии, приняли участие 229 супружеских пар, недавно вступивших брак (средний возраст мужей и жен — 33 и 31 год соответственно). Было установлено небольшое сходство супругов по частоте использования подавления экспрессии ($r = 0.21$, $p < 0.01$), а также отрицательное влияние этой стратегии эмоциональной регуляции на качество семейной жизни как у мужчин, так и у женщин (эффект актора). Кроме того, было показано, что подавление экспрессии мужем и большая разница между супругами в частоте использования этой стратегии оказывают отрицательное влияние на качество семейной жизни жены (эффект партнера). Повторное проведение исследования спустя два года после вступления в брак выявило, что высокие показатели мужа по подавлению экспрессии, а жены — по избеганию привязанности были неизменными предикторами низкого качества семейной жизни.

В исследовании Н. Фрая и его коллег (Frye et al., 2020) приняли участие 111 супружеских пар, состоящих в первом браке, и 108 супружеских пар, состоящих в повторном (средняя продолжительность брака — 9 и 7 лет соответственно). Супруги, состоящие в повторном браке, сообщали о большем количестве семейных конфликтов и меньшей удовлетворенности браком по сравнению с супругами, состоящими в первом браке. Независимо от того, в каком по счету браке состояли супруги, количество семейных конфликтов было отрицательно связано с удовлетворенностью браком как у мужчин, так и у женщин. При этом у мужей эта закономерность становилась более выраженной, если они прибегали к подавлению экспрессии, а у жен — менее выраженной,

если они прибегали к когнитивной переоценке. Кроме того, использование когнитивной переоценки мужем ослабляло отрицательную связь между количеством семейных конфликтов (оцененным им) и удовлетворенностью браком у жены.

В исследовании С. Маццуки и соавторов (Mazzuca et al., 2019) приняли участие 77 супружеских пар с большим стажем семейной жизни (от 4 до 60 лет, в среднем — 32 года). Было установлено умеренное сходство супругов по частоте использования когнитивной переоценки ($r = 0.38$, $p < 0.01$). Высокие показатели мужа и жены по когнитивной переоценке и эмоциональному заражению (тенденции улавливать эмоции других людей и испытывать их тоже) оказались предикторами как их собственной удовлетворенности браком, так и удовлетворенности браком у супруга(-и) (однонаправленные эффекты актора и партнера). При этом на силу связи между когнитивной переоценкой и удовлетворенностью браком влиял уровень эмоционального заражения: использование когнитивной переоценки приводило к значительному повышению удовлетворенности браком только при низком уровне эмоционального заражения, что рассматривается в качестве своеобразного компенсаторного механизма, обеспечивающего эмоциональную связь пары.

В исследовании С. Кляйн и соавторов (Klein et al., 2016) 63 пары, состоящие в законном браке, гражданском браке или просто в отношениях (от нескольких месяцев до 44 лет), заполняли опросники, направленные на диагностику стратегий эмоциональной регуляции и того, как они воспринимают критику. После этого каждая пара обсуждала несколько проблем, которые есть в их отношениях или с которыми каждый из пары столкнулся индивидуально, и заполняла тот же набор методик относительно своего опыта в обсуждении. Было установлено, что использование когнитивной переоценки мужчинами и женщинами во время такого обсуждения влияло на то, что они воспринимали критику в свой адрес как более конструктивную (эффект актора). При этом если один участник из пары прибегал к подавлению экспрессии, то его критика другим участником пары воспринималась как более враждебная и в повседневной жизни, и в ходе обсуждения в частности (эффект партнера).

Как мы видим, в подобных исследованиях в основном изучается воздействие стратегий эмоциональной регуляции супругов на удовлетворенность браком, отношениями, качеством семейной жизни и т.п. Было показано, что использование когнитивной переоценки положительно влияет на собственную удовлетворенность браком и удовлетворенность браком у супруга(-и) (двойной паттерн ориентации на пару). При этом можно выделить следующие два механизма: 1) использование когнитивной переоценки позволяет взглянуть на существующие разногласия по-другому и снижает конфликтность отношений; 2) когнитивная переоценка может использоваться как прием, который позволяет поддержать другого человека в трудной ситуации. В свою очередь подавление экспрессии, по-видимому, в большей степени оказывает отрицательное воздействие на удовлетворенность браком у жены, и в том случае, когда она сама прибегает к подавлению экспрессии (эффект актора), и когда это делает ее муж (эффект партнера).

В нашем исследовании в качестве зависимой переменной, помимо субъективного благополучия (удовлетворенности семейными отношениями и жизнью в целом), выступала жизнестойкость супругов. По результатам мета-анализа жизнестойкость является значимым предиктором удовлетворенности жизнью (Eschleman et al., 2010). В свою очередь, на развитие жизнестойкости как системы убеждений, согласно модели С. Мадди, влияют успешный опыт совладания с трудными жизненными ситуациями и социальная поддержка со стороны близких (Maddi, 2002). В нашем исследовании в качестве стратегии совладания рассматривалось использование когнитивной переоценки самим человеком, а в качестве социальной поддержки — использование когнитивной переоценки супругом(-ой). С опорой на эти работы, мы ожидали получить однонаправленные эффекты актора и партнера для мужа и жены, связанные с положительным влиянием когнитивной переоценки на удовлетворенность жизнью, и что при этом в качестве медиатора будет выступать жизнестойкость.

Таким образом, целью настоящего исследования было оценить, как когнитивная переоценка и подавление экспрессии влияют на субъективное благополучие и жизнестойкость в супружеских парах, а также проверить описанные выше закономерности на российской выборке.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие 428 человек: 214 мужчин и 214 женщин, которые состояли в законном браке от нескольких месяцев до 47 лет ($M = 11$, $SD = 11$), для большинства респондентов (84%) этот брак был первым. Возраст респондентов варьировал от 19 до 72 лет ($M = 37$, $SD = 13$), большая часть респондентов была с высшим образованием (70%). На момент проведения исследования у 80 супружеских пар не было детей, у 134 супружеских пар было от одного до семи детей (у 88% из этих пар — один или два ребенка). Кроме этого, фиксировались особенности родительской семьи респондентов: 1) возраст матерей респондентов на момент их рождения варьировал от 17 до 49 лет ($M = 26$, $SD = 5$), а возраст отцов — от 17 до 47 лет ($M = 29$, $SD = 6$); 2) примерно половина матерей и отцов респондентов были с высшим образованием (58% и 54% соответственно), при этом достаточно большая подгруппа имела среднее специальное образование (28% и 26% соответственно); 3) у 123 респондентов не было сиблингов, у 303 респондентов было от одного до шести сиблингов (у 72% из них — один сиблинг), среди респондентов из двухдетных семей было примерно равное количество с первым и вторым порядковым номером рождения.

Методики исследования

Все супруги независимо друг от друга в письменном или электронном формате заполняли описанную выше анкету и набор методик. В настоящей статье будут анализироваться данные по следующим методикам.

1. Опросник ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса, состоящий из 10 пунктов и направленный на диагностику двух стратегий эмоциональной регуляции: когнитивная переоценка и подавление экспрессии (Панкратова, Корниенко, 2017).

2. Шкала удовлетворенности жизнью SWLS (Satisfaction with Life Scale) Э. Динера, которая включает в себя пять утверждений и измеряет, насколько жизненные обстоятельства человека соответствуют его ожиданиям (Ледовая и др., 2015).

3. Скрининговая версия Теста жизнестойкости Д.А. Леонтьева и Е.И. Расказовой, состоящая из 12 пунктов и диагностирующая убеждения человека, которые помогают ему эффективно преодолевать стрессовые ситуации (Осин, 2013). По результатам заполнения опросника подсчитываются показатели по трем шкалам: вовлеченность (убеждение человека в том, что для полноценной жизни важно активное участие во всем происходящем), контроль (убеждение человека в том, что он может справляться со сложностями и добиваться своих целей), принятие риска (убеждение человека в том, что любой опыт — и позитивный, и негативный — способствует его развитию).

4. Шкала удовлетворенности семейными отношениями, которая включала в себя два вопроса: «Моя семейная жизнь более благополучна, чем у большинства других людей», «Я удовлетворен(-а) своей семейной жизнью» (показатель по удовлетворенности семейными отношениями подсчитывался как среднее арифметическое по этим двум пунктам).

Стоит отметить, что при заполнении всех методик респонденты отмечали степень согласия с предложенными высказываниями по пятибалльной шкале (от «не согласен» до «согласен»).

Результаты

Математическая обработка данных проводилась в статистическом пакете SPSS 18.0, дополнительно использовались статистические пакеты AMOS 19.0 для путевого анализа и jamovi 1.6.3 для проверки эффектов медиации и модерации. Все изучаемые переменные имели нормальное распределение (значения асимметрии и эксцесса по модулю были меньше или равны 1), поэтому использовались параметрические критерии.

Индивидуальные различия в частоте использования стратегий эмоциональной регуляции

Нами анализировалась частота использования стратегий эмоциональной регуляции в зависимости от демографических показателей и особенностей семейной ситуации с помощью *t*-критерия Стьюдента (дополнительно подсчитывалась *d* Коэна для оценки размера эффекта) и корреляционного анализа. Было установлено, что мужчины чаще прибегают к подавлению экспрессии, чем женщины ($d = 0.60, p < 0.001$), по когнитивной переоценке значимых различий нет. С возрастом человек начинает чаще использовать когнитивную

переоценку ($r = 0.20, p < 0.001$) и подавление экспрессии ($r = 0.12, p < 0.05$) для регуляции своих эмоций. При этом на силу этой связи¹ влияет пол: 1) мужчины с возрастом начинают значимо чаще прибегать к когнитивной переоценке ($r = 0.15, p < 0.05$) по сравнению с женщинами ($r = 0.10$, на уровне тенденции); 2) женщины с возрастом начинают значимо чаще подавлять экспрессию ($r = 0.23, p < 0.001$) по сравнению с мужчинами ($r = 0.15, p < 0.05$).

Чем больше стаж семейной жизни, тем чаще оба супруга используют когнитивную переоценку ($r = 0.10, p < 0.05$) и подавление экспрессии ($r = 0.15, p < 0.01$) для регуляции своих эмоций. У супругов, имеющих детей, выше показатели по подавлению экспрессии по сравнению с супругами, у которых детей нет ($d = 0.23, p < 0.05$). У супругов с двумя детьми выше показатели по когнитивной переоценке по сравнению с супругами без детей ($d = 0.27, p < 0.05$) или с одним ребенком ($d = 0.32, p < 0.05$). Что касается особенностей родительской семьи респондентов, то возраст родителей на момент их рождения, наличие сиблингов, порядковый номер рождения (у респондентов из двухдетных семей) не повлияли на предпочитаемую стратегию эмоциональной регуляции. При этом было установлено, что чем выше уровень образования отца ($r = -0.12, p < 0.05$) и матери ($r = -0.18, p < 0.001$), тем реже ребенок использует подавление экспрессии при регуляции своих эмоций.

Стратегии эмоциональной регуляции супругов как предиктор субъективного благополучия и жизнестойкости

Сначала мы оценивали связи стратегий эмоциональной регуляции мужа и жены с удовлетворенностью жизнью и жизнестойкостью каждого из них с помощью корреляционного анализа (см. таблицу 1). Было установлено небольшое сходство супругов по частоте использования когнитивной переоценки ($r = 0.13, p < 0.05$). В целом по выборке (а также отдельно по мужской и женской подгруппе) когнитивная переоценка положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью ($r = 0.14, p < 0.01$) и жизнестойкостью ($r = 0.25, p < 0.001$), а подавление экспрессии не коррелирует с ними ($r = 0.02$ и 0.08 соответственно). Проверка эффекта медиации в *jamovi* показала, что чем старше человек становится, тем чаще он использует когнитивную переоценку ($\beta = 0.12, p < 0.05$), и это в свою очередь приводит к повышению удовлетворенности жизнью ($\beta = 0.14, p < 0.01$) и жизнестойкости ($\beta = 0.26, p < 0.001$) (в обоих случаях эффект медиации был значимым, но слабым).

¹ Для проверки эффекта модерации были проделаны следующие преобразования данных: данные по возрасту были центрированы (вычиталось среднее по выборке), пол был зашифрован как 1/0 и перемножались значения пола и возраста. Далее в SPSS проводилась линейная регрессия, в которой в качестве предикторов выступали пол и произведение значений пола и возраста, а в качестве зависимой переменной — когнитивная переоценка или подавление экспрессии. Если вклад этого произведения в использование той или иной стратегии эмоциональной регуляции был значимым, то делался вывод о наличии эффекта модерации (Hayes, 2018).

Таблица 1

Связи стратегий эмоциональной регуляции с удовлетворенностью жизнью и жизнестойкостью у супругов

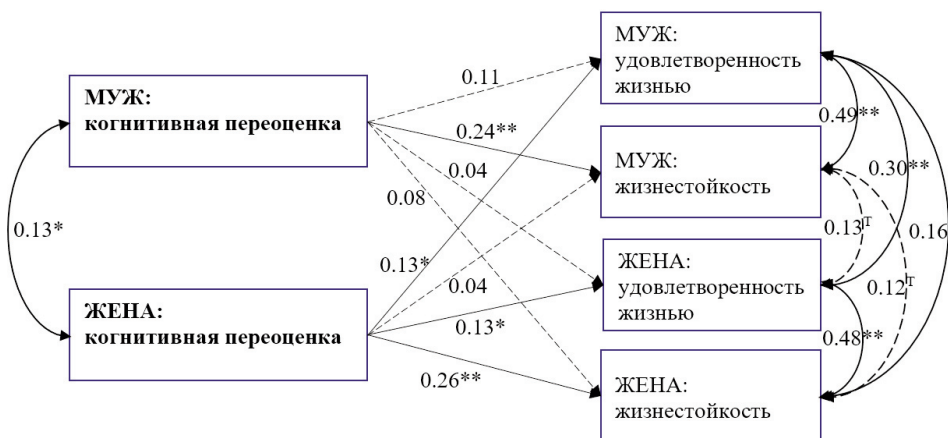
	МУЖ (Husband)				ЖЕНА (Wife)			
	1	2	3	4	5	6	7	8
МУЖ (Husband)								
1. Когнитивная переоценка (Cognitive reappraisal)								
2. Подавление экспрессии (Expressive suppression)	0.32***							
3. Удовлетворенность жизнью (Life satisfaction)	0.13 ^T	0.06						
4. Жизнестойкость (Hardiness)	0.25***	0.04	0.50***					
ЖЕНА (Wife)								
1. Когнитивная переоценка (Cognitive reappraisal)	0.13*	0.11	0.15*	0.08				
2. Подавление экспрессии (Expressive suppression)	0	−0.01	−0.08	−0.11	0.27***			
3. Удовлетворенность жизнью (Life satisfaction)	0.05	0.04	0.32***	0.14*	0.14*	0.03		
4. Жизнестойкость (Hardiness)	0.12 ^T	0.07	0.20**	0.15*	0.27***	0.05	0.50***	
M	3.64	3.23	3.23	3.81	3.75	2.70	0.38	3.64
SD	0.92	0.92	0.94	0.78	0.86	0.86	0.99	0.87

Примечание. N = 428 (214 супружеских пар). В таблице приводятся значения коэффициента корреляции Пирсона. Уровень значимости: *** $p < 0.001$, ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$, ^T $p < 0.09$. M – среднее, SD – стандартное отклонение (шкала от 1 до 5). У мужчин показатели по подавлению экспрессии ($d = 0.60$, $p < 0.001$) и жизнестойкости ($d = 0.21$, $p < 0.05$) выше, чем у женщин.

Кроме этого, были получены кросс-корреляции: 1) чем чаще муж использует когнитивную переоценку, тем выше жизнестойкость жены ($r = 0.12$, на уровне тенденции), а именно ее вовлеченность ($r = 0.16$, $p < 0.05$); 2) чем чаще жена использует когнитивную переоценку, тем выше удовлетворенность жизнью у мужа ($r = 0.15$, $p < 0.05$). С опорой на эти результаты нами была предложена модель, в которой использование когнитивной переоценки супругами выступает в качестве предиктора удовлетворенности жизнью и жизнестойкости (см. рисунок 2). При этом оценивались как эффект актора (как использование когнитивной переоценки влияет на удовлетворенность жизнью и жизнестойкость отдельно у мужа и жены), так и эффект партнера (как использование когнитивной переоценки мужем влияет на удовлетворенность

Рисунок 2

Использование когнитивной переоценки супругами как предиктор удовлетворенности жизнью и жизнестойкости: эффекты актора и партнера

Примечание. N = 428 (214 супружеских пар). Насыщенная модель (с 0 степеней свободы): CFI = 1, RMSEA = 0. На схеме приводятся коэффициенты регрессии. Уровень значимости: *** $p < 0.001$, ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$, ^T $p < 0.09$. Значимые связи показаны в виде сплошных, а незначимые связи — в виде пунктирных линий.

жизнью у жены и ее жизнестойкость и, наоборот, как использование когнитивной переоценки женой влияет на удовлетворенность жизнью у мужа и его жизнестойкость).

По результатам проверки модели в AMOS были получены эффекты актора и партнера для обоих супругов: 1) использование когнитивной переоценки мужем положительно влияет на его жизнестойкость ($\beta = 0.24, p < 0.01$; эффект актора в отношении удовлетворенности жизнью не достиг уровня значимости) и на один из компонентов жизнестойкости жены (проверка подобной модели для компонентов жизнестойкости выявила, что муж оказывает эффект партнера на вовлеченность жены: $\beta = 0.12, p = 0.063$); 2) использование когнитивной переоценки женой положительно влияет на ее удовлетворенность жизнью ($\beta = 0.13, p < 0.05$) и жизнестойкость ($\beta = 0.26, p < 0.01$), а также на удовлетворенность жизнью у мужа ($\beta = 0.13, p < 0.05$). Такие однонаправленные эффекты актора и партнера обозначаются как паттерн ориентации на пару (Fitzpatrick et al., 2016), при этом в нашем случае жена оказывает влияние на удовлетворенность жизнью у мужа, а муж — на жизнестойкость (а именно вовлеченность) жены.

Нами дополнительно тестировались модели, в которых жизнестойкость выступает в качестве посредника между использованием когнитивной переоценки и удовлетворенностью жизнью. Проверка эффекта медиации в jamovi показала, что: 1) чем чаще муж и жена используют когнитивную переоценку,

тем выше их жизнестойкость ($\beta = 0.25$ и $0.27, p < 0.001$) и как результат выше их удовлетворенность жизнью ($\beta = 0.50, p < 0.001$ для обоих супругов) (значимый эффект медиации: $\beta = 0.12$ и $0.13, p < 0.001$); 2) чем чаще муж использует когнитивную переоценку, тем выше жизнестойкость жены, а именно ее вовлеченность ($\beta = 0.16, p < 0.05$); в свою очередь при более высокой вовлеченности у жены выше удовлетворенность жизнью ($\beta = 0.47, p < 0.001$) (значимый, но слабый эффект медиации: $\beta = 0.08, p < 0.05$); 3) использование когнитивной переоценки женой положительно влияет на удовлетворенность жизнью у мужа напрямую ($\beta = 0.15, p < 0.05$) (эффект медиации незначимый).

И в заключение мы оценивали связи стратегий эмоциональной регуляции мужа и жены с удовлетворенностью семейными отношениями каждого из них с помощью корреляционного анализа (см. таблицу 2). К сожалению, на вопросы об удовлетворенности семейной жизнью отвечали только часть респондентов из выборки ($N = 144$, 72 супружеские пары со стажем семейной жизни от нескольких месяцев до 47 лет, возраст супругов варьировал от 19 до 72 лет). Было установлено, что подавление экспрессии отрицательно коррелирует с

Таблица 2

**Связи стратегий эмоциональной регуляции с удовлетворенностью
семейными отношениями у супругов**

	МУЖ (Husband)			ЖЕНА (Wife)		
	1	2	3	4	5	6
МУЖ (Husband)						
1. Когнитивная переоценка (Cognitive reappraisal)						
2. Подавление экспрессии (Expressive suppression)	0.37**					
3. Удовлетворенность семейными отношениями (Marital satisfaction)	0.11	0.15				
ЖЕНА (Wife)						
4. Когнитивная переоценка (Cognitive reappraisal)	0.04	0.06	-0.12			
5. Подавление экспрессии (Expressive suppression)	0.11	0.18	-0.17	0.32**		
6. Удовлетворенность семейными отношениями (Marital satisfaction)	-0.15	-0.29*	0.40**	-0.09	-0.23*	
M	3.59	3.24	4.21	3.68	2.74	4.17
SD	0.90	0.91	0.65	0.91	0.85	0.72

Примечание. $N = 144$ (72 супружеские пары). В таблице приводятся значения коэффициента корреляции Пирсона. Уровень значимости: ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$. M – среднее, SD – стандартное отклонение (шкала от 1 до 5). У мужчин показатели по подавлению экспрессии выше, чем у женщин ($d = 0.57, p < 0.001$).

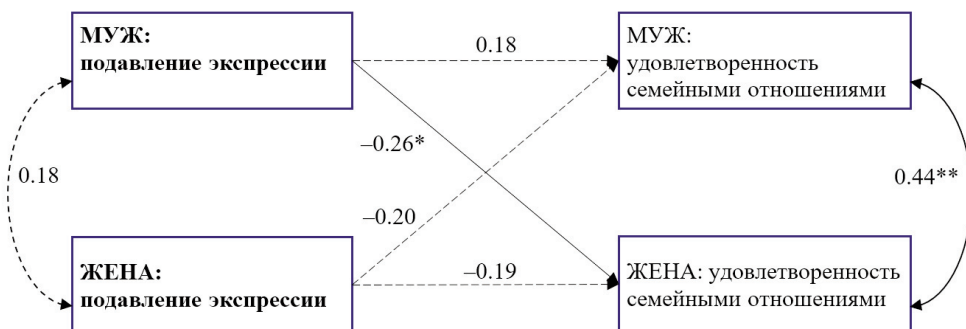
удовлетворенностью семейными отношениями только у женщин ($r = -0.23$, $p < 0.05$). Кроме того, была получена кросс-корреляция: чем чаще муж подавляет экспрессию, тем ниже удовлетворенность семейными отношениями у жены ($r = -0.29$, $p < 0.05$). Несмотря на то что у мужчин показатели по подавлению экспрессии выше, чем у женщин, уровень удовлетворенности семейной жизнью жен и мужей не отличался (см. таблицу 2).

С опорой на эти результаты нами была предложена модель, в которой подавление экспрессии супругами выступает в качестве предиктора удовлетворенности семейными отношениями (см. рисунок 3). При этом оценивались как эффект актора (как подавление экспрессии влияет на удовлетворенность семейными отношениями отдельно у мужа и жены), так и эффект партнера (как подавление экспрессии мужем влияет на удовлетворенность семейными отношениями у жены и, наоборот, как подавление экспрессии женой влияет на удовлетворенность семейными отношениями у мужа). Напомним, что удовлетворенность семейной жизнью диагностировалась только с помощью двух вопросов, поэтому нами дополнительно оценивались валидность и надежность этой шкалы. Было установлено, что удовлетворенность семейными отношениями положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью ($r = 0.37$, $p < 0.001$), а внутренняя согласованность этой шкалы равна 0.7 (альфа Кронбаха).

По результатам проверки модели в AMOS нами был получен только эффект партнера для мужа: если муж подавляет экспрессию, это отрицательно влияет на удовлетворенность семейными отношениями у жены ($\beta = -0.26$, $p < 0.05$). Дополнительная проверка эффекта модерации в jamovi показала, что эта закономерность в большей степени выражена при маленьком ($\beta = -0.41$,

Рисунок 3

Подавление экспрессии супругами как предиктор удовлетворенности семейными отношениями: эффекты актора и партнера

Примечание. N = 144 (72 супружеские пары). Насыщенная модель (с 0 степеней свободы): CFI = 1, RMSEA = 0. На схеме приводятся коэффициенты регрессии.

Уровень значимости: ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$. Значимые связи показаны в виде сплошных, а незначимые — в виде пунктирных линий.

$p < 0.001$) и среднем ($\beta = -0.25$, $p < 0.001$) стаже семейной жизни (при большом стаже семейной жизни эта связь становится незначимой). Учитывая, что эти результаты получены на относительно небольшой выборке, они требуют повторной проверки на расширенной выборке. С опорой на направление связей (остальные эффекты не достигли уровня значимости) можно предположить наличие паттерна ориентации на пару у жены (однаправленные эффекты актора и партнера) и контрастного паттерна у мужа (разнонаправленные эффекты актора и партнера) (Fitzpatrick et al., 2016).

Обсуждение

В масштабных кросс-культурных проектах было показано, что чем выше уровень индивидуализма культуры, тем: 1) выше общий уровень проявления эмоций (Matsumoto et al., 2008a); 2) реже используется подавление экспрессии как стратегия эмоциональной регуляции (Matsumoto et al., 2008b); 3) в большей степени выражены гендерные различия в проявлении эмоций, связанные с тем, что мужчины более эмоционально сдержаны по сравнению с женщинами (Fischer, Manstead, 2000). Это объясняется тем, что в индивидуалистических странах поощряется свободное проявление эмоций, а в коллективистических — напротив, вводится запрет на проявление эмоций, которые могут приводить к разрыву отношений, причем этот запрет касается как мужчин, так и женщин. По данным Г. Хофстеде, в России средний уровень индивидуализма культуры (для сравнения: Китай — 20, Россия — 39, США — 91 баллов по шкале от 0 до 100; $M = 45$, $SD = 24$) (Hofstede, n.d.).

В ходе адаптации опросника ERQ на российской выборке было показано, что подавление экспрессии отрицательно связано с удовлетворенностью жизнью, что характерно для стран с западными культурными ценностями (Панкратова, Корниенко, 2017). В настоящем же исследовании подавление экспрессии оказалось не связано с удовлетворенностью жизнью, что свойственно для стран с восточными культурными ценностями. Учитывая, что адаптация проводилась на выборке студентов, а в настоящем исследовании принимали участие люди от 19 до 72 лет, то, скорее всего, речь идет об изменении ценностей, в частности о росте уровня индивидуализма культуры со времен СССР, когда проводилось исследование Г. Хофстеде (Панкратова, 2011). При этом в обоих исследованиях было показано, что мужчины чаще прибегают к подавлению экспрессии по сравнению с женщинами. Это объясняется нормой эмоциональной твердости, характерной для традиционной мужской социальной роли (Берн, 2004).

В зарубежных исследованиях получены очень противоречивые результаты относительно возрастных различий в частоте использования стратегий эмоциональной регуляции. В исследовании, проводившемся в США, Австралии и Норвегии, было установлено, что возраст отрицательно коррелирует с подавлением экспрессии и не коррелирует с когнитивной переоценкой (Naga et al., 2009). В нашем исследовании получен результат, характерный для Японии: возраст положительно коррелирует с обеими стратегиями эмоциональной регуляции, при этом только когнитивная переоценка опосредствует связь возраста с

субъективным благополучием (Nakagawa et al., 2017). Еще в одном отечественном исследовании было также показано, что с возрастом люди чаще прибегают к позитивному переформулированию (попытка переосмыслить ситуацию в позитивном ключе) и сдерживанию (выжидание момента и воздержание от поспешных, импульсивных действий) (Рассказова и др., 2013).

Нами также был получен интересный результат о том, что при более высоком уровне образования родителей дети реже прибегают к подавлению экспрессии. Это согласуется с результатами китайского исследования, в котором было показано, что уровень образования матери отрицательно связан со сложностями в эмоциональной регуляции и положительно — с адаптивным стилем эмоциональной регуляции у ребенка (Li et al., 2019). Видимо, и в нашем случае при более высоком образовании родителей дети чаще прибегают к более адаптивным способам совладания, связанным, например, с активным решением проблемы (Рассказова и др., 2013). Кроме этого, нами было обнаружено, что частота использования стратегий эмоциональной регуляции меняется в зависимости от стажа семейной жизни, наличия и числа детей в семье, но при анализе результатов влияние этих факторов оказалось трудно отделить от возрастных изменений.

Как и в зарубежных работах (Mazzuca et al., 2019; Kardum et al., 2021), нами было установлено сходство супругов по частоте использования когнитивной переоценки. Кроме того, в нашей работе воспроизвелся паттерн ориентации на пару для обоих супругов, связанный с положительным влиянием когнитивной переоценки как на собственное благополучие, так и на благополучие супруга(-и). При этом дополнительно было показано, что в качестве посредника между использованием когнитивной переоценки и удовлетворенностью жизнью выступает жизнестойкость, за одним исключением. Использование когнитивной переоценки супругом(-ой) нами рассматривалось как оказание социальной поддержки: такая поддержка со стороны мужа повышает удовлетворенность жизнью у жены, при этом в качестве медиатора выступает такой компонент жизнестойкости, как вовлеченность, а поддержка со стороны жены оказывает положительное влияние на удовлетворенность жизнью у мужа напрямую.

Это согласуется с результатами исследований разных компонентов жизнестойкости: было показано, что у женщин выше показатели по вовлеченности, а у мужчин — по контролю, при этом вовлеченность связана с поиском социальной поддержки положительно, а контроль — напротив, отрицательно (Осин, 2013). Что касается подавления экспрессии, то в нашем исследовании воспроизвелся только эффект партнера: если муж подавляет экспрессию, это отрицательно влияет на удовлетворенность браком у жены, особенно в самом начале семейных отношений (Velotti et al., 2016). Видимо, это объясняется тем, что использование мужем такой стратегии эмоциональной регуляции воспринимается женой как избегание близких эмоциональных отношений с ней. Таким образом, в нашем исследовании положительное влияние когнитивной переоценки на благополучие прослеживается в супружеских парах на уровне актора и партнера, а отрицательное влияние подавления экспрессии — только на уровне партнера.

Литература

- Берн, Ш. М. (2004). *Гендерная психология*. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК.
- Ледовая, Я. А., Боголюбова, О. Н., Тихонов, Р. В. (2015). Стресс, благополучие и Темная триада. *Психологические исследования*, 8(43), 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.521>
- Осин, Е. Н. (2013). Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости. *Организационная психология*, 3(3), 42–60.
- Панкратова, А. А. (2011). Изменение ценностей детей и взрослых в современной России (1992–2009). *Психологические исследования*, 1(15), 10. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i15.875>
- Панкратова, А. А. (2014). Подход Дж. Гросса к изучению эмоциональной регуляции: примеры кросс-культурных исследований. *Вопросы психологии*, 1, 147–155.
- Панкратова, А. А., Корниенко, Д. С. (2017). Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса. *Вопросы психологии*, 5, 139–149.
- Рассказова, Е. И., Гордеева, Т. О., Осин, Е. Н. (2013). Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(1), 82–118.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Burn, S. M. (2004). *Gendernaya psikhologiya* [The social psychology of gender]. Saint Petersburg: Praim-EVROZNAK. (Original work published 1996)
- Butler, E. A., Egloff, B., Wilhelm, F. W., Smith, N. C., Erickson, E. A., & Gross, J. J. (2003). The social consequences of expressive suppression. *Emotion*, 3(1), 48–67. <https://doi.org/10.1037/1528-3542.3.1.48>
- Butler, E. A., Lee, T. L., & Gross, J. J. (2007). Emotion regulation and culture: Are the social consequences of emotion suppression culture-specific? *Emotion*, 7(1), 30–48. <https://doi.org/10.1037/1528-3542.7.1.30>
- Eschleman, K. J., Bowling, N. A., & Alarcon, G. M. (2010). A meta-analytic examination of hardiness. *International Journal of Stress Management*, 17(4), 277–307. <https://doi.org/10.1037/a0020476>
- Fischer, A. H., & Manstead, S. R. (2000). The relation between gender and emotions in different cultures. In A. H. Fischer (Ed.), *Gender and emotion: Social psychological perspectives* (pp. 71–94). New York, NY: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511628191.005>
- Fitzpatrick, J., Gareau, A., Lafontaine, M.-F., & Gaudreau, P. (2016). How to use the Actor-Partner Interdependence Model (APIM) to estimate different dyadic patterns in MPLUS: A step-by-step tutorial. *The Quantitative Methods for Psychology*, 12(1), 74–86. <https://doi.org/10.20982/tqmp.12.1.p074>
- Frye, N., Ganong, L., Jensen, T., & Coleman, M. (2020). A dyadic analysis of emotion regulation as a moderator of associations between marital conflict and marital satisfaction among first-married and remarried couples. *Journal of Family Issues*, 41(12), 1–28. <https://doi.org/10.1177/0192513x20935504>
- Gross, J. J. (2002). Emotion regulation: affective, cognitive, and social consequences. *Psychophysiology*, 39, 281–291. <https://doi.org/10.1017/S0048577201393198>
- Gross, J. J., & John, O. P. (2003). Individual differences in two emotion regulation processes: Implications for affect, relationships, and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 85(2), 348–362. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.85.2.348>

- Haga, S. M., Kraft, P., & Corby, E.-K. (2009). Emotion regulation: Antecedents and well-being outcomes of cognitive reappraisal and expressive suppression in cross-cultural samples. *Journal of Happiness Studies*, 10(3), 271–291. <https://doi.org/10.1007/s10902-007-9080-3>
- Hayes, A. F. (2018). *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: A regression-based approach*. New York, NY: The Guilford Press.
- Hofstede, G. (n.d.). *Research and VSM. Dimension data matrix*. Retrieved from <https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix>
- Hu, T., Zhang, D., Wang, J., Mistry, R., Ran, G., & Wang, X. (2014). Relation between emotion regulation and mental health: A meta-analysis review. *Psychological Reports: Measures and Statistics*, 114(2), 341–362. <https://doi.org/10.2466/03.20.PR0.114k22w4>
- Kardum, I., Gračanin, A., Hudek-Knežević, J., & Blažić B. (2021). Emotion regulation and romantic partners' relationship satisfaction: Self-reports and partner reports. *Psychological Topics*, 30(1), 145–159. <https://doi.org/10.31820/pt.30.1.8>
- Kenny, D. A., Kashy, D. A., & Cook, W. L. (2006). *Dyadic data analysis*. New York, NY: The Guildford Press.
- Klein, S. R., Renshaw, K. D., & Curby, T. W. (2016). Emotion regulation and perceptions of hostile and constructive criticism in romantic relationships. *Behavior Therapy*, 47, 143–154. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2015.10.007>
- Ledovaya, Y. A., Bogolyubova, O. N., & Tikhonov, R. V. (2015). Stress, well-being and the Dark triad. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 8(43), 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.521> (in Russian)
- Li, D., Li, D., Wu N., & Wang, Z. (2019). Intergenerational transmission of emotion regulation through parents' reactions to children's negative emotions: Tests of unique, actor, partner, and mediating effects. *Children and Youth Services Review*, 101, 113–122. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.03.038>
- Maddi, S. R. (2002). The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research, and practice. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 54(3), 173–185. <https://doi.org/10.1037/1061-4087.54.3.173>
- Matsumoto, D., Yoo, S. H., & Fontaine, J. (2008a). Mapping expressive differences around the world: The relationship between emotional display rules and Individualism versus Collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 39(1), 55–74. <https://doi.org/10.1177/0022022107311854>
- Matsumoto, D., Yoo, S. H., Nakagawa, S., & Multinational Study of Cultural Display Rules. (2008b). Culture, emotion regulation, and adjustment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94(6), 925–937. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.6.925>
- Mazzuca, S., Kafetsios, K., Livi, S., & Presaghi, F. (2019). Emotion regulation and satisfaction in long-term marital relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*, 36(9), 2880–2895. <https://doi.org/10.1177/0265407518804452>
- Nakagawa, T., Gondo, Y., Ishioka, Y., & Masui, Y. (2017). Age, emotion regulation, and affect in adulthood: The mediating role of cognitive reappraisal. *Japanese Psychological Research*, 59(4), 301–308. <https://doi.org/10.1111/jpr.12159>
- Osin, E. N. (2013). Factor structure of the short version of the Test of hardiness. *Organizacionnaya Psihologiya [Organizational Psychology]*, 3(3), 42–60. (in Russian)
- Pankratova, A. A. (2011). Change of values in children and adults in modern Russia (1992–2009). *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 1(15), 10. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i15.875> (in Russian)
- Pankratova, A. A. (2014). J. Gross's approach to studying emotional regulation: Examples of cross-cultural studies. *Voprosy Psikhologii*, 1, 147–155. (in Russian)

- Pankratova, A. A., & Kornienko, D. S. (2017). A Russian adaptation of the Emotional Regulation Questionnaire (J. Gross). *Voprosy Psikhologii*, 5, 139–149. (in Russian)
- Rasskazova, E. I., Gordeeva, T. O., & Osin, E. N. (2013). Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: Psychometric properties and applications of the COPE inventory. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(1), 82–118. (in Russian)
- Sheldon, K. M., Titova, L., Gordeeva, T. O., Osin, E. N., Lyubomirsky S., & Bogomaz, S. (2017). Russians inhibit the expression of happiness to strangers: Testing a display rule model. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 48(5), 718–733. <https://doi.org/10.1177/0022022117699883>
- Velotti, P., Balzarotti, S., Tagliabue, S., English, T., Zavattini, G. C., & Gross, J. J. (2016). Emotional suppression in early marriage: Actor, partner, and similarity effects on marital quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 33(3), 277–302. <https://doi.org/10.1177/0265407515574466>

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ВЫБОРЕ СУПРУГА ДРУГОЙ КУЛЬТУРЫ: КРОСС-РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

М.В. АЛАГУЕВ^а, В.Н. ГАЛЯПИНА^а

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

The Role of Social Identities in the Choice of a Spouse from Another Culture: A Cross-Regional Analysis

M.V. Alaguev^a, V.N. Galyapina^a

HSE University, 20 Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Резюме

В статье представлены результаты изучения связи между этнической, гражданской, религиозной идентичностями, а также идентичностью с местом проживания и отношением к вступлению в межкультурный брак жителей двух регионов России: Московского региона и Республики Бурятия. Выборку составили представители трех групп: русские, проживающие в Московском регионе (N = 189), русские, проживающие в Бурятии (N = 111), буряты, проживающие в Бурятии (N = 102). Результаты анализа показали, что отношение к межкультурному браку не имеет кросс-культурных и кросс-региональных различий и является скорее положительным. Однако выявлены различия в выраженности социальных идентичностей, а также их роли в отношении к браку с представителем другой культуры. Русские, проживающие в исследуемых регионах, имеют кросс-региональные различия в выраженности этнической, религиозной и гражданской идентичности: в

Abstract

The article presents the results of the study on the relations of ethnic, civic, religious and place identity with the attitude towards entering into an intercultural marriage. The study conducted in two multi-cultural Russian regions: the Moscow region and the Republic of Buryatia. The sample included the representatives of three groups: the Russians from the Moscow region (n = 189), the Russians (n = 111) and the Buryats (n = 102) from Buryatia. The attitude towards intercultural marriage had mean scores above average and did not have significant cross-cultural and cross-regional differences. However, differences in the importance of social identities and their impact on attitudes towards intercultural marriage were found. The Russians from Buryatia had more significant ethnic, civic, and religious

Статья подготовлена по материалам проведенной работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University, RF.

Бурятия они выше. Респонденты обеих национальностей, проживающие в Республике Бурятия, обладают более выраженными этнической, религиозной и гражданской идентичностями в сравнении с русскими, проживающими в Московском регионе. Результаты анализа с использованием моделирования структурными уравнениями показали, что существует негативная связь между этнической идентичностью бурят и их отношением к браку с представителем другого этноса. У русских из обоих регионов идентификация с местом проживания позитивно связана с отношением к браку с представителем другой культуры. Гражданская идентичность поразному связана с отношением к выбору супруга другой культуры: у бурят эта связь положительная, у русских из Московского региона — отрицательная. Это может быть объяснено разным характером гражданской идентичности в данных группах: у русских из Московского региона она тесно сплетена с этнической, тогда как для бурят, проживающих в Бурятии, можно говорить о «надэтнической» идентичности, которая объединяет их со всеми гражданами России любой национальности и вероисповедания.

Ключевые слова: межкультурный брак, социальные идентичности, буряты, русские, Республика Бурятия, Московский регион.

Алагуев Михаил Викторович — аспирант, аспирантская школа; стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, межкультурные отношения, межкультурные браки, социальные идентичности. Контакты: malaguev@hse.ru

Галяпина Виктория Николаевна — ведущий научный сотрудник, Центр социокультурных исследований; доцент, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент. Сфера научных интересов: кросс-культурная психология, межкультурные отношения, ценности и социальные нормы, социальные идентичности. Контакты: vgalyapina@hse.ru

identities than the Russians from the Moscow region (cross-regional differences). Both the Buryats and the Russians from Buryatia had more significant ethnic, religious and civic identities as compared to Russians living in the Moscow region. The results of structural equation modeling showed that there is a negative relationship between the ethnic identity of the Buryats and their attitude towards interethnic marriage. For Russians from both regions, place identity is positively associated with attitudes towards intercultural marriage. Civic identity predicted attitudes towards intercultural marriage in different ways: the Buryats had a positive relationship, while the Russians of the Moscow region had a negative one. It probably follows from the differing content of civic identity in these groups: for the Russians from the Moscow region, it is closely intertwined with ethnicity, while for the Buryats living in Buryatia, it is a “supra-ethnic” identity that connects them with all citizens of Russia of any ethnicity and religion.

Keywords: intercultural marriage, social identities, Buryats, Russians, the Republic of Buryatia, Moscow region.

Mikhail V. Alaguev — Research Assistant, Center for Sociocultural Research; PhD Student (Psychology), Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University. Research Area: cross-cultural psychology, intercultural relations, intercultural marriage, social identities. E-mail: malaguev@hse.ru

Victoria N. Galyapina — Lead Research Fellow, Centre for Sociocultural Research; Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, PhD in Psychology. Research Area: cross-cultural psychology, intercultural relations, values and social norms, social identities. E-mail: vgalyapina@hse.ru

В контексте межкультурных отношений показательны межкультурные браки, поскольку являются ключевым звеном в создании полиэтнического общества с высоким уровнем социальной сплоченности (Barker, 2015; Hohmann-Marriott, Amato, 2008; Гриценко, 1991; Сикевич, Поссель, 2019). Готовность вступать в межэтнические браки и положительное отношение к ним в обществе свидетельствуют о формировании толерантных межэтнических установок. Такие браки представляют собой модели межкультурных отношений на микроуровне и могут помочь понять меняющееся общество эпохи глобализации (Малькова, 2017). Исходя из этого, мы можем заключить, что исследование межкультурных браков является актуальным и важным.

Теоретический анализ

Межкультурные браки и отношение к ним

В литературе существует множество определений, которыми обозначаются браки между представителями разных этносов и культур: смешанный брак (mixed marriage) (Rahnu et al., 2020); межкультурный брак (intercultural marriage) (Ростовская, Ростовская, 2016; Mcfadden, Moore, 2001); национально-смешанный, этнически-смешанный брак (Гриценко, 1991; Тащёва и др., 2016); межнациональный брак (Бокова, 2007), international, transnational marriage (Chang, 2016; Gaspar et al., 2017), interethnic, bi-ethnic marriage (Gorenburg, 2006; McDoom, 2019) и др.

Термины «национальность», «этнос», «культура» имеют особенности, обусловленные изначальными различиями в их определениях, но частично их значения совпадают (Sullivan, Cottone, 2006). В данной работе мы будем использовать понятие «межкультурный брак», имея в виду супружеский союз представителей двух этносов и/или двух конфессий.

Межкультурные браки имеют свою специфику. В них, согласно многочисленным исследованиям (Cools, 2006; Garcia, 2006), существуют особые «проблемные точки», такие как различия в ценностях, в языке внутрисемейной коммуникации, в стилях общения и др.

Помимо специфики супружеских отношений вступление в межэтнические браки сказывается на психологических особенностях каждого из супругов. В исследованиях отмечается, что у них может сформироваться как биэтническая идентичность (Воронина, 2009; Малкова, 2017), так и маргинальная идентичность или культурная бездомность («cultural homelessness») (Воронина, 2009; Navarrete, Jenkins, 2011).

Отношение к межкультурным бракам варьируется в разных странах, культурах и во многом определяется этнопсихологическими факторами: межэтническими установками, толерантностью, уровнем этнического самосознания и пр. (Лурье, 2018; Макарова, 2014, Тащёва и др., 2016). Например, в СССР такие браки рассматривались как явление желательное, поскольку способствовали слиянию наций в единый «советский народ» (Уалиева, Эдриен, 2011). В настоящее время некоторые исследования, в том числе проведенные с использованием

шкалы Богардуса, демонстрируют разные результаты. Одни показывают, что отношение к межкультурным бракам в России является положительным (Джабер Хасан, 2016), другие — отрицательным (Сикевич, Поссель, 2019; Бурханова и др., 2014). Причиной такого разброса данных могут являться особенности межкультурных отношений в разных регионах России.

Социальные идентичности как фактор, влияющий на отношение к межкультурным бракам

Существует довольно много научных работ, в которых подробно описано влияние межкультурного брака на разные виды идентичности супругов и их детей (Воронина, 2009; Navarrete, Jenkins, 2011). Однако влиянию на отношение к нему идентичностей посвящено недостаточное количество исследований (Gorenburg, 2006).

Как показывает анализ, роль этнической идентичности в отношении к межкультурному браку неоднозначна. Так, Н. Коэн (Cohen, 1982) отмечает, что при яркой ее выраженности стремление вступить в межкультурный и межэтнический брак снижается. М.А. Жигунова и Е.А. Коптяева (2016) установили, что этническая идентичность не является решающей при выборе брачного партнера. Наибольшее влияние оказывают экономический, демографический, этнокультурный факторы, а также религиозная принадлежность будущего супруга (Жигунова, Коптяева, 2016). В исследовании, проведенном в 22 странах (Van Niekerk, Verkuyten, 2018), было установлено, что глубокие религиозные убеждения мусульман предсказывают их негативное отношение к браку с представителем христианской религии, и эта связь значительно различается в разных странах.

Анализ показывает, что работ, посвященных связи гражданской идентичности с отношением к межкультурным бракам, не проводилось. Однако существуют исследования ее связи с установками относительно представителей другой культуры: мигрантов, этнических меньшинств. Их результаты могут косвенно свидетельствовать о возможных связях гражданской идентичности с отношением к межкультурным бракам. Л.К. Григорян и З.Х. Лепشوкова (2012) выяснили, что различные ее компоненты по-разному связаны с указанными выше установками: патриотизм — с позитивными, национализм — с негативными. Также установлено, что у людей с разной выраженностью гражданской идентичности связь с установками по отношению к иностранцам различается (Billiet et al., 2003). Можно видеть, что данные противоречивы, и однозначно предположить, какова будет связь между гражданской идентичностью и отношением к межкультурным бракам, сложно.

Идентичность с местом как сильная эмоциональная привязанность индивида к конкретной местности и/или окружению (Droseltis, Vignoles, 2010) может приводить к единению с другими группами на основе общей территории проживания. В исследовании, проведенном в Китае (Chen et al., 2017), была выявлена позитивная связь между идентичностью с местом и отношением к иностранным туристам. В исследовании, проведенном среди русского

этнического меньшинства в Латвии и Грузии, была выявлена позитивная роль идентичности с местом проживания в успешной интеграции в принимающее общество (Рябиченко и др., 2019).

Таким образом, проведенный анализ исследований показывает, что нет однозначного понимания роли этнической, религиозной, гражданской идентичности, а также идентичности с местом проживания в отношении к заключению брака с представителем другой культуры.

Социокультурный контекст исследования

Данное исследование проводилось в двух поликультурных регионах России: Московском регионе и Республике Бурятия. Выбор данных регионов обусловлен тем, что они различаются по показателям, которые влияют на отношение к межкультурным бракам (Малкова, 2017): уровень урбанизации, степень гетерогенности и открытости контактирующих народов, их языковая, культурная и религиозная близость, установки на межэтнические контакты.

Республика Бурятия — это национальная республика: 29.51% ее населения составляют буряты (коренное население), 64.91% — русские, татар (третий по численности этнос) — менее 1% (Федеральная служба государственной статистики, 2010). Проживающие на территории Бурятии этносы имеют богатую историю сосуществования.

Буряты — один из этносов Центральной Азии, их причисляют к традиционным обществам, среди которых ценится историческая память, заключенная в мифы, легенды, предания. Исследователи отмечают, что в республике происходит рост традиционно-исторического, этнического и религиозного самосознания бурят (Намауон, 1998; Дугарова, 2010). Они стремятся к сохранению и воспроизведению культурных ценностей и традиций. При столкновении старых культурных норм с «незнакомым и чуждым» в Бурятии наблюдается спонтанное смещение традиционного и нового предметного мира (Boronova, 2019; Дугарова, 2010).

В 2010 г. русским языком владели 99.25% бурят, проживающих в Республике Бурятия, при этом для большинства он является родным. Доля бурят, владеющих бурятским языком, составляла на тот момент лишь 43.6%. Можно сказать, что почти все носители бурятского языка являются носителями разных форм билингвизма (Дырхеева, 2018). Отсутствие языкового барьера позитивно влияет на формирование благоприятной среды межэтнических контактов между русскими и бурятами.

Бурятия — территория, где проживают народы, исповедующие различные верования, в том числе православие, буддизм и шаманизм, а также синкретические формы религии, сочетающие эти конфессиональные традиции. У. Руф (Roof, 1998) определяет Бурятию как место, где границы религий находятся под вопросом, если не открыто оспариваются и отрицаются. Представители разных религиозных групп в этой республике дружелюбны по отношению друг к другу. Исследования Э. Холланда (Holland, 2014) жителей столицы Бурятии — Улан-Удэ — показали, что 53.6% русских и 75.7% бурят высказываются за то,

чтобы праздники иных религиозных групп имели государственное признание. Характерной особенностью бурят является смешение религиозных течений. Многие бурятские семьи исповедуют православие, а проживающие там русские — буддизм (Zhukovskaya, 1998).

Исследование, проведенное в Бурятии в период с 1979 по 2001 г., выявило, что в республике отсутствуют устойчивые негативные установки в отношении межкультурных браков (Махарова, 2003). В 2010 г. межэтнические браки составляли 12.0% от общего числа заключенных в республике, причем подавляющее большинство из них — между русскими и бурятами (Трифонов, 2014).

Все вышеперечисленные факторы позволяют заключить, что Республика Бурятия является регионом с опытом многовекового сосуществования коренного этноса региона (при его численном меньшинстве) с титульным этносом государства при большом разнообразии религиозных взглядов, отсутствии языкового барьера и негативных установок в отношении межэтнических браков.

В Московском регионе (городе Москве и Московской области) 86.74% населения являются русскими, при этом ни один другой этнос не представлен более чем полутора процентами населения (Федеральная служба государственной статистики, 2010). Многообразие культур в Московском регионе стало наблюдаться с 90-х гг. XX в. и было вызвано «давлением миграции». Число инокультурных мигрантов в регионе достаточно велико, и принятие их воспринимается как проблема для Московского мегаполиса (Малькова, 2017).

Межэтнические браки в 2011 г. в Москве составили 10.9%, при этом их число снижается. Большая часть таких браков заключается между русскими и украинцами (Лурье, 2018). В целом в Москве ситуация с межэтническими браками является скорее напряженной. Это в большей степени обусловлено негативным отношением принимающего населения к мигрантам (как внутренним, так и внешним) (Лурье, 2018; Уалиева, Эдриен, 2011; Малькова, 2017; Тишков, 2017).

Однако, говоря о Московском регионе, важно отметить, что в реализуемой Россией с середины 1980-х гг. политике глобализации, модернизации и информатизации Москва находится как бы «на передовой». Одновременно здесь представлены как носители европейских, либеральных культурных норм, так и приверженцы более консервативных взглядов. На массовом же уровне поощряется мультикультурный диалог, среди населения распространено усвоение новых культурных норм (Тишков, 2017).

Республика Бурятия и Московский регион отличаются своими традиционализмом/модернизированностью, что может сказываться на отношении к межкультурным бракам (Малкова, 2017). Также существуют отличия в этническом и религиозном составе населения (Лурье, 2018; Макарова, 2014; Ташёва и др., 2016). Московский регион, в отличие от Бурятии, является регионом с одним доминирующим этносом, составляющим большинство (русские). Проживающие в моноэтнической среде люди, как правило, проявляют меньший интерес к своей этничности, следствием чего могут быть и меньший интерес к особенностям других этносов, и иное отношение к межэтническим бракам (Карманова, Медведева, 2016).

Несмотря на то что межкультурное взаимодействие осуществляется в обоих регионах, в Бурятии оно рассматривается в целом позитивно (Holland, 2014), а в Москве отношения между представителями разных культур зачастую являются проблемными (Тишков, 2017).

Исходя из анализа ранее проведенных исследований и особенностей социокультурного контекста, мы сформулировали следующие исследовательские вопросы.

Какова роль этнической, гражданской, религиозной идентичности и идентичности с местом проживания в отношении к вступлению в межкультурный брак у жителей поликультурных регионов России?

Каковы сходства и различия в связи этнической, гражданской, религиозной идентичностей, а также идентичности с местом проживания и отношением к вступлению в межкультурный брак у бурят и русских в Республике Бурятия и у русских в Московском регионе?

Метод

Процедура исследования

Исследование проводилось в декабре 2019 — феврале 2020 г. с помощью социально-психологического опроса. Для проведения исследования использовалась онлайн-платформа. Выборка удобная (использовался метод «снежный ком»).

Выборка исследования

В выборку вошли представители трех групп: русские, проживающие в Московском регионе ($N = 189$), русские, проживающие в Бурятии ($N = 111$), буряты, проживающие в Бурятии ($N = 102$). В таблице 1 представлены гендерные и возрастные характеристики выборки, а также уровень образования и религиозная принадлежность респондентов.

Методы исследования

Для исследования этнической и гражданской идентичностей были использованы две соответствующие шкалы из проекта «Взаимные межкультурные отношения в поликультурном обществе» (MIRIPS) (Лебедева, Татарко, 2009).

Этническая идентичность, рассматриваемая как субъективное чувство принадлежности к этнической группе, включала шесть пунктов (например: «Я горжусь тем, что я русский/бурят»; $\alpha = 0.90$ для бурят; $\alpha = 0.87$ для русских Бурятии; $\alpha = 0.80$ для русских Московского региона).

Гражданская идентичность, понимаемая как сознание принадлежности к государству (в нашем исследовании — России), состояла из шести пунктов (например: «Я счастлив/а быть гражданином/кой России»; $\alpha = 0.90$ для бурят; $\alpha = 0.92$ для русских Бурятии; $\alpha = 0.91$ для русских Московского региона).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов

	Русские из Московского региона	Буряты из Республики Бурятия	Русские из Республики Бурятия	Вся выборка
<i>Пол</i>				
Женщины	134 (70.9%)	72 (70.6%)	91 (82.0%)	297 (73.9%)
Мужчины	55 (29.1%)	30 (29.4%)	20 (18.0%)	105 (26.1%)
<i>Возраст</i>				
Среднее (std. отклонение)	22.30 (3.44)	26.71 (7.45)	25.88 (7.49)	24.41 (6.24)
<i>Образование</i>				
Неполное среднее	3 (1.6%)	2 (2.0%)	5 (4.5%)	10 (2.5%)
Общее среднее	43 (22.8%)	12 (11.8%)	16 (14.4%)	71 (17.7%)
Среднеспециальное, среднее профессиональное	25 (13.2%)	10 (9.8%)	12 (10.8%)	47 (11.7%)
Высшее	118 (62.4%)	78 (76.5%)	78 (70.3%)	274 (68.2%)
<i>Отношение к религии</i>				
Не исповедую никакой религии	74 (39.2%)	25 (24.5%)	29 (26.1%)	128 (31.8%)
Буддизм	3 (1.6%)	64 (62.7%)	5 (4.5%)	72 (17.9%)
Православие	96 (50.8%)	1 (1.0%)	67 (60.4%)	164 (40.8%)
Иное	16 (8.5%)	12 (11.8%)	10 (9.0%)	39 (29.3%)
Итого	189 (100.0%)	102 (100.0%)	111 (100.0%)	402 (100.0%)

Также нами были использованы шкалы религиозной идентичности и идентичности с местом проживания, адаптированные и используемые Центром социокультурных исследований НИУ ВШЭ.

Религиозная идентичность, рассматриваемая как осознание принадлежности к религиозной конфессии (Verkuyten, 2007; Verkuyten, Yildiz, 2007), включала пять пунктов (например: «Я рад исповедовать свою религию»; $\alpha = 0.95$ для бурят; $\alpha = 0.95$ для русских Бурятии; $\alpha = 0.96$ для русских Московского региона).

Идентичность с местом как результат самокатегоризации на основе принадлежности к определенному месту (Droseltis, Vignoles, 2010), состояла из пяти пунктов (например: «Я чувствую эмоциональную привязанность к Бурятии»; $\alpha = 0.83$ для бурят; $\alpha = 0.92$ для русских Бурятии; $\alpha = 0.89$ для русских Московского региона).

Отношение к вступлению в межкультурные браки измерялось с помощью двух вопросов, сформулированных авторами исследования: «Насколько комфортно

было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной национальности?», «Насколько комфортно было бы Вам, если бы Ваш/а будущий/ая супруг/а был/а представителем иной религии?».

Результаты

Первоначально мы сравнили средние значения всех исследуемых переменных в трех группах: этническую и региональную принадлежность в качестве независимых переменных и этническую, гражданскую, религиозную идентичности, идентичность с местом проживания, отношение к вступлению в брак с представителями другой этнической, а также религиозной группы в качестве зависимых. MANOVA показал, что в трех группах существуют значимые различия. Wilks' $\lambda = 0.852$, $F(12, 788) = 5.46$, $p < 0.001$, $\eta^2 = 0.077$. Различия по отдельным показателям, полученные с помощью ANOVA, также были значимыми (результаты представлены в таблице 2). Для контроля пола и возраста мы также провели MANOVA. Результаты показали отсутствие значимых различий между данными мужчин и женщин (Wilks' $\lambda = 0.971$, $F(6, 391) = 1.95$, $p = 0.072$, $\eta^2 = 0.029$), а также представителей разных возрастных групп (Wilks' $\lambda = 0.669$, $F(138, 2182) = 1.13$, $p = 0.150$, $\eta^2 = 0.065$).

Этническая идентичность у русских из Московского региона значимо менее выражена, чем у бурят и русских из Бурятии. Это указывает на то, что она становится более значимой в условиях постоянного межэтнического

Таблица 2

Результаты сравнения всех переменных у русских из Москвы и Бурятии и бурят из Бурятии (максимальная оценка — 5)

Переменные	Русские из Московского региона	Буряты из Республики Бурятия	Русские из Республики Бурятия	F	Partial η^2
	M (SD)	M (SD)	M (SD)		
Этническая идентичность	3.84 (.71) _a	4.13 (.84) _b	4.07 (.79) _b	5.97	0.029**
Гражданская идентичность	3.73 (.99) _a	3.92 (.84) _{ab}	4.14 (.89) _b	6.86	0.033**
Религиозная идентичность	2.85 (1.34) _a	3.60 (1.17) _b	3.42 (1.27) _b	13.87	0.065***
Идентичность с местом	3.27 (1.03) _a	3.73 (.81) _b	3.23 (1.09) _a	8.66	0.042***
Отношение к вступлению в брак с представителем иной этничности	3.29 (1.19) _a	3.61 (1.04) _a	3.49 (1.05) _a	2.91	0.014
Отношение к вступлению в брак с представителем иной религии	2.90 (1.21) _a	3.17 (1.07) _a	3.03 (1.19) _a	1.69	0.008

Примечание. Одинаковые индексы говорят об отсутствии статистически значимых различий.

* $p < 0.05$, *** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

контакта (в данном случае — в Бурятии). У бурят и русских, проживающих в Бурятии, значимых различий в выраженности этнической идентичности выявлено не было.

Религиозная идентичность у жителей Бурятии — как бурят, так и русских — выражена более значимо, чем у русских Московского региона. При этом различий между выраженностью данной идентичности у бурят и русских, проживающих в Бурятии, выявлено не было. Возможно, ситуация постоянного межкультурного контакта способствует также повышению значимости религиозной идентичности.

Гражданская идентичность у русских из Бурятии значимо выше, чем у представителей этой национальности из Московского региона. Выраженность данной идентичности у бурят и русских жителей Бурятии не имеет значимых различий.

Идентичность с местом у бурят из Бурятии значимо выше, чем у русских в обоих изучаемых регионах. При этом различий между русскими, проживающих в этих регионах, в выраженности данной идентичности выявлено не было.

Исследование показало, что отношение к возможному вступлению в брак с представителем иных этнической группы и/или религии наиболее положительное у бурят, наименее — у русских Московского региона, однако эти различия статистически незначимы.

Далее мы провели мультигрупповой анализ, используя моделирование структурными уравнениями. Результаты показали отсутствие инвариантности (все $\Delta CFI > 0.01$). Исходя из этого, дальнейший анализ мы проводили отдельно для каждой группы (рисунок 1 и таблица 3). Показатели трех моделей соответствуют рекомендованным, что свидетельствует о статистической значимости моделей (Hu, Bentler, 1999).

Результаты, полученные в ходе моделирования структурными уравнениями в группе русских из Московского региона, показывают, что их гражданская идентичность отрицательно связана с отношением к межэтническому браку: чем больше русские в Московском регионе ощущают себя россиянами, тем менее желательна для них возможность вступления в такой брак. При этом идентичность с местом проживания положительно связана с отношением к межэтническому браку: чем больше респонденты ощущают себя жителями Московского региона, тем более позитивно они относятся к возможности вступления в такой брак. Другие связи статистически незначимы.

Таблица 3

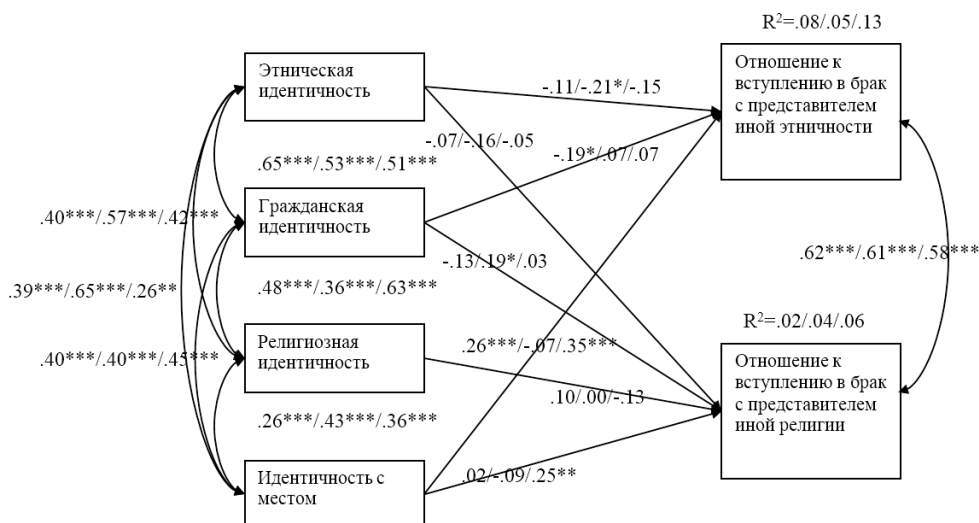
**Показатели моделей связи социальных идентичностей и отношения
к вступлению в межкультурный брак**

χ^2/df	SRMR	CFI	RMSEA	PCLOSE
0.8/0.5/0.8	0.014/0.014/0.015	1.00/1.000/1.00	0.00/0.00/0.00	0.487/0.536/0.442

Примечание. Результаты трех групп представлены через слеш: русские Московского региона/буряты Бурятии/русские Бурятии.

Рисунок 1

Модель связи социальных идентичностей и отношения к вступлению в межкультурный брак

Примечание. Результаты трех групп представлены через слеш: русские Московского региона/ буряты Бурятии/русские Бурятии.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Результаты, полученные на выборке бурят, показывают, что их выраженная этническая идентичность имеет отрицательную связь с отношением к межэтническому браку: чем более респонденты ощущают себя бурятами и чем более позитивно к этому относятся, тем менее желательно для них возможное вступление в такой брак. Выраженная гражданская идентичность у бурят положительно связана с их отношением к вступлению в брак с представителем иной религии: чем больше буряты ощущают себя россиянами, тем более благоприятно они относятся к возможности вступления в такой брак. Остальные связи были статистически незначимы.

Результаты, полученные на выборке русских из Бурятии, показали, что положительные связи есть только между идентичностью с местом проживания и отношением к межкультурному браку: если русские тепло относятся к Бурятии, то они позитивно относятся к возможному браку как с представителем иного этноса, так и с представителем иной религии. Другие связи были статистически незначимы.

Обсуждение результатов

Данное исследование является важным для психологической науки и практики. Оно проливает свет на проблему межкультурного взаимодействия, поскольку отношение к межкультурным бракам является одним из показателей межкультурных установок в обществе. Анализ роли социальных идентичностей

в выборе супруга иной культуры, проведенный в двух поликультурных регионах России, позволил выявить связи между этнической, гражданской, религиозной идентичностями и идентичности с местом проживания и отношением к вступлению в такой брак. Кроме того, были выявлены сходства и различия этих связей у бурят и русских, проживающих в Бурятии, а также у русских из Московского региона.

Кросс-культурное и кросс-региональное сравнения показали, что отношение к браку с представителем другой культуры у русских из Московского региона, а также русских и бурят, проживающих в Бурятии, значимо не различается и имеет значение выше среднего. Таким образом, отвечая на наш второй исследовательский вопрос, можно сказать, что и в Московском регионе, и в Бурятии существуют достаточно позитивные установки на межкультурное взаимодействие на уровне межкультурного супружеского союза. Наши данные согласуются с результатами, полученными в Бурятии Г.С. Махаровой (2003). Также они позволяют говорить о том, что в Московском регионе существует достаточно лояльное отношение к вступлению в межкультурные браки.

Сравнение выраженности социальных идентичностей позволяет говорить как о кросс-региональных, так и о кросс-культурных различиях. Так, этническая, религиозная и гражданская идентичности более выражены у жителей Бурятии (и у русских, и у бурят) в сравнении с русскими — жителями Московского региона. Наши данные находят подтверждение в исследованиях, проведенных Л.М. Дробижевой (2008). Кроме того, мы установили, что гражданская идентичность у русских, проживающих в Бурятии, была значимо более выражена, чем у бурят — жителей Бурятии и русских из Московского региона. Это соотносится с результатами, полученными в работе по изучению особенностей русских, живущих в инокультурной среде (Дробижева, 2010), в которой было установлено, что в республиках гражданская идентичность стала иметь большее значение для представителей этой национальности, чем этническая.

Что касается выраженности идентичности с местом проживания, то она более выражена у бурят из Бурятии в сравнении с живущими там и в Московском регионе русскими. Возможно, это связано с тем, что для бурят особенно важна идентичность, в основу которой положен географический фактор (Очирова, 2014), связанный со значением озера Байкал и всего Байкальского региона. Многие буряты ощущают тесную связь с этим местом.

Как показали результаты, отношение к межкультурному браку в трех исследуемых группах значимо не различалось. Однако были обнаружены значимые различия в связях между этнической, гражданской, религиозной идентичностями и идентичности с местом проживания и отношением к вступлению в такой брак. Мы установили, что идентичность с местом обуславливает положительное отношение к межкультурному браку у русских, проживающих как в Бурятии, так и в Московском регионе. У бурят же данная идентичность, имея гораздо более высокие показатели, чем у русских, не оказывает значимого влияния на отношение к такому браку. Возможно, для русского

человека идентичность с местом проживания играет интегрирующую роль (Рябиченко и др., 2019).

Этническая идентичность в целом отрицательно связана с положительным отношением к вступлению в межкультурный брак. Несмотря на то что статистически значимой данная связь является только у бурят, проживающих в Бурятии, в двух группах русских она также является отрицательной. Эти данные согласуются с результатами, полученными Н. Коэн (Cohen, 1982), в которых отмечается негативная связь культурной идентичности с установками на межкультурные браки, и с данными исследования М.А. Жигуновой и Е.А. Коптяевой (2016), которые отмечают, что влияние этнической идентичности не абсолютно и опосредовано другими факторами (демографическими, социокультурными, экономическими). Возможно, поэтому у бурят, как представителей народа, ориентированного на традиционные ценности и сохранение культуры (Вогопова, 2019; Дугарова, 2010), выраженная этническая идентичность является мощным значимым предиктором их отношения к межкультурным бракам.

Интересным является тот результат, что существует связь между гражданской идентичностью и отношением к браку с представителем другой культуры. Ощущение себя гражданином России у русских, проживающих в Московском регионе, отрицательно влияет на отношение к браку с представителем другого этноса, но положительно — на отношение бурят — жителей Бурятии к браку с представителем другой религии. Для русских из Московского региона отчасти это может быть связано с тем, что для них гражданская и этническая идентичности очень сильно «сплетены» и представляют собой единую гражданско-этническую идентичность (Арутюнян, 2009; Дробижева, 2008). Для бурят, живущих в Бурятии, гражданская идентичность является «надэтнической» и связывает их со всеми гражданами России любой национальности и вероисповедания. Определяющим это фактором является идея единства и равноправия всех народов России (Антонов и др., 2017).

Выводы

Проведенное исследование позволяет нам сделать ряд общих выводов.

1. Данные кросс-культурного и кросс-регионального анализа свидетельствуют о том, что для бурят, проживающих в Бурятии, позитивным предиктором отношения к браку с представителем другой культуры является гражданская идентичность, а отрицательным — этническая.

2. Для русских как из Бурятии, так и из Московского региона идентичность с местом проживания обуславливает положительное отношение к межкультурным бракам.

3. Для русских, проживающих в Московском регионе, их выраженная гражданская российская идентичность способствует негативному отношению к межкультурному браку.

Мы видим, что для русских (и как составляющих этническое большинство в Московском регионе, и как представителей нетитульного этноса в

Республике Бурятия) важным фактором, ориентирующим их на положительное отношение к вступлению в брак с представителем другой культуры, является идентичность с местом проживания.

Гражданская идентичность оказывает противоположное влияние на отношение к вступлению в межкультурный брак: для представителей титульного этноса в национальной республике, ориентированного на традиционные ценности и сохранение собственной культуры (бурят), она способствует положительному отношению к межкультурным бракам. Для русских из Московского региона как этнического большинства, наиболее часто встречающегося с проблемами, вызванными массовой миграцией, гражданская идентичность, возможно, будучи конструктом, близким по содержанию к этнической, способствует негативному отношению к вступлению в межкультурные браки.

Результаты проведенного исследования определили вопросы, подлежащие дальнейшему изучению. Наша работа была проведена в Московском регионе и национальной Республике Бурятия, и нельзя с уверенностью судить о применимости этих результатов ко всем национальным республикам России ввиду того, что у них существует множество особенностей. Таким образом, для более детального определения роли социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры необходимо проведение дальнейших исследований в иных социокультурных контекстах. Кроме того, целесообразным будет включение в выборку бурят, проживающих в Московском регионе (как представителей этнического меньшинства), чтобы можно было контролировать этнический статус респондентов.

Литература

- Антонов, В. И., Очирова, О. А., Петрова, А. А. (2017). Особенности национальной идентичности российских этносов: уровни и факторы (на примере современных бурят). *Вестник Калмыцкого университета*, 34(2), 116–121.
- Арутюнян, Ю. В. (2009). Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии. *Общественные науки и современность*, 4, 91–97.
- Бокова, Т. Л. (2007). Основные тенденции в развитии многонациональной семьи в Российском обществе. *Известия Томского политехнического университета*, 7(11), 101–114.
- Бурханова, Ф. Б., Садретдинова, Э. В., Шайхисламов, Р. Б. (2014). Родственность в межэтнической дистанции. *Вестник Башкирского университета*, 19(2), 619–624.
- Воронина, А. С. (2009). Трансформации моделей поведения в межкультурной коммуникации на примере смешанных браков и межкультурных сожительства. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3, 142–147.
- Григорян, Л. К., Лешокова, З. Х. (2012). Эмпирическая модель взаимосвязи гражданской идентичности и установок по отношению к иммигрантам с экономическими представлениями россиян. *Социальная психология и общество*, 2, 5–20.
- Гриценко, В. В. (1991). Социально-психологический климат вокруг национально смешанных семей. В кн. *Этнические факторы в жизни общества* (с. 53–62). М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР.

- Джабер Хасан, М. А. (2016). Перспективы межэтнического брака. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, 52, 58–62.
- Дробижева, Л. М. (2008). Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. В кн. М. К. Горшков (ред.), *Россия реформирующаяся* (вып. 7, с. 214–227). М.: Институт социологии РАН.
- Дробижева, Л. М. (2010). Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. *Социологические исследования*, 12, 49–58.
- Дугарова, Т. Ц. (2010). *Особенности этнического самосознания современных бурят России* [Докторская диссертация, Московский педагогический государственный университет].
- Дырхеева, Г. А. (2018). Языковая ситуация в Республике Бурятия. *Мир Большого Алтая*, 4(2), 302–320. <https://nitsaltaytanus.wixsite.com/altaijournal/dyrkheeva>
- Жигунова, М. А., Коптяева, Е. А. (2016). Национально-смешанные браки как вариация этнокультурной идентичности. *Вестник Томского государственного университета. История*, 5(43), 100–104. <https://doi.org/10.17223/19988613/43/21>
- Карманова, Т. М., Медведева, И. А. (2016). Особенности этнической идентичности и этнической толерантности студентов из моно- и полиэтнических семей. *Международный научно-исследовательский журнал*, 5(47), 145–147. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.245>
- Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. (ред.). (2009). *Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения России*. М.: РУДН.
- Лурье, С. В. (2018). Межэтнические браки в современном российском национальном сценарии. *Петербургская социология сегодня*, 10, 122–148. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077>
- Макарова, И. А. (2014). Межэтнический брак: концептуализация понятия. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 164, 150–154.
- Малкова, А. А. (2017). Этническая идентификация у женщин, состоящих в межэтническом браке. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология»*, 10(4), 83–93. <https://doi.org/10.14529/psy170408>
- Малькова, В. К. (2017). Многообразие культур в Московском мегаполисе и его социально-экономический ресурс. В кн. В. А. Тишков, В. В. Степанов (ред.), *Этническое и религиозное многообразие России* (с. 230–279). М.: ИЭА РАН.
- Махарова, Г. С. (2003). *Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе* [Кандидатская диссертация, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ].
- Очирова, О. А. (2014). Проблемы и противоречия социально-экологического развития регионов России: межгенерационный и межкультурный аспекты. *Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления*, 3(48), 138–142.
- Ростовская, Т. К., Ростовская, Н. А. (2016). Кросскультурные браки в молодежной среде: проблемы, тенденции. *Культурное наследие России*, 2(13), 78–83.
- Рябиченко, Т. А., Лебедева, Н. М., Плотка, И. Д. (2019). Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии. *Культурно-историческая психология*, 15(2), 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>
- Сикевич, З. В., Поссель, Ю. А. (2019). Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ). *Социологический журнал*, 1, 121–136. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282>
- Ташёва, А. И., Гриднева, С. В., Стефаненко, Т. Г., Тихомандрицкая, О. А. (2016). Этнически смешанные браки сквозь призму феномена удовлетворенности супружеством. *Российский психологический журнал*, 13(3), 39–52. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.3>

- Тишков, В. А. (2017). Мировой опыт полиэтничности и Россия: три причины для интереса. В кн. В. А. Тишков, В. В. Степанов (ред.), *Этническое и религиозное многообразие России* (с. 11–21). М.: ИЭА РАН.
- Трифонов, А. Т. (2014). Современные межэтнические семьи: ценностные ориентации. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет.
- Уалиева, С., Эдриен, Э. (2011). Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане. *Неприкосновенный запас*, 6, 34–45.
- Федеральная служба государственной статистики. (2010). *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей*. М.: ИИЦ «Статистика России»; Федеральная служба государственной статистики. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Antonov, V. I., Ochirova, O. A., & Petrova, A. A. (2017). *Osobennosti natsional'noi identichnosti rossiskikh etnosov: urovni i faktory (na primere sovremennykh buryat)* [Features of the national identity of Russian ethnic groups: levels and factors (using the example of modern Buryats)]. *Vestnik Kalmytskogo Universiteta*, 34(2), 116–121.
- Arutyunyan, Y. V. (2009). *Rossiyane: problemy formirovaniya natsional'no-grazhdanskoi identichnosti v svete dannykh etnosotsiologii* [Russians: problems of national-civic identity formation in the light of ethnosociology data]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*, 4, 91–97.
- Barker, G. (2015). Choosing the best of both worlds: The acculturation process revisited. *International Journal of Intercultural Relations*, 45, 56–69. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2015.01.001>
- Billiet, J., Maddens, B., & Beerten, R. (2003). National identity and attitude toward foreigners in a multinational state: A replication. *Political Psychology*, 24(2), 241–257. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00327>
- Bokova, T. L. (2007). *Osnovnye tendentsii v razvitii mnogonatsional'noj sem'i v Rossiiskom obshchestve* [The main developmental trends of the multinational family in the Russian society]. *Izvestiya Tomskogo Politehnicheskogo Universiteta*, 11(7), 101–114.
- Boronova, M. M. (2019). The Buryats: ethno-social development and post-Soviet transformations (based on the 2017 opinion polls among the young people of Buryatia, the Irkutsk region, and the Trans-Baikal region). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 47(3), 127–135. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.3.127-135>
- Burkhanova, F. B., Sadretdinova, E. V., & Shaihislamov, R. B. (2014). *Rodstvennost' v mezhetnicheskoi distantzii* [Kinship in interethnic distance]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 19(2), 619–624.
- Chang, H.-C. (2016). Marital power dynamics and well-being of marriage migrants. *Journal of Family Issues*, 37(14), 1994–2020. <https://doi.org/10.1177/0192513X15570317>
- Chen, S., Wang, S., & Xu, H. (2017). Influence of place identity on residents' attitudes to dark tourism. *Journal of China Tourism Research*, 13(2), 1–19. <https://doi.org/10.1080/19388160.2017.1401023>
- Cohen, N. (1982). Same or different? A problem of identity in cross cultural marriages. *Journal of Family Therapy*, 4(2), 177–199. <https://doi.org/10.1046/j..1982.00585.x>

- Cools, C. (2006). Relational communication in intercultural couples. *Language and Intercultural Communication*, 6(3&4), 262–274. <https://doi.org/10.2167/laic253.0>
- Dzhabber Khasan, M. A. (2016). *Perspektivy mezhetnicheskogo braka* [Prospects for interethnic marriage]. *Psikhologiya i Pedagogika: Metodika i Problemy Prakticheskogo Primeneniya*, 52, 58–62.
- Drobizheva, L. M. (2008). *Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoy sovmestimosti* [National-civic and ethnic identity: problems of positive compatibility]. In M. K. Gorshkov (Ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya* (Iss. 7, pp. 214–228). Moscow: Institute of Sociology of the RAS.
- Drobizheva, L. M. (2010). Identity and ethnic attitudes of Russians in their own/other ethnic medium. *Sotsiologicheskie Issledovaniya [Sociological Studies]*, 12, 49–59. (in Russian)
- Droseltis, O., & Vignoles, V. (2010). Towards an integrative model of place identification: Dimensionality and predictors of intrapersonal-level place preferences. *Journal of Environmental Psychology*, 30, 23–34. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2009.05.006>
- Dugarova, T. Ts. (2010). *Osobennosti etnicheskogo samosoznaniya sovremennykh buryat Rossii* [Features of ethnic identity of modern Buryats of Russia] [Doctoral dissertation, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation].
- Dyrkheeva, G. A. (2018). The language situation in Buryat Republic. *Mir Bol'shogo Altaya [World of the Great Altai]*, 4(2), 302–320. <https://nitsaltaytanus.wixsite.com/altaijournal/dyrkheeva> (in Russian)
- Federal State Statistics Service. (2010). *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda v otnoshenii demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh kharakteristik otdel'nykh natsional'nostei* [The results of the 2010 All-Russian Population Census regarding the demographic and socio-economic characteristics of individual nationalities]. Moscow: Statistika Rossii; Federal State Statistics Service. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html
- Garcia, D. (2006). Mixed marriages and transnational families in the intercultural context: A case study of African-Spanish couples in Catalonia. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 32(3), 403–433. <https://doi.org/10.1080/13691830600555186>
- Gaspar, S., Ferreira, A. C., & Ramos, M. (2017). European bi-national marriages in Portugal and EU social integration. *Portuguese Journal of Social Science*, 16(3), 393–410. https://doi.org/10.1386/pjss.16.3.393_1
- Gorenburg, D. (2006). Rethinking interethnic marriage in the Soviet Union. *Post-Soviet Affairs*, 22(2), 145–165. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.22.2.145>
- Grigoryan, L. K., & Lepshokova, Z. K. (2012). The role of national identity and attitudes towards immigrants in economic beliefs of Russians: An empirical model. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2, 5–20. (in Russian)
- Gritsenko, V. V. (1991). *Sotsial'no-psikhologicheskii klimat vokrug natsional'no smeshannykh semei* [Socio-psychological climate around nationally mixed families]. In *Etnicheskie faktory v zhizni obshchestva* [Ethnic factors in social life] (pp. 53–62). Moscow: Institut etnologii i antropologii AN SSSR.
- Hamayon, R. N. (1998). Shamanism, Buddhism and epic heroism: Which supports the identity of the post Soviet Buryats? *Central Asian Survey*, 17(1), 51–67. <https://doi.org/10.1080/02634939808401023>
- Hohmann-Marriott, B. E., & Amato, P. (2008). Relationship quality in interethnic marriages and cohabitations. *Social Forces*, 87(2), 825–855. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0151>
- Holland, E. C. (2014). Religious practice and belief in the Republic of Buryatia: comparing across faiths and national groups. *Nationalities Papers*, 42(1), 165–180. <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.853032>

- Hu, L. T., & Bentler, P. M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling*, 6(1), 1–55. <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
- Karmanova, T. M., & Medvedeva, I. A. (2016). Ethnic identity and ethnic tolerance distinctive features of the students from mono- and polyethnic families. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal [International Research Journal]*, 5(47), 145–147. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.245> (in Russian)
- Lebedeva, N. M., & Tatarko, A. N. (Eds.). (2009). *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeystviya migrantov i naseleniya Rossii: Sbornik nauchnykh statey* [Strategies for the intercultural interaction of migrants and the population of Russia: A collection of scientific articles]. Moscow: RUDN University.
- Lurie, S. V. (2018). Interethnic marriages in the contemporary Russian national script. *Peterburgskaya Sociologiya Segodnya [St. Petersburg Sociology Today]*, 10, 122–148. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077> (in Russian)
- Makarova, I. A. (2014). Interethnic marriage: conceptualization concepts. *Izvestiya Rossijskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena*, 164, 150–154. (in Russian)
- Makharova, G. S. (2003). *Natsional'no-smeshannye braki v Respublike Buryatiya na sovremennom etape* [Nationally mixed marriages in the Republic of Buryatia at the present stage] [PhD dissertation, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation].
- Malkova, A. A. (2017). Ethnic identification of women in inter-ethnic marriage. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series "Psikhologiya" [Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"]*, 10(4), 83–93. <https://doi.org/10.14529/psy170408> (in Russian)
- Mal'kova, V. K. (2017). Mnogooobrazie kul'tur v Moskovskom megapolise i ego sotsial'no-ekonomicheskii resurs [The diversity of cultures in the Moscow metropolis and its socio-economic resource]. In V. A. Tishkov & V. V. Stepanov (Eds.), *Etnicheskoe i religioznoe mnogooobrazie Rossii* [Ethnic and religious diversity in Russia] (pp. 230–279). Moscow: IEA RAS.
- McDoom, O. S. (2019). Ethnic inequality, cultural distance, and social integration: evidence from a native-settler conflict in the Philippines. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45(9), 1532–1552. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1427566>
- Mcfadden, J., & Moore, J. L. (2001). Intercultural marriage and intimacy: Beyond the continental divide. *International Journal for the Advancement of Counselling*, 23, 261–268. <https://doi.org/10.1023/A:1014420107362>
- Navarrete, V., & Jenkins, S. R. (2011). Cultural homelessness, multiminority status, ethnic identity development and self-esteem. *International Journal of Intercultural Relations*, 35, 791–804. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.04.006>
- Ochirova, O. A. (2014). Problems and contradictions of social and environmental development of Russia's regions: intergenerational and intercultural aspects. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta Tekhnologii i Upravleniya*, 3(48), 138–142. (in Russian)
- Rahnu, L., Puur, A., Kleinepier, T., & Tammaru, T. (2020). The role of neighbourhood and workplace ethnic contexts in the formation of inter-ethnic partnerships: A native majority perspective. *European Journal of Population*, 36(2), 247–276. <https://doi.org/10.1007/s10680-019-09528-x>
- Roof, W. (1998). Religious borderlands: Challenges for future study. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37(1), 1–14. <https://doi.org/10.2307/1388025>
- Rostovskaya, T. K., & Rostovskaya, N. A. (2016). Cross-cultural marriages in youth milieu: issues, trends. *Kul'turnoe Nasledie Rossii*, 2(13), 78–83. (in Russian)

- Ryabichenko, T., Lebedeva, N., & Plotka, I. D. (2019). Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 15(2), 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206> (in Russian)
- Sikevich, Z. V., & Possel, Y. A. (2019). The structure and typology of the ethnic identity of members of interethnic and mono-ethnic families (a comparative analysis). *Sotsiologicheskii Zhurnal [Sociological Journal]*, 25(1), 121–136. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6282> (in Russian)
- Sullivan, C., & Cottone, R. R. (2006). Culturally based couple therapy and intercultural relationships: A review of the literature. *The Family Journal: Counseling and Therapy for Couples and Families*, 14, 221–225. <https://doi.org/10.1177/1066480706287278>
- Tashcheva, A. I., Gridneva, S. V., Stefanenko, T. G., & Tikhomandritskaya, O. A. (2016). Ethnically mixed marriages through the phenomenon of marriage satisfaction. *Rossiiskii Psikhologicheskii Zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 13(3), 39–52. <https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.3> (in Russian)
- Tishkov, V. A. (2017). Mirovoj opyt polietnichnosti i Rossiya: tri prichiny dlya interesa [The global experience of polyethnicity and Russia: three reasons for curiosity]. In V. A. Tishkov & V. V. Stepanov (Eds.), *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnic and religious diversity in Russia]* (pp. 11–21). Moscow: IEA RAS.
- Trifonova, A. T. (2014). *Sovremennye mezhetnicheskie sem'i: cennostnye orientacii [Modern interethnic families: value orientations]*. Ulan-Ude: Buryat State University named after D. Banzarov
- Ualieva, S., & Edrien, E. (2011). *Mezhetnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i "druzhiba narodov" v sovetskom i postsovetskom Kazakhstane [Interethnic marriages, mixed origin, and "friendship of peoples" in Soviet and post-Soviet Kazakhstan]*. *Neprikosnovennyi Zapas*, 6, 34–45.
- Van Niekerk, J., & Verkuyten, M. (2018). Interfaith marriage attitudes in Muslim majority countries: A multilevel approach. *The International Journal for the Psychology of Religion*, 28(4), 257–270. <https://doi.org/10.1080/10508619.2018.1517015>
- Verkuyten, M. (2007). Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*, 10, 341–357.
- Verkuyten, M., & Yildiz, A. A. (2007). National (dis)identification, and ethnic and religious identity: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 33, 1448–1462.
- Voronina, A. S. (2009). *Transformatsii modelei povedeniya v mezhkul'turnoi kommunikatsii na primere smeshannykh brakov i mezhkul'turnykh sozhitel'stv [Transformations of behavior patterns in intercultural communication in terms of mixed marriages and intercultural cohabitation]*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*, 3, 142–147.
- Zhigunova, M. A., & Koptyaeva, E. A. (2016). National mixed marriages as a variation of ethnocultural identity. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya [Tomsk State University Journal of History]*, 5(43), 100–104. <https://doi.org/10.17223/19988613/43/21> (in Russian)
- Zhukovskaya, N. L. (1992). Buddhism and problems of national and cultural resurrection of the Buryat nation. *Central Asian Survey*, 11(2), 27–41. <https://doi.org/10.1080/02634939208400770>

Статьи

СУБЪЕКТИВНЫЕ ХРОНОМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЫСЛЕННОГО ОБРАЗА ДВИЖЕНИЯ У ЛЫЖНИКОВ-ГОНЩИКОВ РАЗЛИЧНОГО УРОВНЯ МАСТЕРСТВА

**И.В. КАМИНСКИЙ^a, Т.С. КАМИНСКАЯ^b, С.В. ЛЕОНОВ^a,
И.С. ПОЛИКАНОВА^a, Н.А. ГЕППЕ^c**

^a Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

^b ГБУЗ «Научно-практический центр детской психоневрологии ДЗМ», 119602, Россия, Москва, Мичуринский пр-кт, д. 74

^c Клинический институт детского здоровья имени Н.Ф. Филатова, ФГАОУ ВО «Первый МГМУ имени И.М. Сеченова» Минздрава России (Сеченовский университет), 119435, Россия, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 19, стр. 1

Subjective Chronometric Characteristics of Motor Imagery in Cross Country Skiers of Various Level of Expertise

I.V. Kaminskiy^a, T.S. Kaminskaya^b, S.V. Leonov^a, I.S. Polikanova^a, N.A. Geppe^c

^a Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

^b SBHI Research and Clinical Center of Pediatric Psychoneurology of Moscow Healthcare Department, 74 Michurinsky Ave, Moscow, 119602, Russian Federation

^c N.F. Filatov Clinical Institute for Child Health, FSAEI HE "I.M. Sechenov First Moscow State Medical University" of the Ministry of Health of Russia (Sechenov University), 19 Bld. 1 Bolshaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russian Federation

Резюме

Настоящая статья посвящена исследованию значения хронометрической структуры мысленного образа через связи с другими его особенностями, в том числе с ракурсом, доступностью и типом используемых ориентиров, а также с уровнем спортивного мастерства. Исследование выполнено при участии 54

Abstract

This article investigates the meaning of the chronometric structure through its connection with other features of the mental image, including perspective, accessibility, and the type of cues used, as well as the level of expertise. The study was conducted with the participation of

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-78-10134.

The reported study was funded by RSF, project number 19-78-10134.

лыжников-гонщиков в максимально возможном диапазоне квалификации. Испытуемые мысленно представляли собственное исполнение элементов одновременного двухшажного конькового хода (всего 11 описаний). Изучаемые особенности представления фиксировались посредством специально разработанного опросного блока. Для определения уровня мастерства были получены экспертные оценки за техническое исполнение хода, а также подсчитано количество двигательных циклов на срединных шестидесяти метрах в двух стометровых лыжероллерных забегах, один из которых выполнялся в режиме совмещения двух задач. При помощи кластерного анализа спортсмены были объединены в группы на основании уровня мастерства и преимущественно используемого ракурса образов. Исследование показало, что в ~74% случаев испытуемые оценивали темп своего представления как соответствующий реальному движению; в оставшихся случаях статические образы встречались в 1.5 раза чаще, чем замедленные. Получены данные, подтверждающие интерпретацию статических образов как крайней степени замедления для отслеживания важных ориентиров. Хронометрически измененные образы в большей мере были связаны с начальным и наиболее высоким уровнями мастерства, представлением от 1-го лица и оценкой движения в невизуальной модальности на основе его структуры. Данные связи указывают на применение хронометрически измененных образов как средства углубленного субъективного анализа действия. Обосновано замедленное представление на начальных этапах обучения с его постепенным доведением до скорости, эквивалентной реальному действию.

Ключевые слова: психология спорта, мысленный образ, мысленная тренировка, мысленная проработка, хронометрия мысленного образа, темп мысленного образа, ракурс мысленного образа, контроль представленного движения, двигательные навыки, лыжные гонки.

Каминский Игорь Владиславович — соискатель, кафедра психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Сфера научных интересов: психология спорта; педагогическая психология; психофизиология;

54 cross-country skiers of the highest possible skill range. The subjects imagined their own performance of the elements of the open field skating technique (total of 11 descriptions). The studied features of imagery were assessed by means of a specially designed questionnaire. In order to determine the level of expertise, expert scores were obtained for the technical execution of the skating technique, as well as the number of cycles in the middle 60 m in two 100 m roller-ski trials, one of which was performed in the dual task settings. Using cluster analysis, the athletes were grouped based on skill level and predominantly used imagery perspective. The study showed that in ~74% of the cases, subjects rated the tempo of their imagery as corresponding to the actual movement; in the remaining cases, static images were 1.5 times more common than slow-motion images. Evidence was obtained to support the conception of static images as of an extreme degree of slowing down for tracking important cues. Chronometrically altered images were more associated with initial and highest skill levels, 1st-person imagery perspective, and appraisal of movement in a non-visual modality based on its structure. These associations indicate to the use of chronometrically altered images as to the means of in-depth subjective analysis of an action. The slow-motion imagery at the initial stages of training with its gradual acceleration to the speed equivalent to the real action is justified.

Keywords: sport psychology, mental imagery, mental training, mental practice, mental imagery chronometry, mental imagery speed, mental imagery perspective, control of imagined movement, motor skills, cross country skiing.

Igor V. Kaminskiy — PhD student, Department of Educational Psychology and Pedagogics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Research Area: sport psychology, educational psychology, psychophysiology, underlying mechanisms of motor activity,

механизмы построения двигательной активности; механизмы и корреляты формирования моторных навыков; применение методик на основе мысленного образа в различных сферах деятельности; взаимосвязь действия и его мысленного образа; роль внимания и сенсорной модальности в репрезентационных процессах.

Контакты: min5drav@mail.ru

Каминская Татьяна Святославовна — заведующая отделением, 12-е психоневрологическое отделение, ГБУЗ «Научно-практический центр детской психоневрологии ДЗМ». Сфера научных интересов: детская неврология, когнитивная педиатрия, моторные навыки, когнитивный дефицит, задержки развития. Контакты: kaminskayats@bk.ru

Леонов Сергей Владимирович — доцент, кафедра методологии психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: спортивная психология, психология труда и инженерная психология, психология времени, тайм-менеджмент. Контакты: svleonov@gmail.com

Поликанова Ирина Сергеевна — старший научный сотрудник лаборатории психологии профессий и конфликта, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: спортивная психология, психофизиология, ЭЭГ, мозговые механизмы формирования двигательных навыков, утомление.

Контакты: irinapolikanova@mail.ru

Геппе Наталья Анатольевна — заведующая кафедрой детских болезней, Клинический институт детского здоровья имени Н.Ф. Филатова, Первый МГМУ имени И.М. Сеченова, доктор медицинских наук.

Сфера научных интересов: бронхоспазм при физической нагрузке, реакция респираторной системы на физическую нагрузку, реабилитация спортсменов при сниженной переносимости физической нагрузки, физическая реабилитация детей и подростков, перенесших коронавирусную инфекцию.

Контакты: geppe@mail.ru

mechanisms and correlates of motor skills acquisition, application of mental imagery-based techniques in various fields, action-imagery relationship, role of attention and sensory modality in representational processes.

E-mail: min5drav@mail.ru

Tatyana S. Kaminskaya — Head of Department, 12-th Psychoneurological Department, SBHI Research and Clinical Center of Pediatric Psychoneurology of Moscow Healthcare Department.

Research Area: pediatric neurology, cognitive pediatrics, motor skills, cognitive deficiency, delayed development.

E-mail: kaminskayats@bk.ru

Sergey V. Leonov — Associate Professor, Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: sport psychology, labor and engineering psychology, psychology of time, time management.

E-mail: svleonov@gmail.com

Irina S. Polikanova — Senior Research Fellow, Laboratory Psychology of Professions and Conflict, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. PhD in Psychology.

Research Area: sport psychology, psychophysiology, EEG, brain mechanisms of motor skills acquisition, fatigue.

E-mail: irinapolikanova@mail.ru

Natalya A. Geppe — Head of Department, Department of Pediatric Diseases, N.F. Filatov Clinical Institute for Child Health, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, DSc in Medicine.

Research Area: bronchospasm during physical activity, respiratory system reaction to physical activity, athletes' rehabilitation in case of reduced tolerability of physical activity, physical rehabilitation of children and adolescents after coronavirus infection.

E-mail: geppe@mail.ru

Использование мысленного образа движения на протяжении длительного времени рассматривается как одно из ключевых средств психологической подготовки в спорте. Так, А. Ричардсон уже в середине 1960-х гг. обобщил результаты десятков исследований, изучавших влияние мысленного образа на результативность перцептивно-моторных навыков (Richardson, 1967). До сих пор не теряет актуальности данное им определение мысленного образа как «любого квази-сенсорного и квази-перцептивного опыта, который осознается субъектом и возникает в отсутствие реальных стимулов, вызывающих соответствующие первичные сенсорные или перцептивные отражения» (Richardson, 1969). Результаты современных исследований подтверждают влияние мысленного образа движения на все основные факторы спортивного результата: физический (Di Rienzo et al., 2015), психологический (Jose, Joseph, 2018) и технический (Abraham et al., 2019).

Построение эффективной программы использования мысленного образа в спорте должно быть основано на соответствии между целью, на которую она направлена, и ее средствами в виде мысленных образов, особенности которых максимально способствуют достижению поставленной цели (Grushko et al., 2019). Здесь ключевую значимость обретает вопрос: какое значение несет та или иная особенность мысленного образа как психического феномена в контексте спортивной деятельности? Ранее мы уже ставили перед собой данный вопрос применительно к таким особенностям мысленного образа движения, как ракурс (Каминский, 2015; Каминский и др., 2017) и тип ориентиров (Каминский и др., 2018). Цель настоящей статьи — поиск ответа на этот вопрос в отношении хронометрических характеристик мысленного образа движения.

Хронометрические характеристики определяют то, как мысленный образ разворачивается во времени. Их активное исследование началось в конце 1980-х гг. в рамках подтверждения гипотезы об эквивалентности мысленных образов и образов восприятия. Предметное упоминание хронометрических характеристик мысленного образа применительно к спортивному контексту содержится в модели П. Холмса и Д. Коллинса (Holmes, Collins, 2001), в соответствии с которой эффект от применения мысленного образа возрастает, если его особенности (в том числе хронометрические характеристики) воспроизводят таковые для реального движения. По мнению авторов, чем выше сходство между мысленным образом и действием, тем выше активность моторных зон мозга, ответственных за эффект мысленного образа.

Однако за прошедшее время такой подход подвергся конструктивной критике. В частности, Дж. Оу и К. Холл (O, Hall, 2013) отмечали, что способность субъекта изменять скорость реального действия подразумевает, что отвечающий за это нервный субстрат может обеспечить те же изменения и по отношению к мысленному образу. Вместе с тем, согласно подходу, распространенному в реальной отработке двигательного навыка, его выполнение начинается в замедленном темпе и постепенно доводится до нужной скорости. Такой прием дает возможность адаптировать начало обучения, когда быстрота выполнения действия лимитирована скоростью контроля сознания за ним. Возможно, те

же преимущества могло бы обеспечить и замедленное представление действия (Ibid.).

Учитывая неоднозначный подход специалистов к значению хронометрических характеристик мысленного образа движения, мы приводим результаты настоящего исследования, раскрывающего функции представления с измененными хронометрическими характеристиками через их связи с другими особенностями мысленного образа.

В исследование включены 54 лыжника-гонщика (из них 14 девушек) в возрасте от 11 лет до 31 года ($M = 14.5$; $SD = 5.26$). Такой большой возрастной диапазон обусловлен намерением охватить все уровни спортивного мастерства: 7 лыжников имеют спортивный разряд от третьего до первого юношеского, 24 — третий или второй, 13 — первый или «кандидат в мастера спорта» (КМС), 10 — звание «мастер спорта» (МС), в числе которых 8 выступали за сборную команду России (специализация — лыжный спринт) и имели звания МС международного класса и заслуженного МС.

Общая схема исследования

Все переменные, запланированные для включения в анализ, кроме пола и возраста испытуемых, можно подразделить на две категории согласно задаче, с которой они были зафиксированы: (1) определить особенности мысленного образа движения и (2) оценить уровень технического мастерства.

Переменные первой категории (1), а именно: (1.1) — ракурс мысленного образа движения, (1.2) — тип ориентиров, используемых в оценке представленного движения, (1.3) — хронометрический вариант мысленного образа движения — были получены с помощью специально разработанного опросного блока. Переменные второй категории (2) — экспертные оценки исполнения элементов хода и число двигательных циклов — были получены по данным полевого эксперимента из двух лыжероллерных забегов, в одном из которых требовалось параллельное выполнение двух задач. Дальнейшее описание методики исследования организовано в соответствии с вышеприведенными категориями переменных.

Исследование особенностей мысленного образа движения

Опросный блок состоял из одиннадцати повторяющихся частей (его структура на примере одной части приведена в Приложении 1), каждая из которых отвечала представлению одного из элементов равнинного варианта одновременного двухшажного конькового хода (ОДКХ). Перечень этих элементов был составлен при участии экспертов из тренерского состава сборной России по лыжным гонкам и включил наиболее значимые для оценки технического исполнения компоненты хода: вынос палок, постановка палок, подсед и толчок ногой, навал на палки, сохранение угла в локтевом суставе при навале на палки, выход на опорную ногу с сохранением равновесия, доталкивание, разгиб таза. При этом элемент «вынос палок» предлагался в двух вариантах,

заданных разными ориентирами: вынос «не ниже уровня макушки» и вынос «до уровня глаз»; элемент «доталкивание» предлагалось представить трижды, но каждый раз использовалась разная формулировка для описания элемента: нейтральная по отношению к модальности («полный разгиб рук в локтевом суставе»), акцентирующая телесное ощущение («палка действует как продолжение руки») или визуальную картину («рука и палка образуют прямую линию»). В результате каждый испытуемый должен был несколько раз представить в своем исполнении двигательные элементы, описанные одиннадцатью формулировками, и в сопровождении экспериментатора заполнить одиннадцать частей опросного блока в соответствии с особенностями наиболее привычного представления.

Ракурс мысленного образа движения

Перед тем как приступить к опросному блоку, с испытуемыми обсуждалось значение терминов «ракурс от первого лица» (визуальное представление с собственной позиции) и «ракурс от третьего лица» (визуальное представление с позиции стороннего наблюдателя). Получив понятные ориентиры, респонденты классифицировали свое представление в опросном блоке (см. Приложение 1) как имеющее: «ракурс от первого лица», «ракурс от третьего лица» или «ракурс, меняющийся в процессе представления». В последнем случае испытуемые были проинструктированы использовать специальную аналоговую шкалу (Spittle, 2001), каждый балл на которой соответствовал временной пропорции представления от третьего лица (например, 4 балла — представление 40% по времени от третьего и 60% по времени от первого лица).

Тип ориентиров в контроле представленного движения¹

Тип ориентиров в контроле мысленного образа движения определялся по двум признакам, каждый из которых выражается одним из двух возможных значений. Первый признак — заключенность ориентиров в самом движении (значение 1a) или в его результате (значение 2a), второй признак — принадлежность ориентиров визуальной (значение 1б) или невизуальной (значение 2б) сенсорной модальности. В итоге тип ориентиров задавался четырьмя возможными сочетаниями значений одного и другого признака: 1a1б, 1a2б, 2a1б, 2a2б.

Выбор типа ориентиров также предварялся объяснением концепции с опорой на понятные на элементарном бытовом уровне противопоставления «действие»/«результат» и «я вижу»/«я ощущаю». Указывая тип ориентиров в опросном блоке (см. Приложение 1), респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа сразу.

¹ Более подробно данный конструкт рассматривается в посвященной ему статье (см.: Каминский и др., 2018).

Хронометрические характеристики мысленного образа движения

При наиболее общем подходе на основании того, как мысленный образ отличается от соответствующего ему реального действия, концептуально можно выделить три хронометрических типа мысленного образа: ускоренный, замедленный или эквивалентный в сравнении с реальным движением. В оценке хронометрических характеристик мысленного образа движения могут быть применены как объективные, так и субъективные подходы, которые могут дополнять друг друга или применяться независимо.

Объективная оценка основывается на измерении продолжительности представления с помощью инструментов — например, секундомера. Такой подход позволяет не ограничиваться «грубой» классификацией мысленного образа на три хронометрических типа, получая более детальную количественную хронометрическую оценку мысленного образа движения, которая дает возможность, например, ранжировать испытуемых по данному показателю. Вместе с тем такая методология имеет по крайней мере две ключевые особенности. Во-первых, важно, чтобы испытуемые опирались на объективный ориентир — соответствующее физическое действие строго заданного темпа, относительно времени которого будет оцениваться время, затраченное на его мысленное представление. Во-вторых, важно, что при правильной организации данный подход позволяет зафиксировать не осознаваемые субъективно различия в темпе реального действия и его мысленного представления. С учетом указанных особенностей объективное измерение хронометрических характеристик находит свое применение, во-первых, в исследованиях хронометрических характеристик мысленного образа движений, имеющих естественные или искусственные временные ограничения и вариабельность разных попыток по времени выполнения, которую можно считать значимо не отличающейся от погрешности измерений, и, во-вторых, как один из методов оценки способности к формированию корректного мысленного образа, в основе чего лежит допущение о том, что причиной временных расхождений между действием и его мысленным образом (которые в этом случае могут не осознаваться) является неспособность субъекта создавать изохронный образ.

Скорость двигательных действий лыжника хоть и находится под влиянием некоторых внешних факторов, таких как особенности рельефа и скользящие свойства снега, но все же данные факторы сильно вариабельны в реальных условиях, т.е. можно считать, что постоянно действующие воспроизводимые внешние ограничения, определяющие временные рамки движения, в деятельности лыжника-гонщика отсутствуют. Скорость движений по большей части произвольно задается самим субъектом и зависит от уровня его подготовки, поставленной цели (в том числе с учетом профиля дистанции, значимости соревнований, конкурентного окружения), психологического настроя и т.д. Кроме того, предметом настоящего исследования являются мысленные образы, которые формируются испытуемыми без предварительных инструкций, определяющих какие-либо их особенности, в том числе хронометрические характеристики. В итоге использование объективных хронометрических

измерений и ориентиров было затруднено в связи со спецификой исследуемого вида спорта, а также противоречило цели исследования, что заставило нас сделать выбор в пользу построения методики на основе субъективных методов оценки хронометрических характеристик мысленного образа.

В рамках разработанного нами опросного блока (см. Приложение 1) испытуемые должны были оценить представленное движение как соответствующее реальному по скорости или замедленное по отношению к быстройте выполнения реального движения.

Вместе с тем, как указывал еще Р. Найдиффер (Найдиффер, 1979), некоторые спортсмены, прорабатывая действия в уме, могут быть склонны не представлять их целостно, а редуцировать до последовательности «фиксированных образов» — «отдельных кадров», актуализирующих «лишь наиболее важные узловые моменты» вместо плавного воспроизведения действия от начала и до конца. Кроме того, мы предположили, что возникновение таких статических образов, подобных застывшей картинке, возможно и в составе целостно представленного действия в виде его остановки, «замораживания» в определенном моменте, что дает комбинацию неподвижного изображения с меняющимся двигательным мысленным образом, постепенно замедляющимся или резко прерываемым внезапной паузой. На основании этого возможность статичности деталей мысленного образа была учтена нами как отдельный вариант в составе опросного блока (см. Приложение 1).

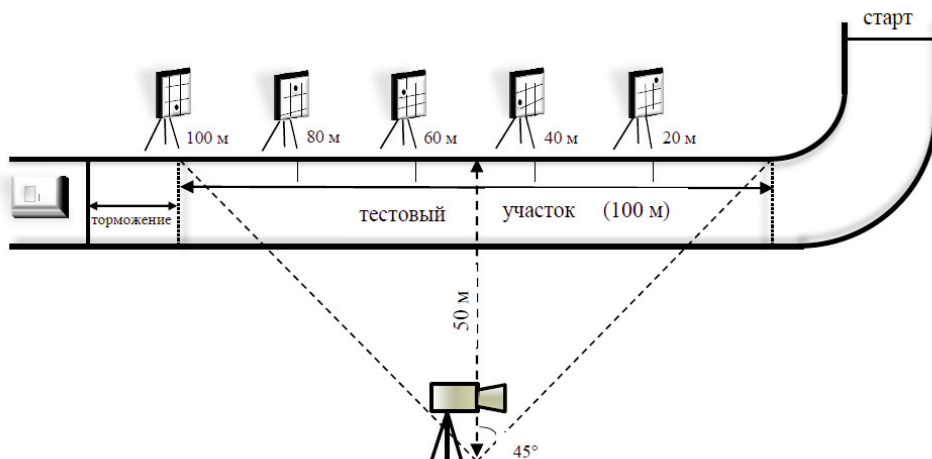
Ускоренное представление, как показывает опыт коллег (Calmels et al., 2006; O, Hall, 2009, 2013), может характеризовать части действия, обладающие относительно малой значимостью для субъекта, которые он стремится «пролистать» в пользу тех, что более значимы, т.е. ускоренное представление движения подразумевает меньшую сосредоточенность субъекта на нем и настороженное ожидание более важных элементов представления. Принимая это во внимание, мы ожидали, что такая особенность мысленного образа движения в меньшей степени осознается и достоверность ее субъективного отслеживания может оказаться под вопросом, особенно в условиях, когда соответствующее реальное движение произвольно по быстроте. Более того, опрашивая спортсменов о хронометрических характеристиках спонтанно формируемых мысленных образов движения, Дж. Оу и К. Холл (O, Hall, 2013) не получили ни одного упоминания об использовании ускоренных мысленных образов в целях проработки двигательного навыка (в соответствии с тем типом мысленного образа, которым мы ограничиваем предмет настоящего исследования). Как следствие, вариантов, отражающих ускоренное представление, в опросный блок включено не было.

Оценка технического мастерства лыжников-гонщиков

Было проведено два лыжероллерных забега ОДКХ по прямому равнинному участку специализированной трассы (см. рисунок 1): один — в обычных условиях, другой — при параллельном выполнении дополнительного задания (англ. «dual-task method»). По сравнению с двигательными тестами в обычных

Рисунок 1

Схема подготовленного к проведению забегов участка трассы

условиях, такая методика позволяет более точно оценивать освоенность и закрепленность двигательного навыка (Abernethy et al., 1998). Прохождение тестового участка записывалось с помощью видеокамеры Sony HDR-SR12E, установленной на штативе. Спортсмены были проинструктированы выбрать индивидуальную среднюю скорость, на которой они проходили бы соревновательную дистанцию 5 км.

Во втором забеге, в отличие от первого, испытуемые должны были уделить основное внимание заданию на пяти флиппчартах, расставленных через каждые 20 м по кромке трассы (см. рисунок 1). На каждом флиппчарте крепилось изображение (формат A0) сетки 3×3 с черной точкой 1,5 см по центру одного из квадратов. Спортсмены должны были зафиксировать в уме последовательное расположение пяти точек, мысленно построив кривую, соединяющую их (см. Приложение 2), и нанести результат на бланк, подготовленный на столе через 15–20 м (участок для торможения) от конца тестового участка трассы (см. рисунок 1).

Полученные видеоматериалы оценивались по ряду показателей, из которых следующие были взяты для оценки технического мастерства испытуемых:

1) экспертные оценки, данные по десятибалльной шкале, за чистоту исполнения каждого из технических элементов перечня, использованного в исследовании особенностей МО (см. соответствующий подраздел выше), кроме элемента «сохранение угла в локтевом суставе...», который, по мнению экспертов, не мог быть достоверно оценен на основе представленных видеоматериалов;

2) число двигательных циклов на срединных 60 м тестового участка трассы как показатель эффективности отталкивания (Раменская, 1999) и способности удерживать равновесие при одноопорном качении/скольжении (Новикова, 2014).

Статистическая обработка данных

С помощью кластерного анализа методом k-средних на основе полученных переменных спортсмены группировались по преимущественно используемому ракурсу мысленных образов движения, а также по уровню технического мастерства. Связи хронометрических характеристик с ракурсом мысленного образа, уровнем технического мастерства, полом и возрастом испытуемых и с типами ориентиров, задействованных в оценке представленных движений, оценивались с помощью критерия χ^2 Пирсона. Частота встречаемости мысленных образов движения со статическими элементами в представлениях различных технических элементов ОДКХ сравнивалась с помощью критерия углового преобразования Фишера. Статистическая обработка проведена на базе пакета SPSS 17.0 для Windows.

Результаты

Группировка спортсменов по преимущественно используемому ракурсу мысленного образа движения

Выделено три группы испытуемых: склонные представлять движения от первого лица (33% выборки), предрасположенные к смене ракурса в процессе представления (40% выборки) и склонные представлять движения от третьего лица (27% выборки).

Группировка спортсменов по уровню технического мастерства

Посредством усреднения оценок за разные технические элементы был выведен общий средний балл за технику. На основе данного балла по первому забегу, разности между суммами экспертных оценок за первый и второй забег, а также количества циклов в первом и втором забегах спортсмены, выступающие за спортшколы ($n_1 = 46$), были разделены по уровню технического мастерства на четыре группы; члены сборной команды России по лыжным гонкам ($n_2 = 8$) не участвовали в тестовых забегах и были объединены в пятую группу как спортсмены экстра-класса, поскольку эксперты подтвердили, что их технический уровень по предложенной шкале оценки примерно сопоставим и достаточно превышает уровень остальных спортсменов выборки. В результате лыжники были сгруппированы по уровню технического мастерства следующим образом: низкий — 20.4%, средний — 13%, высокий — 27.8%, очень высокий — 24%, сборная команда — 14.8%. Распределение спортсменов по полученным группам выглядит достаточно правдоподобно в соотношении с их квалификацией (см. рисунок 2), что рассматривается как дополнительный аргумент в пользу валидности полученных результатов.

Рисунок 2

Процентное распределение спортсменов внутри групп, выделенных на основе квалификации, по полученным уровням мастерства

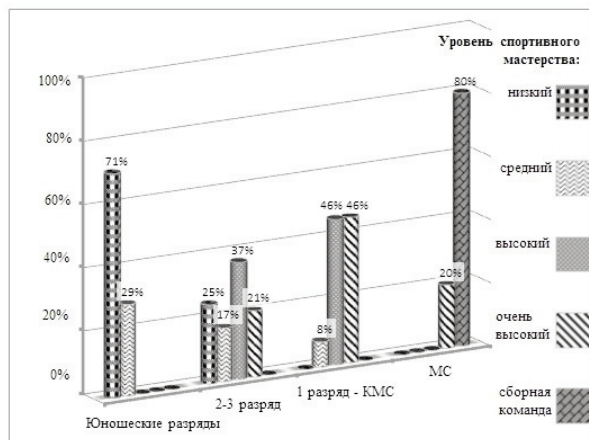
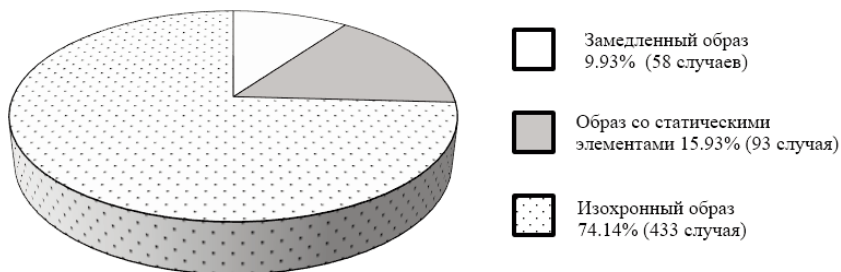

Рисунок 3

Представленность различных хронометрических вариантов мысленного образа движения в целом по выборке

Субъективные хронометрические характеристики мысленного образа движения

В самом общем виде результаты исследования говорят, что в целом по выборке заметно доминирует изохронное представление (~74% всех случаев). Замедленное представление составляет всего лишь около 10% случаев, при этом довольно неожиданно, что мысленные образы движения со статическими элементами встречаются более чем в 1.5 раза чаще (см. рисунок 3). Это указывает на значимость их удельного веса среди прочих хронометрических вариантов мысленного образа движения.

В результате, как мы видим, одной из наиболее ярких методических особенностей настоящего исследования является отдельное рассмотрение мысленных

образов, включающих статические элементы. В то же время мысленные образы движения, обладающие статическими элементами, с одной стороны, могут концептуально рассматриваться как разновидность замедленных мысленных образов, и, с другой стороны, на практике они также могли бы быть отнесены к замедленным при отсутствии специального опроса, направленного на выявление статических элементов. В связи с этим нам кажется, что интересным будет одновременное представление в результатах исследования замедленных и имеющих статические элементы мысленных образов движения как в виде объединенной категории, так и по отдельности.

Как видно из таблицы 1, при объединении замедленных мысленных образов и мысленных образов, имеющих статические элементы, в одну группу можно усмотреть закономерность, согласно которой частота неизохронного представления постепенно снижается при переходе от мысленных образов с ракурсом от первого лица к мысленным образам, меняющим ракурс, и далее к мысленным образам с ракурсом от третьего лица ($\chi^2 = 7.256$; $p = 0.027$). При отдельном рассмотрении мысленных образов, имеющих статические элементы ($\chi^2 = 17.678$; $p = 0.001$), видно, что в основе данной закономерности лежит

Таблица 1

Распределение хронометрических вариантов мысленного образа движения по группам спортсменов, выделенным на основе преимущественно используемого его ракурса

Преимущественно используемый ракурс мысленного образа	Хронометрический вариант мысленного образа			Сумма
	Замедленный	Со статическими элементами	Изохронный	
Ракурс от первого лица	10.7% 21	20.4% 40	68.9% 135	100% 196
	31.1% 61			
Смена ракурса	7.5% 17	18.9% 43	73.6% 167	100% 227
	26.4% 60			
Ракурс от третьего лица	12.4% 20	6.2% 10	81.4% 131	100% 161
	18.6% 30			
Сумма	9.93% 58	15.93% 93	74.14% 433	100% 584
	25.86% 151			

Примечание. В верхних строках — процентная доля от общего числа случаев в каждой группе, в нижних — число случаев в абсолютном выражении. Общее число случаев соответствует суммарному количеству заданий (представленных двигательных элементов), выполненных по выборке.

более редкая встречаемость таких мысленных образов в сочетании с ракурсом от третьего лица (6.2%) по сравнению с ракурсом от первого лица (20.4%), тогда как встречаемость собственно замедленных мысленных образов движения, по всей видимости, не демонстрирует какой-либо четкой зависимости по отношению к ракурсу мысленного образа.

При рассмотрении хронометрических вариантов мысленного образа движения, распределенных по уровню технического мастерства спортсменов ($\chi^2 = 49.327$; $p = 0.000$; см. таблицу 2), можно отметить более частое формирование неизохронных мысленных образов на самом начальном уровне мастерства (28.3%), а также среди членов сборной команды по лыжным гонкам (54.5%) по сравнению с остальными группами, где встречаемость данных мысленных образов находится примерно на одном уровне (от 17.3 до 19.3%).

Таблица 2

Распределение хронометрических вариантов мысленного образа по группам спортсменов, выделенным на основе уровня технического мастерства

Уровень технического мастерства	Хронометрический вариант мысленного образа			Сумма
	Замедленный	Со статическими элементами	Изохронный	
Низкий	7.5% 9	20.8% 25	71.7% 86	100% 120
	28.3% 34			
Средний	10.7% 8	6.7% 5	82.7% 62	100% 75
	17.3% 13			
Высокий	13.0% 21	5.0% 8	82.0% 132	100% 161
	18.0% 29			
Очень высокий	6.4% 9	12.9% 18	80.7% 113	100% 140
	19.3% 27			
Сборная команда	12.5% 11	42.0% 37	45.5% 40	100% 88
	54.5% 48			
Сумма	9.93% 58	15.93% 93	74.14% 433	100% 584
	25.86% 151			

Примечание. В верхних строках — процентная доля от общего числа случаев в каждой группе, в нижних — число случаев в абсолютном выражении.

Поскольку в столь широком диапазоне спортивного мастерства были набраны спортсмены, принадлежащие к различным возрастным группам, мы также проверяем наличие потенциальных закономерностей в распределении хронометрических вариантов мысленного образа в зависимости от возраста испытуемых. Из таблицы 3 видно, что встречаемость неизохронных мысленных образов движения у лыжников в возрасте до 14 лет и от 14 до 18 лет колеблется примерно на одном уровне (22.5% и 19.4% соответственно). Данная частота возрастает среди спортсменов старше 18 лет (47.7%; $\chi^2 = 33.974$; $p = 0.000$; см. таблицу 3), что происходит прежде всего за счет прироста в доле мысленных образов, имеющих статические элементы (35.8%; $\chi^2 = 43.451$; $p = 0.000$; см. таблицу 3).

Данных, свидетельствующих о связи субъективных хронометрических характеристик мысленного образа движения с полом, выявлено не было ($\chi^2 = 3.510$; $p = 0.061$ — для распределения, включающего объединенную категорию неизохронных мысленных образов; $\chi^2 = 3.865$; $p = 0.145$ — для распределения, в котором замедленные мысленные образы и мысленные образы, имеющие статические элементы, рассматриваются как отдельные категории).

Сравнение встречаемости хронометрических вариантов мысленного образа движения между разными заданиями (см. таблицу 4) показало, что доля замедленных мысленных образов варьирует в незначительной степени (от

Таблица 3

Распределение хронометрических вариантов мысленного образа движения по возрастным группам спортсменов

Возрастные группы	Хронометрический вариант мысленного образа			Сумма
	Замедленный	Со статическими элементами	Изохронный	
< 14 лет	9.3% 21	13.2% 30	77.5% 176	100% 227
	22.5% 51			
14–18 лет	9.7% 24	9.7% 24	80.6% 200	100% 248
	19.4% 48			
> 18 лет	11.9% 13	35.8% 39	52.3% 57	100% 109
	47.7% 52			
Сумма	9.93% 58	15.93% 93	74.14% 433	100% 584
	25.86% 151			

Примечание. В верхних строках — процентная доля от общего числа случаев в каждой группе, в нижних — число случаев в абсолютном выражении.

Таблица 4

Доли хронометрических вариантов мысленного образа в представлениях различных технических элементов ОДКХ или их различных описаний

Хронометрический вариант мысленного образа	Технический элемент										
	Вынос 1	Вынос 2	Постановка	Подсед	Навал	Угол в локте	Выход	Доталкивание 1	Доталкивание 2	Доталкивание 3	Разгиб таза
Замедленный	13.5% 7	12.2% 6	7.4% 4	9.3% 5	11.1% 6	11.1% 6	7.4% 4	7.4% 4	11.1% 6	11.1% 6	7.8% 4
Со статическими элементами	25% 13	10.2% 5	14.8% 8	13% 7	16.7% 9	14.8% 8	20.4% 11	14.8% 8	9.3% 5	14.8% 8	21.6% 11
Изохронный	61.5% 32	77.6% 38	77.8% 42	77.8% 42	72.2% 39	74.1% 40	72.2% 39	77.8% 42	79.6% 43	74.1% 40	70.6% 36
Сумма	100% 52	100% 49	100% 54	100% 54	100% 54	100% 54	100% 54	100% 54	100% 54	100% 54	100% 51

Примечание. В верхних строках — процентная доля от общего числа случаев в каждой группе, в нижних — число случаев в абсолютном выражении.

7.4 до 13.5%) при сопоставлении с разбросом доли мысленных образов, имеющих статические элементы (от 9.3 до 25%). Так, доля последних значительно отличается при сравнении двух вариантов выноса палок ($\phi = 1.994$; $p < 0.05$), однако при попарном сопоставлении трех вариантов доталкивания значимые различия отсутствуют.

При анализе распределения хронометрических вариантов мысленного образа по группам спортсменов, выделенным на основе использования и неиспользования определенных типов ориентиров в оценке правильности представленных движений (см.: Каминский и др., 2018), статистическая связь с хронометрическим типом мысленного образа была выявлена только для невизуальной оценки структуры движения (см. таблицу 5).

Обсуждение результатов

Считается, что в своей сущности мысленный образ движения является результатом доступа сознания к моторным репрезентациям, лежащим в основе произвольных движений (Jeannerod, 1994). Согласно этой концепции, афферентация, возвращающаяся от исполнительных органов в ходе движения, деактивирует запустившую его моторную репрезентацию. При этом временной промежуток между активацией моторной команды и поступлением обратных афферентных импульсов рассматривается как слишком короткий для того, чтобы активные в это время моторные репрезентации успевали включиться в значительно более медленные сознательные процессы. Если

Таблица 5

Распределение хронометрических вариантов мысленного образа по группам спортсменов, выделенным на основе использования/неиспользования различных типов ориентиров в оценке представленного движения

Тип ориентира	Задействование ориентира в оценке представленного движения	Хронометрический вариант мысленного образа			Сумма	χ^2	<i>p</i>
		Замедленный	Со статическими элементами	Изохронный			
Визуальная оценка структуры движения	Не используется	10.0% 35	14.9% 52	75.1% 263	100% 350	1.730 1.087	0.421 0.297
		24.9% 87					
	Используется	9.8% 21	19.1% 41	71.2% 153	100% 215		
		28.9% 62					
Визуальная оценка результата движения	Не используется	10.6% 32	15.9% 48	73.5% 222	100% 302	0.444 0.015	0.801 0.903
		26.5% 80					
	Используется	9.1% 24	17.0% 45	74.0% 196	100% 265		
		26.1% 69					
Невизуальная оценка структуры движения	Не используется	8.0% 27	12.7% 43	79.3% 268	100% 338	13.945 13.888	0.001 0.000
		20.7% 70					
	Используется	12.8% 29	22.0% 50	65.2% 148	100% 227		
		34.8% 79					
Невизуальная оценка результата движения	Не используется	9.5% 43	15.7% 71	74.8% 338	100% 452	1.545 1.540	0.462 0.215
		25.7% 114					
	Используется	11.5% 13	19.5% 22	69.0% 78	100% 113		
		31.0% 35					

Примечание. В верхних строках — процентная доля от общего числа случаев для каждой группы, в нижних — число случаев в абсолютном выражении. Для критерия χ^2 Пирсона и статистической значимости: в верхних строках — значения для распределения, в котором замедленные мысленные образы и мысленные образы, имеющие статические элементы, рассматриваются как отдельные категории, в нижних строках — значения для распределения, включающего объединенную категорию неизохронных мысленных образов.

деактивирующая афферентация по той или иной причине отсутствует, моторная репрезентация выходит на уровень сознания, становясь мысленным образом движения.

Целенаправленное создание субъектом мысленного образа движения происходит за счет произвольной активации субстрата моторной репрезентации без намерения выполнять соответствующее движение (Mizuguchi et al., 2012). При этом влияние моторной репрезентации на исполнительные органы затормаживается, а значит, поступление деактивирующей афферентации не ожидается и мысленный образ движения может сохраняться в сознании, пока существует такое произвольное намерение.

Моторная репрезентация несет в себе информацию, точно задающую все параметры, определяющие соответствующее движение, в том числе и его временную структуру. Согласно идее, прослеживающейся у А. Гийо с соавт. (Guillot et al., 2012), моторная репрезентация всегда является изохронной реальному действию, поскольку она лежит в его основе. Однако нельзя не согласиться с Дж. Оу и К. Холлом (O, Hall, 2013), подчеркивающими, что субъект способен произвольно манипулировать скоростью своего движения и что хронометрические характеристики моторной репрезентации также могут быть сознательно изменены.

Несмотря на то что общий механизм в основе мысленного образа движения при его замедлении, вероятно, не меняется, важно учитывать, что, представляя определенным образом, субъект формирует соответствующую манеру мысленного представления (Spittle, Morris, 2011), которая может находить отражение в действии. Значимость такого влияния со стороны мысленного образа на реальное движение, очевидно, различается в зависимости от специфики вида спорта. Так, в ряде дисциплин, где темп движения рассматривается как один из показателей результативности (например, спортивные танцы, фигурное катание), негативное влияние измененных хронометрических характеристик мысленного образа должно нивелироваться реальным хронометрическим ориентиром в виде музыкального сопровождения во время выступления. В этом случае, как показывают К. Кэри с соавт. (Carey et al., 2019), чаще наблюдается обратная картина, когда деятельность влияет на ее представление: за счет значимости реальных хронометрических ориентиров повышается эквивалентность между мысленным образом и движением во временном аспекте. Однако в дисциплинах, где решающим показателем является скорость движения, замедленное представление может снижать соревновательную готовность спортсмена. При этом движения, характеризующиеся естественными временными ограничениями (например, прыжки), могут быть выполнены с существенными техническими ошибками ввиду неверной оценки времени.

Однако нельзя не отметить, что как раз временные ограничения, естественно характеризующие определенные реальные движения, вероятно, являются одной из причин, предрасполагающих спортсменов к их замедленному представлению. Очевидно, это следует из взаимодействия двух факторов. Динамичность спортивной среды определяет количество времени, которое

может быть отведено на принятие решения, когда спортсмен должен выделить значимые ориентиры и с учетом их совокупности определить оптимальное действие. Сложность такой среды характеризуется количеством потенциально значимых ориентиров, принимаемых в расчет, и является индивидуальной характеристикой, зависящей от подготовленности спортсмена и определяющей потребность в дополнительном времени на принятие решения. Неудача или неуверенность в обстоятельствах, когда времени на проработку оптимального действия недостаточно, может стимулировать мысленное возвращение к таким ситуациям в попытках анализа. Однако скорость процессов сознания лимитирует эффективность этого анализа в реальном времени и временной дефицит компенсируется посредством мысленного замедления. Воспроизводя ситуацию в уме, спортсмен пытается оценить значимые для принятия решения факторы и разработать ответную реакцию в виде готового плана, который позволит успешно преодолеть трудные условия в случае их повторного возникновения.

В приведенной трактовке потребность в замедленном представлении связана с уровнем спортивного мастерства, но прежде всего зависит от специфики задач, присущих конкретному виду спорта. Иной возможный механизм возникновения замедленного мысленного образа движения описан К. Рид (Reed, 2002), которая сравнивала объективно полученную продолжительность реального и мысленного выполнения прыжков в воду у спортсменов, разделенных на три группы по уровню мастерства, и зафиксировала достоверно замедленные мысленные образы движения только в группе спортсменов средней подготовленности. Полученный результат объяснялся тем, что спортсмены среднего уровня так же, как и начального, еще не выработали автоматизированный навык в отличие от наиболее подготовленных спортсменов; в то же время, по сравнению с начинающими, спортсмены среднего уровня лучше знакомы с требованиями двигательной задачи, что заставляло их учитывать больше единиц действия. Это приводило к повышенной когнитивной нагрузке, которая компенсировалась за счет увеличения продолжительности представления.

В нашей выборке влияние повышенной когнитивной нагрузки на темп мысленного образа движения можно ожидать у начинающих лыжников («низкий» и «средний» уровни). Однако наиболее примечательно то, что значимость доли мысленных образов с измененными хронометрическими характеристиками наиболее высока даже не на низком уровне мастерства, где это ожидаемо, а среди спортсменов самого высокого класса (см. таблицу 2). В соответствии с вышеописанными механизмами, это может расцениваться как показатель того, что спортсмены внимательно анализируют свои движения, что согласуется с ранее опубликованными результатами обследования данной группы (см.: Каминский и др., 2017, 2018). Так, члены сборной команды чаще всего оценивали движения по их кинестетической картине (Каминский и др., 2018) и представляли их от первого лица, что также предположительно указывает на узкий фокус внимания, способствующий концентрации на деталях движения (Каминский и др., 2017). Подобный результат можно объяснить: 1) резко возрастающими на уровне

сборной команды требованиями к технической подготовке и непрерывно продолжающейся работой над ней (Новикова, 2014); 2) особенностями методики тренировки, которая начинается с замедленной отработки движения и может иметь акцент на кинестетические ориентиры; 3) особенностями специализации испытуемых из сборной команды: спринт характеризуется наиболее динамичными условиями в лыжном спорте, что создает временной дефицит как предпосылку для анализа действий в замедленном темпе.

По данным ранее опубликованных исследований, в группах спортсменов с наиболее высоким уровнем подготовки могут встречаться значимые расхождения между продолжительностью реального и мысленного движения так же, как и среди менее опытных спортсменов (Calmels, Fournier, 2001; Guillot et al., 2004; Orliaguet, Coello, 1998), поэтому возрастающая с ростом мастерства хронометрическая эквивалентность мысленного образа действию считается следствием ее значимости как фактора спортивного результата (Guillot et al., 2012; Carey et al., 2019). На этом основании можно полагать, что в лыжных гонках точная оценка времени действий не является значимой.

Данные по всей выборке подтверждают, что измененные хронометрические характеристики мысленного образа движения в большей мере сопряжены с мысленными образами от первого лица и в меньшей — с мысленными образами от третьего лица, тогда как мысленный образ со сменой ракурса занимает промежуточное положение (см. таблицу 1). Согласно ранее сделанным выводам, мысленные образы от первого лица способствуют высокой концентрации на деталях движений, что благоприятствует их проработке начинающими спортсменами (Каминский и др., 2017). Замедляя мысленные образы с ракурсом от первого лица, субъекты получают максимальную детализацию, повышая точность сознательного контроля за мельчайшими элементами движения, что особенно важно для уточнения ориентиров в ходе освоения новых аспектов двигательного навыка. В таком процессе наиболее значимым источником информации о движении является его структура, представленная в кинестетической модальности. Об этом свидетельствует связь неизохронных мысленных образов с использованием невизуального контроля напрямую за структурой движения (см. таблицу 5), который также связан с представлением преимущественно от первого лица, как было показано в ранее опубликованном исследовании (Каминский и др., 2018).

Исследования, направленные на изучение связи хронометрических характеристик с ракурсом или модальностью спонтанно формируемого мысленного образа движения, весьма редки в литературе: нами были найдены лишь единичные примеры таких работ (в обоих случаях использована объективная оценка хронометрических характеристик). В частности, К. Калмелс с соавт. (Calmels et al., 2006) не обнаружили значимого влияния ракурса мысленного образа на объективно измеренную продолжительность мысленного выполнения опорного прыжка высококлассными гимнастками. Сравнивая представления в визуальной и кинестетической модальности, А. Гийо с соавт. (Guillot et al., 2004) констатировали, что последние связаны с более выраженным завышением продолжительности мысленного действия по сравнению с реальным.

На основе распределения частоты использования хронометрических типов мысленного образа по возрасту (см. таблицу 3) следует сделать вывод о том, что межгрупповые различия могут наблюдаться только при сравнении с группой спортсменов старше 18 лет, куда вошли в основном члены сборной команды. Последние, как уже отмечалось выше, по-видимому, являются особым контингентом в рамках настоящего исследования. В связи с этим полученные связи хронометрических характеристик мысленного образа с возрастом можно объяснить уже рассмотренными особенностями мысленного образа членов сборной команды. Известный факт, который может быть отмечен из литературы, — сниженная точность в оценке хронометрических характеристик действий при их мысленном представлении у детей. Однако данный эффект, как правило, не обнаруживается у детей старше 10 лет (см.: Guillot et al., 2012), что поддерживает наши выводы об отсутствии связей хронометрических характеристик мысленного образа с возрастом, поскольку возрастная группа «10 лет и младше» не была охвачена нашим исследованием.

Также настоящая работа убедительно показала значимость статических элементов мысленного образа движения как одного из вариантов изменения хронометрических характеристик, на основании чего он должен учитываться в методических схемах исследований данного направления.

Теоретически, появление в мысленном образе движения статических элементов может иметь несколько причинных факторов и механизмов.

Во-первых, последовательный ряд застывших мысленных картинок может демонстрировать действие в более компактном, сжатом виде, что позволяет сократить продолжительность представления и проработать действие или последовательность действий в условиях временного дефицита, например, перед самым началом выступления. При этом мысленно представляемые статические изображения, с одной стороны, могут быть непосредственным отражением наиболее проблемных деталей действия, которые потребуют особого внимания при его реальном выполнении, а с другой — могут, как опорные пункты, символизировать целые блоки действий в тех случаях, когда их общая последовательность не менее важна, чем отдельные элементы (например, программа в фигурном катании).

Во-вторых, «замыкание» мысленного образа движения на неподвижной картинке может потенциально расцениваться как следствие недостаточной способности к формированию динамических мысленных образов движения. Отличительной чертой данного механизма появления статического изображения в двигательном образе является его произвольность. Вероятно, что такие испытуемые, получая инструкцию «представить движение, не останавливая его в том или ином моменте», будут неспособны ее выполнить. Однако в нашем исследовании такая проба не проводилась.

Наконец, последний механизм возникновения статических компонентов в мысленном образе движения, который мы выделяем, функционально уподобляет данное явление произвольному замедлению мысленного образа, приравнивая его к крайней степени такого замедления. В этом случае неподвижная картинка может возникать по ходу динамического представления движения,

как бы останавливая его в определенном пункте. Два движения из тех, что должны были представить участники настоящего исследования, отличались лишь одним ориентиром, который был задан в их описании: «вынос палок не ниже уровня макушки» и «вынос палок до уровня глаз». Ранее мы уже указывали на тенденцию выбора ракурса мысленного образа движения в зависимости от доступности ориентира в данном ракурсе: испытуемые были более склонны представлять вынос палок выше головы от третьего лица, по-видимому, в связи с тем, что конечная точка выноса оказывалась вне зоны видимости при визуализации движения от первого лица (Каминский и др., 2017). Кроме того, при прочих равных условиях более высокий вынос палок требует большей скорости движения, что усложняет контроль за его конечной высотой, ограничивая время на это. В результате испытуемые могут приходить к потребности произвольно остановить мысленный образ выноса палок в верхней точке, чтобы отследить соответствие их представления инструкции, о чем говорит значимо более частое возникновение статических элементов в мысленном образе выноса не ниже уровня макушки, чем в мысленном образе выноса до уровня глаз.

Заключение

Результаты настоящего исследования согласуются с ранее опубликованными (Каминский и др., 2017, 2018) и показывают, что измененные хронометрические характеристики мысленного образа сопряжены с такими его особенностями, которые обеспечивают высокую концентрацию на деталях движения, — например, с ракурсом от первого лица и с контролем, сфокусированным на структуре представленного движения в кинестетической модальности. Это подтверждает предполагаемую роль замедленного мысленного образа как средства углубленного анализа действия. Также мы предполагаем, что замедление мысленного образа движения позволяет запустить когнитивные механизмы, являющиеся дополнительными по отношению к механизмам, заключенным в моторной репрезентации, и тем самым форсировать освоение двигательного навыка. В соответствии с этим замедление мысленного образа может быть рекомендовано на начальных этапах освоения двигательного действия или при отработке его новых аспектов. Замедленное представление с постепенным его доведением до нужной скорости, как предлагается в некоторых современных рекомендациях (см., например: Курашвили, 2008), позволит компенсировать когнитивную нагрузку, связанную с началом освоения нового действия. Однако рутинное замедленное представление может приводить к ошибкам при необходимости ускорить отрабатываемое действие, из чего следует потребность в контроле хронометрических характеристик используемых спортсменами мысленных образов.

Также повторим, что настоящее исследование показало значительную пространственность в структуре представления спортсменов мысленных образов со статическими элементами. Мы получили данные в пользу интерпретации этого феномена как крайней степени замедления мысленного образа движения

с целью отслеживания важного ориентира. В то же время, как было отмечено, такая интерпретация не является исчерпывающей по отношению к данному феномену в целом, что требует его дальнейшего целенаправленного изучения.

Литература

- Каминский, И. В. (2015). Контроль ракурса образов как средство повышения эффективности мысленной проработки двигательных навыков. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 83–97.
- Каминский, И. В., Алмазова, О. В., Веракса, А. Н. (2017). Взаимосвязь ракурса образов с освоённостью и спецификой представляемых движений. *Психологический журнал*, 38(4), 76–92. <https://doi.org/10.7868/S0205959217040079>
- Каминский, И. В., Алмазова, О. В., Веракса, А. Н. (2018). Кинестезия и источники информации о движении, представленном с ракурса от 1-го и от 3-го лица, у лыжников-гонщиков различного уровня мастерства. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(1), 79–106. <http://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-1-79-106>
- Курашвили, В. А. (2008). *Психологическая подготовка спортсменов. Инновационные технологии: методическое пособие*. М.: МедиаЛабПроект.
- Найдиффер, Р. М. (1979). *Психология соревнующегося спортсмена*. М.: Физкультура и спорт.
- Новикова, Н. Б. (2014). Применение видеоанализа в процессе научно-методического обеспечения сборной команды России по лыжным гонкам. В кн. *Итоговый сборник Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Итоги выступления спортивных сборных команд Российской Федерации на XXII Олимпийских зимних играх в г. Сочи»* (с. 130–134). М.: Советский спорт.
- Раменская, Т. И. (1999). *Техническая подготовка лыжника: учебно-практическое пособие*. М.: Физкультура и спорт.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Abraham, A., Gose, R., Schindler, R., Nelson, B. H., & Hackney, M. E. (2019). Dynamic neuro-cognitive imagery (DNITM) improves developpй performance, kinematics, and mental imagery ability in university-level dance students. *Frontiers in Psychology*, 10, 382. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00382>
- Calmels, C., & Fournier, J. F. (2001). Duration of physical and mental execution of gymnastic routines. *The Sport Psychologist*, 15, 142–150. <https://doi.org/10.1123/tsp.15.2.142>
- Calmels, C., Holmes, P., Lopez, E., & Naman, V. (2006). Chronometric comparison of actual and imaged complex movement patterns. *Journal of Motor Behavior*, 38(5), 339–348. <https://doi.org/10.3200/JMBR.38.5.339-348>
- Carey, K., Moran, A., & Rooney, B. (2019). Learning choreography: An investigation of motor imagery, attentional effort, and expertise in modern dance. *Frontiers in Psychology*, 10, 422. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00422>

- Di Rienzo, F., Blache, Y., Kanthack, T. F. D., Monteil, K., Collet, C., & Guillot, A. (2015). Short-term effects of integrated motor imagery practice on muscle activation and force performance. *Neuroscience*, 305, 146–156. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2015.07.080>
- Grushko, A. I., Isaev, A. V., Kaminsky, I. V., Leonov, S. V., & Polikanova, I. S. (2019). Modern trends of sport psychology in Russian psychological society. *Papeles del Psicólogo*, 40(1), 64–73. <https://doi.org/10.23923/pap.psicol2019.2883>
- Guillot, A., Collet, C., & Dittmar, A. (2004). Relationship between visual vs. kinesthetic imagery, field dependence-independence and complex motor skills. *Journal of Psychophysiology*, 18, 190–199. <https://doi.org/10.1027/0269-8803.18.4.190>
- Guillot, A., Hoyek, N., Louis, M., & Collet, C. (2012). Understanding the timing of motor imagery: recent findings and future directions. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 5(1), 3–22. <https://doi.org/10.1080/1750984X.2011.623787>
- Holmes, P. S., & Collins, D. J. (2001). The PETTLEP approach to motor imagery: A functional equivalence model for sport psychologists. *Journal of Applied Sport Psychology*, 13(1), 60–83. <https://doi.org/10.1080/10413200109339004>
- Jeannerod, M. (1994). The representing brain: Neural correlates of motor intention and imagery. *Behavioral and Brain Sciences*, 17(2), 187–201. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00034026>
- Jose, J., & Joseph, M. M. (2018). Imagery: It's effects and benefits on sports performance and psychological variables: A review study. *International Journal of Physiology, Nutrition and Physical Education*, 3(2), 190–193.
- Kaminskiy, I. V., Almazova, O. V., & Veraksa, A. N. (2017). Interrelation of imagery perspective and imagined movement specifics and expertise. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 38(4), 76–92. <https://doi.org/10.7868/S0205959217040079> (in Russian)
- Kaminskiy, I. V., Almazova, O. V., & Veraksa, A. N. (2018). Kinaesthesia and sources of information on movements imagined from 1-st or 3-d person perspective in cross-country skiers with various level of expertise. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 15(1), 79–106. <http://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-1-79-106> (in Russian)
- Kaminskiy, I. V. (2015). Manipulations of imagery perspective as a mean to enhance the effect of mental practice of motor skills. *Moscow University Psychology Bulletin*, 4, 83–97. (in Russian)
- Kurashvili, V. A. (2008). *Psikhologicheskaya podgotovka sportsmenov. Innovatsionnye tekhnologii* [Psychological training of athletes. Innovative technologies]. Moscow: MediaLabProekt.
- Mizuguchi, N., Nakata, H., Uchida, Y., & Kanosue, K. (2012). Motor imagery and sport performance. *The Journal of Physical Fitness and Sports Medicine*, 1(1), 103–111. <https://doi.org/10.7600/jpfsm.1.103>
- Nideffer, R. M. (1979). *Psikhologiya sorevnuyushchegosya sportsmena* [The inner athlete: Mind plus muscle for winning]. Moscow: Fizkul'tura i sport. (Original work published 1979)
- Novikova, N. B. (2014). Primenenie videoanaliza v protsesse nauchno-metodicheskogo obespecheniya sbornoi komandy Rossii po lyzhnym gonkam [The use of videoanalysis in the process of methodological support of Russian national team in cross-country skiing]. In *Itogovy sbornik Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Itogi vystupleniya sportivnykh sbornykh komand Rossiiskoi Federatsii na XXII Olimpiiskikh zimnikh igrakh v g. Sochi"* [Final proceedings of the All-Russian Research-to-Practice Conference with international participation "Resulting performance of the Russian Federation national teams at the XXII Olympic Winter Games in Sochi"] (pp. 130–134). Moscow: Sovetskii Sport.
- O, J., & Hall, C. (2009). A quantitative analysis of athletes' voluntary use of slow motion, real time, and fast motion images. *Journal of Applied Sport Psychology*, 21(1), 15–30. <https://doi.org/10.1080/10413200802541892>

Б) Скорость, с которой производится представленное движение:

☐ нормальная (соответствует скорости выполнения реального движения)

☐ возникают паузы в виде «замирания», фиксации картинки

☐ замедленная – “slow motion” (по отношению к скорости выполнения реального движения)

☐ В граничном моменте

☐ На протяжении всего движения

В) Когда я представляю данный элемент:

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Я воспринимаю свои движения только визуально

Возникающие ощущения несколько приглушены по сравнению с реальными

Я чувствую движение и мышечные усилия так, будто выполняю его на самом деле

Чувство движения и мышечного усилия воспринимается при ракурсе:

☐ Только от 1-ого лица

☐ Только от 3-его лица

☐ От 1-ого лица более интенсивно, чем от 3-его

☐ От 3-его лица более интенсивно, чем от 1-ого

☐ С одинаковой интенсивностью вне зависимости от ракурса

☐ Отсутствует вне зависимости от ракурса

Г) Оценивая, насколько совершенно данное движение выполнено мысленно, Вы опираетесь на:

☐ Его внешнюю форму (визуальная оценка)

☐ Его результат: интенсивность ускорения, дальность проката и т.п. (визуальная оценка)

☐ «Мышечную память»

☐ Ощущение ускорения и т.п. как результата движения

☐ от 1-ого лица

☐ от 3-его лица

☐ от 1-ого лица

☐ от 3-его лица

☐ от 1-ого лица

☐ от 3-его лица

☐ от 1-ого лица

☐ от 3-его лица

Приложение 2

Пример варианта дополнительного задания с соответствующим ему ключом

1.

		●

2.

●		

3.

●		

4.

	●	

5.

	●	

Ключ.

3	4	1
2		
	5	

УДЕРЖАНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕРИЙНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ

**А.А. КОРНЕЕВ^{a,b}, Д.И. ЛОМАКИН^b, А.В. КУРГАНСКИЙ^{b,c},
Р.И. МАЧИНСКАЯ^b**

^a *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1*

^b *ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО», 119121, Россия, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 2*

^c *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1*

Retention of Verbal and Nonverbal Serial Information in Working Memory

A.A. Korneev^{a,b}, D.I. Lomakin^b, A.V. Kyrgansky^{b,c}, R.I. Machinskaya^b

^a *Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

^b *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPa), 82 build. 1, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

^c *Institute of Developmental Physiology, 8-2 Pogodinskaya Str., Moscow, 119121, Russian Federation*

Резюме

Представлены результаты экспериментального исследования удержания в рабочей памяти (РП) и последующего двигательного воспроизведения серийной информации двух типов — вербальной (последовательности букв) и невербальной (ломанные линии). Серии элементов предъявлялись в двух режимах: статически (единовременно) и динамически (поэлементно). Исследовали влияние режима предъявления последовательностей, их сложности (числа элементов) и времени удержания в РП на точность и латентное время (время реакции) воспроизведения запомненных серий элементов. На 33 взрослых праворуких испытуемых были получены следующие результаты. Оказалось, что точность воспроизведения обоих типов последовательностей качественно сходным образом зависит от режима

Abstract

This article presents the results of an experimental study of retention in working memory (WM) and subsequent motor reproduction of two types of serial information, verbal (sequence of letters) and non-verbal (broken lines). Series of elements were presented in two modes: statically (all elements are shown simultaneously) and dynamically (the sequence is shown element by element). We investigated the influence of the sequence presentation mode, the sequence complexity (number of its elements) and WM delay period on the accuracy and the latent time (reaction time) of reproduction of the memorized series of elements. The study involved 33 adult right-handed subjects. The following results were obtained. It turned out that the accuracy of reproduction of both types of sequences in a qualitatively

предъявления и количества элементов: она меньше в динамическом режиме и падает с ростом длины последовательности. Использование динамического режима предъявления в большей степени сказывается на точности воспроизведения ломаных линий, чем буквенных последовательностей. Увеличение количества элементов, напротив, больше снижает точность воспроизведения последовательностей букв по сравнению с невербальными последовательностями. Выявлено, что время удержания информации в РП существенно влияет на латентное время двигательного ответа только при воспроизведении ломаных линий, но не буквенных последовательностей. При этом латентное время ответа возрастает при увеличении длины последовательности букв, но не изменяется при увеличении числа сегментов ломаной линии. Полученные результаты указывают на различия в механизмах сохранения и преобразования вербальной и невербальной серийной информации в рабочей памяти. Опираясь на них, можно утверждать, что вербальная информация сохраняется в большей степени как последовательность и при этом претерпевает меньше изменений в процессе ее удержания в рабочей памяти в задачах, связанных с воспроизведением порядка элементов.

Ключевые слова: рабочая память, отсроченное воспроизведение, вербальные и невербальные последовательности, время реакции, внутренняя репрезентация.

Корнеев Алексей Андреевич — старший научный сотрудник, лаборатория нейропсихологии, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник, лаборатория нейрофизиологии когнитивной деятельности, ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, экспериментальная психология, статистические методы обработки данных в психологии.

Контакты: korneeff@gmail.com

similar way depends on the presentation mode and the number of elements: the reproduction is less accurate in the dynamic mode as compared to the static mode, and the accuracy decreases with increasing sequence length in both modes. The use of the dynamic presentation mode has a greater effect on the accuracy of reproduction of broken lines than letter sequences. In contrast, increasing the number of elements reduces the accuracy of letter sequences reproduction more than the accuracy of broken lines reproduction. It was revealed that WM delay period significantly affected the latent time of the motor response only when broken lines but not letter sequences were reproduced. The latent response time increases with an increase in the length of the sequence of letters but does not change with an increase in the number of segments of the broken line. These results points to some differences in the mechanisms of encoding and storage of the verbal and non-verbal serial information in working memory. It seems that verbal information, when compared to non-verbal information, is represented internally to a greater extent as a sequence of elements and, at the same time, undergoes less changes during retention in working memory in the tasks where reproduction of the order of elements is required.

Keywords: working memory, delayed reproduction, verbal and nonverbal sequences, reaction time, internal representation

Aleksei A. Korneev — Senior Research Fellow, Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Laboratory of Neurophysiology of Cognitive Processes, Institute of Developmental Physiology, PhD in Psychology.

Research Area: cognitive psychology, experimental psychology, neuropsychology, statistical methods in psychology.

E-mail: korneeff@gmail.com

Ломакин Дмитрий Игоревич — научный сотрудник, лаборатория нейрофизиологии когнитивной деятельности, ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО».

Сфера научных интересов: когнитивная нейронаука, психофизиология подросткового возраста, электрофизиология, управляющие функции.

Контакты: lomakindima4@gmail.com

Курганский Андрей Васильевич — ведущий научный сотрудник, лаборатория нейрофизиологии когнитивной деятельности, ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО»; старший научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, факультет психологии, ИОН РАНХиГС, доктор биологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная нейронаука, электрофизиология, управление движениями, управляющие функции.

Контакты: akurg@yandex.ru

Мачинская Регина Ильинична — заведующая лабораторией, лаборатория нейрофизиологии когнитивной деятельности, ФГБНУ «Институт возрастной физиологии РАО», доктор биологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная нейронаука, психофизиология, формирование мозговых механизмов когнитивной деятельности в онтогенезе, нейрофизиологические факторы когнитивных дефицитов и отклонений поведения у детей и подростков, электроэнцефалография.

Контакты: reginamachinskaya@gmail.com

Dmitry I. Lomakin — Research Fellow, Laboratory of Neurophysiology of Cognitive Processes, Institute of Developmental Physiology.

Research Area: cognitive neuroscience, psychophysiology of adolescents, electrophysiology, executive functions.

E-mail: lomakindima4@gmail.com

Andrei V. Kurgansky — Lead Research Fellow, Laboratory of Neurophysiology of Cognitive Processes, Institute of Developmental Physiology; Senior Research Fellow, Cognitive research lab, Faculty of Psychology, ISS RANEPa (Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), DSc in Biology.

Research Area: cognitive neuroscience, electrophysiology, motor control, executive functions.

E-mail: akurg@yandex.ru

Regina I. Machinskaya — Head of Laboratory, Laboratory of Neurophysiology of Cognitive Processes, Institute of Developmental Physiology, DSc in Biology.

Research Area: cognitive neuroscience, psychophysiology, development of brain mechanisms of cognitive processes in ontogeny, neurophysiological factors of cognitive deficits in children and adolescents, electroencephalography.

E-mail: reginamachinskaya@gmail.com

В повседневной жизни человек постоянно сталкивается с необходимостью запоминать информацию, организованную как последовательность элементов, т.е. серийную информацию. Такое кратковременное сохранение небольшого объема информации, необходимой для выполнения текущей деятельности, согласно представлениям когнитивной психологии, обеспечивается рабочей памятью (далее — РП) (Baddeley, Hitch, 1974).

Специфика репрезентации вербальной и невербальной информации — одна из важнейших проблем при обсуждении механизмов РП, в том числе в контексте запоминания серийной информации (Ginsburg et al., 2017; Marshuetz, 2005). Следует отметить, что наиболее распространенная модель РП А. Бэддели и Г. Хитча (Baddeley, Hitch, 1974) предусматривает отдельные хранилища для вербальной и невербальной информации: фонологическую петлю (phonological loop), отвечающую за кодирование и хранение вербальной

информации, и зрительно-пространственный «блокнот» (visuospatial sketchpad), в котором удерживается и обрабатывается зрительная невербальная информация. Это разделение остается актуальным по сей день, при этом, если речь идет о серийной информации, то важными составляющими ее репрезентации является не только содержание (сами запоминаемые элементы), но и порядок.

Существуют разнообразные теории, предлагающие различные механизмы хранения порядка серийной информации. Исторически первой является теория ассоциативных цепочек (associative chaining; Ebbinghaus, 1885/1964). Эта теория оказалась неспособной объяснить ряд эмпирических фактов (например, типичные ошибки перестановки местами элементов последовательности) и подвергалась серьезной критике (см. обзор: Marshuetz, 2005).

Более поздние модели предполагают наличие специальных кодов порядка, которые приписываются элементам последовательности. К ним относятся модель иерархического кодирования (hierarchical codes; Burgess, Hitch, 1999) и теория «кодов свойств» (feature codes; Nairne, 1990). Предложена также модель кодирования магнитуды (Magnitude Codes), в рамках которой порядок определяется не дискретными кодами, а скорее «аналоговыми», обозначающими градуальное «предпочтение» порядка выполнения элементов. В разных версиях этой модели предполагается существование градиентного кодирования элементов, определяющего их порядок в последовательности (Farrell, Lewandowsky, 2002; Rhodes et al., 2004; Hurlstone et al., 2014).

Ряд исследований указывают на то, что серийный порядок может храниться отдельно от самих элементов (Marshuetz, 2005; Majerus, 2019). При этом допущении возможно наличие как модально-специфических, так и универсальных способов кодирования и хранения информации о порядке. С одной стороны, получены данные, указывающие на относительную универсальность механизмов сохранения информации о порядке элементов вербальных и невербальных последовательностей (Jones et al., 1995; Ginsburg et al., 2017; см. обзор: Hurlstone et al., 2014). В частности, использование транскраниальной магнитной стимуляции позволило выявить ключевую роль левой надкраевой извилины (supramarginal gyrus) в сохранении порядка элементов последовательностей разного типа — вербальных, двигательных и пространственных (Guidali et al., 2019). С другой стороны, показано, что серийный порядок легче запоминается и воспроизводится при удержании вербального материала, по сравнению с невербальным, что может быть связано с модально-специфическими формами и механизмами репрезентации порядка в рабочей памяти (Gmeindl et al., 2011). Таким образом, вопрос об универсальности механизмов РП при хранении серийно организованной информации вне зависимости от ее модальности, в том числе хранении вербальной и зрительно-пространственной информации, остается открытым.

Исследования показывают, что при запоминании серийной информации важной оказывается не только ее модальность, но и форма предъявления. В частности, возможно предъявление стимула в виде статического объекта или динамической последовательности. Ряд экспериментальных данных указывает

на то, что мозговая организация зрительной РП зависит от того, является ли эта информация статической или динамической. Так, при построении внутренней репрезентации на основе статической пространственной информации, как это имеет место, например, при копировании текста, изменения активности мозга обнаружены преимущественно в задней теменной коре (ППС) (Lehnert, Zimmer, 2008), в то время как при запечатлении динамической зрительной информации наблюдается иная картина. Чувствительные к движению нейроны областей MT/MST, по-видимому, участвуют в системе рабочей памяти у приматов (Kriegeskorte et al., 2003; D'Esposito, Postle, 2015; Donato et al., 2020; Curtis, Sprague, 2021). Интерференция текущей оценки направления движения и внутренней репрезентации движения другого направления, обнаруженная при исследовании на людях, указывает на то, что мозговая система рабочей памяти включает сенсорные области, чувствительные к направлению движения (Kang et al., 2011). Также специфика хранения статической и динамической информации обсуждается, например, в модели Р. Ложи (Logie, 1995), в которой в зрительной рабочей памяти выделяется два блока: зрительный (visual cache), хранящий признаки объекта (форма, цвет и др.), и пространственный (inner cache), сохраняющий информацию о пространственном положении и соотношении объектов, в том числе и информацию о движении (inner scribe). Это разделение подтверждается исследованиями, проведенными на взрослых здоровых испытуемых и испытуемых с локальными повреждениями мозга (Della Sala et al., 1999), а также на детях младшего школьного возраста (Mammarella et al., 2008). Отдельно можно отметить, что вопрос запоминания и воспроизведения статической и динамической информации становится актуальным в свете все более распространенного использования компьютерных технологий. Эта проблематика обсуждается как в контексте тестирования когнитивных функций (Carpenter, Alloway, 2019), так и в контексте электронных форм обучения (Burin et al., 2021).

В наших предыдущих исследованиях (Корнеев, Курганский, 2013, 2014а), анализируя особенности отсроченного воспроизведения (копирования) невербальной серийной информации (ломаных линий), предъявляемых статически и динамически, мы обнаружили: 1) существенное уменьшение времени реакции на звуковой императивный сигнал в обоих режимах при увеличении времени задержки и 2) преимущество статического режима перед динамическим в запоминании зрительно-пространственной серийной информации (испытуемые совершали меньше ошибок и отвечали быстрее). При этом оказалось, что значительное преимущество статического режима при немедленном воспроизведении или минимальном времени удержания в РП исчезает при увеличении времени удержания до трех секунд (Корнеев, Курганский, 2013). По нашему мнению, эти данные указывают на преобразование репрезентаций зрительно-пространственных последовательностей в РП — по всей видимости, происходит переход от специфической к абстрактной, независимой от специфики исходной информации, форме. Такие результаты согласуются с обсуждаемой в литературе моделью динамической переработки информации в РП (dynamic-processing model of WM), согласно которой

репрезентация в ней может преобразовываться, причем изменения могут зависеть от задачи (Rose, 2020).

Еще один фактор, который влияет на воспроизведение серийной информации, хранящейся в РП, — это длина последовательности. В исследованиях обнаружен эффект длины, который выражается в увеличении времени реакции с ростом числа элементов последовательности (см. обзор: Rhodes et al., 2004). Также эффект длины обнаружен в отношении точности ответов: при увеличении длины последовательности растет число ошибок, что характерно как для вербальной информации — слов (см. обзор: Barton et al., 2014) и псевдослов (Brown et al., 2013), так и для невербальной информации (Agam et al., 2005). В настоящем исследовании для оценки особенностей запоминания и воспроизведения вербальных и невербальных последовательностей мы также варьируем длину последовательностей.

Как мы видели, накоплено достаточно много данных о влиянии факторов модальности информации, статического и динамического режима ее предъявления, времени удержания информации в рабочей памяти, а также длины последовательности на особенности сохранения и воспроизведения серийной информации. Однако, как правило, влияние этих факторов исследуется по отдельности.

В рамках нашей работы мы анализируем совместное влияние режима предъявления, длительности удержания и длины последовательности на сохранение в РП вербальной и невербальной серийной информации. Мы предполагаем, что такой анализ позволит получить дополнительные данные об универсальности или, наоборот, специфичности организации РП при удержании вербальной и зрительно-пространственной серийной информации.

Методика

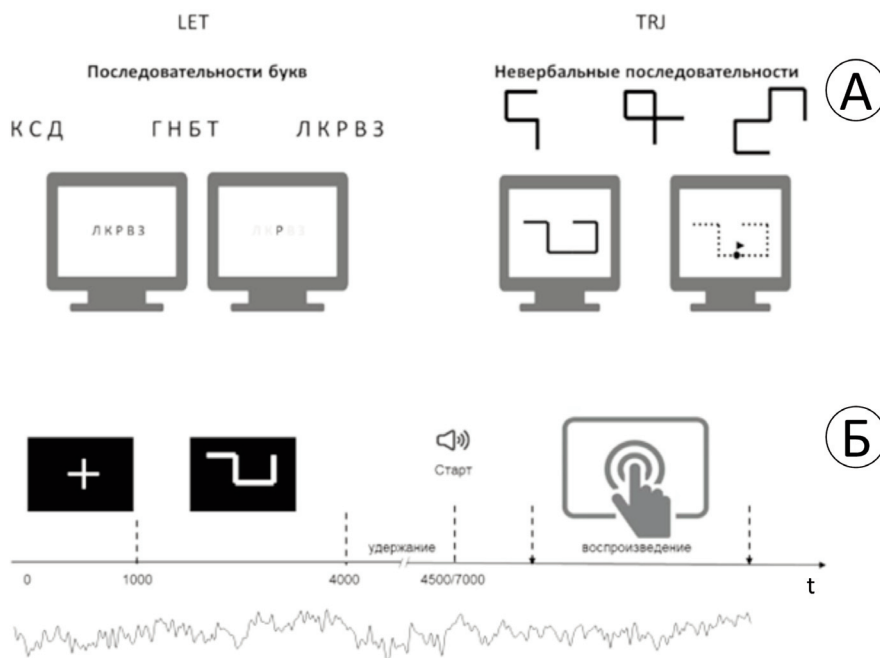
Испытуемые. В эксперименте приняли участие 33 взрослых праворуких по самоотчету испытуемых (20 женщин и 13 мужчин) в возрасте от 21 года до 55 лет (32.2 ± 7.9 года). Все испытуемые давали информированное согласие на участие в исследовании. Протокол эксперимента был одобрен Этическим комитетом ИВФ РАО.

Стимулы. В данном исследовании использовалось два вида стимулов¹: 1) вербальные — наборы согласных букв длиной от 3 до 5 символов, без повторов, далее LET (от «letters»), примеры последовательностей см. рисунок 1А слева; 2) невербальные — незамкнутые ломаные линии, составленные из отрезков, число которых менялось от 4 до 6, далее TRJ (от «trajectory»), примеры см. на рисунке 1А справа.

¹ В эксперименте использовался еще один, третий тип стимулов — последовательности цифр, но в рамках данной работы мы решили представить результаты только по двум типам стимулов как наиболее контрастных по степени вербальности/невербальности. Так как стимулы различных типов предъявлялись в отдельных блоках эксперимента, такой вариант кажется нам правомочным.

Рисунок 1

Примеры стимулов (А) и временная структура экспериментальной пробы (Б)

Стимулы предъявлялись в двух режимах — статическом (далее STAT) и динамическом (далее DYN). В статическом режиме вся последовательность предъявлялась целиком на фиксированное время ($T = 2000$ мс). В случае LET это были строки букв, а в случае TRJ — ломаная линия. В динамическом режиме в задаче LET символы предъявлялись один за другим, слева направо (время экспозиции каждого элемента 500 мс), а в задаче TRJ по невидимому контуру ломаной линии двигалась точка, имитирующая графические движения человека, рисующего такую линию (время движения по каждому отрезку ломаной 500 мс). В качестве императивного сигнала к воспроизведению последовательности использовался короткий тональный звуковой сигнал.

Задача испытуемого и структура эксперимента. Испытуемый должен был запоминать и отсроченно (в ответ на задержанный императивный сигнал) воспроизводить два типа последовательностей: набора букв и линий, состоящих из набора отрезков.

Проба была организована следующим образом. Вначале на экране появлялся фиксационный крест, после чего предъявлялась последовательность стимулов для запоминания. Затем с псевдослучайно варьируемой задержкой в 500 или 3000 мс (после окончания последовательности) раздавался звуковой императивный сигнал, в ответ на который испытуемый должен был как можно быстрее и точнее воспроизвести предъявленную последовательность (см. рисунок 1Б).

В случае LET одновременно с императивным сигналом появлялась строка ранее показанных для запоминания символов, перемешанных в случайном порядке. Задача испытуемого состояла в том, чтобы коснуться пальцем изображений букв на сенсорном экране в том порядке, в котором они были предъявлены. В случае TRJ испытуемый в ответ на императивный сигнал должен был нарисовать запомненную траекторию пальцем на сенсорном экране.

Эксперимент состоял из четырех блоков, соответствующих каждому из четырех сочетаний модальности (LET и TRJ) и режима предъявления (статический и динамический). Каждый блок включал в себя 48 проб. Пробы внутри каждого блока содержали последовательности разной длины (по 16 проб для каждой длины): для букв — из трех, четырех и пяти элементов, для траекторий — из четырех, пяти или шести элементов. В половине проб задержка императивного сигнала составляла 500 мс, в половине — 3000 мс, что соблюдалось для последовательностей каждой длины. Порядок последовательностей внутри каждого блока был псевдослучайным, индивидуальным для каждого испытуемого. Порядок выполнения блоков был также псевдослучайным: часть испытуемых сначала выполняли задание по запоминанию вербальных последовательностей, затем невербальных, а часть — наоборот. Каждый из четырех блоков предварялся короткой тренировочной сессией (четыре пробы), содержащей последовательности, не используемые в эксперименте.

Экспериментальная процедура была реализована с использованием пакета Psychtoolbox 3.0 в виде скрипта в вычислительной среде Octave 5.2.0 под управлением операционной системы Linux (дистрибутив Kubuntu). Управляющий скрипт выполнялся на компьютере Lenovo Yoga с сенсорным экраном (диагональ 14 дюймов, разрешение 1920×1080). Этот скрипт управлял предъявлением стимулов, регистрировал прикосновения и перемещения пальца испытуемого по экрану.

Во время проведения эксперимента испытуемый сидел в кресле в затемненной камере. Сенсорный экран был расположен на таком расстоянии от него, чтобы было удобно рисовать пальцем (50–60 см).

Отметим, что во время эксперимента записывалась электроэнцефалограмма испытуемого, анализ которой не входит в задачи настоящей работы.

Анализ данных. Вычислялись и анализировались два показателя: доля правильных ответов (точность) и латентное время двигательного ответа. Для вербального материала правильность ответа определялась автоматически по совпадению воспроизведенной и показанной последовательностей. Правильность воспроизведения траекторий определялась визуально одним из экспериментаторов. Правильными считались последовательности, в которых число элементов и их конфигурация совпадали со стимулом. Латентное время (время реакции, далее RT) измерялось как время, прошедшее от начала императивного сигнала до момента, когда испытуемый покидал стартовую позицию, т.е. начинал движение.

Времена реакции и правильность ответа (для задачи LET) испытуемых в каждой из проб вычислялись с помощью скрипта, созданного в среде Octave. Затем данные усреднялись отдельно для каждой ячейки экспериментального дизайна.

Статистическая обработка. Статический анализ проводился в среде R (ver. 4.1.1). Для оценки влияния экспериментальных факторов на точность ответов и время реакции испытуемых использовался дисперсионный анализ для повторных измерений. Для снижения вероятности ошибки проводилась коррекция полученных оценок значимости эффектов для множественного тестирования гипотез по методу Бонферрони-Холма.

Результаты

Схема дисперсионного анализа включала четыре внутригрупповых фактора: тип стимула (2 уровня — буквы и траектории, далее СТИМУЛ), режим предъявления (2 уровня — статический и динамический, далее РЕЖИМ), время задержки (2 уровня — 500 и 3000 мс, далее ЗАДЕРЖКА) и длина последовательности (3 уровня — 3, 4 или 5 элементов для букв, 4, 5 и 6 — для траекторий, далее ДЛИНА). В качестве зависимых переменных использовались доля правильных ответов и время реакции испытуемых. Результаты дисперсионного анализа представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в отношении доли правильно воспроизведенных последовательностей значимыми оказались следующие основные эффекты:

— РЕЖИМ: точность ответов испытуемых ниже в режиме DYN (рисунок 2Б);

Рисунок 2

Средние значения точности ответов в зависимости от влияния четырех анализируемых факторов. Столбики ошибок — 95%-й доверительный интервал среднего

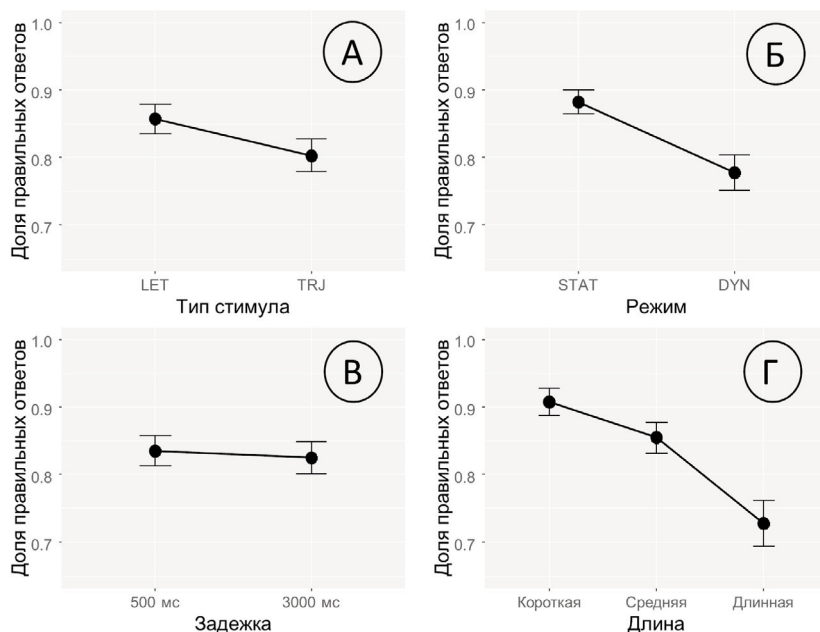

Таблица 1

Результаты дисперсионного анализа

Эффект	Доля правильных ответов	Время реакции
СТИМУЛ	$F(1, 23) = 4.945, p = 0.363$ ($p = 0.036$)*, $\eta_p^2 = 0.177^{**}$	$F(1, 23) = 16.227, p = 0.006$ ($p = 0.001$), $\eta_p^2 = 0.414$
РЕЖИМ	$F(1, 23) = 45.218, p > 0.001$ ($p > 0.001$), $\eta_p^2 = 0.663$	$F(1, 23) = 2.351, p = 1.000$ ($p = 0.139$), $\eta_p^2 = 0.093$
ЗАДЕРЖКА	$F(1, 23) = 1.100, p = 1.000$ ($p = 0.305$), $\eta_p^2 = 0.046$	$F(1, 23) = 84.33, p > 0.001$ ($p > 0.001$), $\eta_p^2 = 0.786$
ДЛИНА	$F(2, 46) = 53.326, p > 0.001$ ($p > 0.001$), $\eta_p^2 = 0.699$	$F(2, 46) = 9.07, p = 0.006$ ($p > 0.001$), $\eta_p^2 = 0.283$
СТИМУЛ $\times$ РЕЖИМ	$F(1, 23) = 15.368, p = 0.008$ ($p = 0.001$), $\eta_p^2 = 0.401$	$F(1, 23) = 0.06, p = 1.000$ ($p = 0.808$), $\eta_p^2 = 0.003$
СТИМУЛ $\times$ ЗАДЕРЖКА	$F(1, 23) = 0.338, p = 1.000$ ($p = 0.567$)**, $\eta_p^2 = 0.014$	$F(1, 23) = 59.514, p > 0.001$ ($p > 0.001$), $\eta_p^2 = 0.721$
РЕЖИМ $\times$ ЗАДЕРЖКА	$F(1, 23) = 0.265, p = 1.000$ ($p = 0.612$), $\eta_p^2 = 0.011$	$F(1, 23) = 1.791, p = 1.000$ ($p = 0.194$), $\eta_p^2 = 0.072$
СТИМУЛ $\times$ ДЛИНА	$F(2, 46) = 7.237, p = 0.021$ ($p = 0.002$), $\eta_p^2 = 0.239$	$F(2, 46) = 4.785, p = 0.142$ ($p = 0.013$), $\eta_p^2 = 0.172$
РЕЖИМ $\times$ ДЛИНА	$F(2, 46) = 7.298, p = 0.021$ ($p = 0.002$), $\eta_p^2 = 0.241$	$F(2, 46) = 2.832, p = 0.692$ ($p = 0.069$), $\eta_p^2 = 0.11$
ЗАДЕРЖКА $\times$ ДЛИНА	$F(2, 46) = 0.347, p = 1.000$ ($p = 0.708$), $\eta_p^2 = 0.015$	$F(2, 46) = 0.668, p = 1.000$ ($p = 0.518$), $\eta_p^2 = 0.028$
СТИМУЛ $\times$ РЕЖИМ $\times$ ЗАДЕРЖКА	$F(1, 23) = 0.262, p = 1.000$ ($p = 0.613$), $\eta_p^2 = 0.011$	$F(1, 23) = 0.21, p = 1.000$ ($p = 0.651$), $\eta_p^2 = 0.009$
СТИМУЛ $\times$ РЕЖИМ $\times$ ДЛИНА	$F(2, 46) = 0.382, p = 1.000$ ($p = 0.685$), $\eta_p^2 = 0.016$	$F(2, 46) = 2.595, p = 0.767$ ($p = 0.086$), $\eta_p^2 = 0.101$
СТИМУЛ $\times$ ЗАДЕРЖКА $\times$ ДЛИНА	$F(2, 46) = 0.638, p = 1.000$ ($p = 0.533$), $\eta_p^2 = 0.027$	$F(2, 46) = 0.26, p = 1.000$ ($p = 0.773$), $\eta_p^2 = 0.011$
РЕЖИМ $\times$ ЗАДЕРЖКА $\times$ ДЛИНА	$F(2, 46) = 2.024, p = 1.000$ ($p = 0.144$), $\eta_p^2 = 0.081$	$F(2, 46) = 0.241, p = 1.000$ ($p = 0.787$), $\eta_p^2 = 0.01$
СТИМУЛ $\times$ РЕЖИМ $\times$ ЗАДЕРЖКА $\times$ ДЛИНА	$F(2, 46) = 0.013, p = 1.000$ ($p = 0.987$), $\eta_p^2 = 0.001$	$F(2, 46) = 0.621, p = 1.000$ ($p = 0.542$), $\eta_p^2 = 0.026$

Примечание. Приведена значимость с поправкой Бонферрони-Холма, в скобках — без поправки); η_p^2 — частная эта-квадрат (величина статистического эффекта). Полужирным шрифтом выделены значимые эффекты.

— ДЛИНА: точность ответов снижается по мере увеличения длины последовательности (рисунок 2Г).

Для факторов СТИМУЛ и ЗАДЕРЖКА значимого основного эффекта не обнаружено (рисунок 2В).

Были обнаружены следующие значимые взаимодействия факторов:

— СТИМУЛ $\times$ РЕЖИМ: точность ответов практически не отличается при воспроизведении буквенных последовательностей и траекторий в статическом режиме ($p = 0.980$, здесь и далее — по критерию Тьюки для множественных

сравнений), в динамическом режиме при воспроизведении букв точность заметно выше, чем при воспроизведении траекторий ($p = 0.024$, рисунок 3А);

— РЕЖИМ $\times$ ДЛИНА: в режиме STAT снижение точности ответов при увеличении длины заметно слабее (точность от коротких к длинным последовательностям снижается на уровне значимости $p = 0.00008$), чем в режиме DYN ($p < 0.00001$, рисунок 3Б).

— СТИМУЛ $\times$ ДЛИНА: при воспроизведении букв влияние длины последовательности больше, чем при воспроизведении траекторий (рисунок 3Б). Изменения в обоих случаях высокосignификантны, но качественное различие видно из графика средних.

В отношении времени реакции (RT) значимыми оказались следующие основные эффекты:

— СТИМУЛ: при воспроизведении вербальных стимулов RT заметно ниже, чем при воспроизведении траекторий (рисунок 4А);

— ЗАДЕРЖКА: при увеличении времени задержки RT сокращается (рисунок 4В);

— ДЛИНА: по мере роста длины последовательности RT увеличивается (рисунок 4Г).

Фактор РЕЖИМ в данном случае оказался незначимым (рисунок 4Б).

Также было обнаружено значимое влияние взаимодействия факторов СТИМУЛ $\times$ ЗАДЕРЖКА: различия между RT при разном времени задержки практически отсутствуют в случае LET ($p = 0.999$), а в TRJ при увеличении времени задержки ответа RT резко снижается ($p < 0.001$, рисунок 5А).

Следует отметить тенденцию, которая после поправки на множественное тестирование стала незначимой, но тем не менее была зафиксирована, — это влияние взаимодействия факторов СТИМУЛ $\times$ ДЛИНА последовательности: RT заметно меняется в зависимости от длины в случае LET (различия между короткими и длинными последовательностями букв на уровне $p = 0.003$) и мало зависит от длины в случае TRJ ($p = 0.978$, рисунок 5Б).

Рисунок 3

Средние значения доли правильных ответов для значимых эффектов взаимодействия факторов. Столбики ошибок — 95%-й доверительный интервал среднего

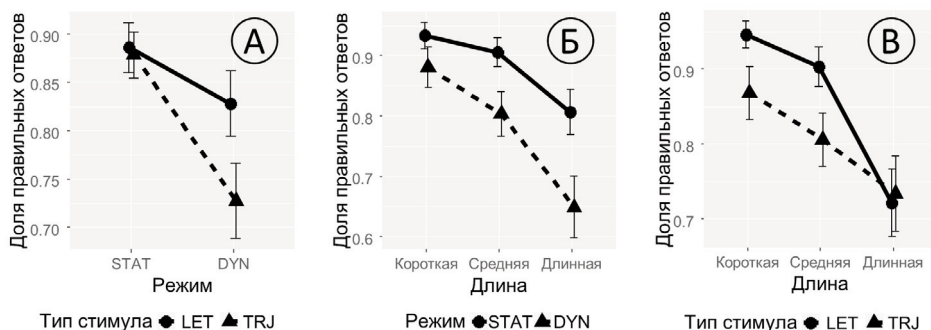

Рисунок 4

Средние значения RT (в мс) в зависимости от влияния факторов по отдельности.
Столбики ошибок — 95%-й доверительный интервал среднего

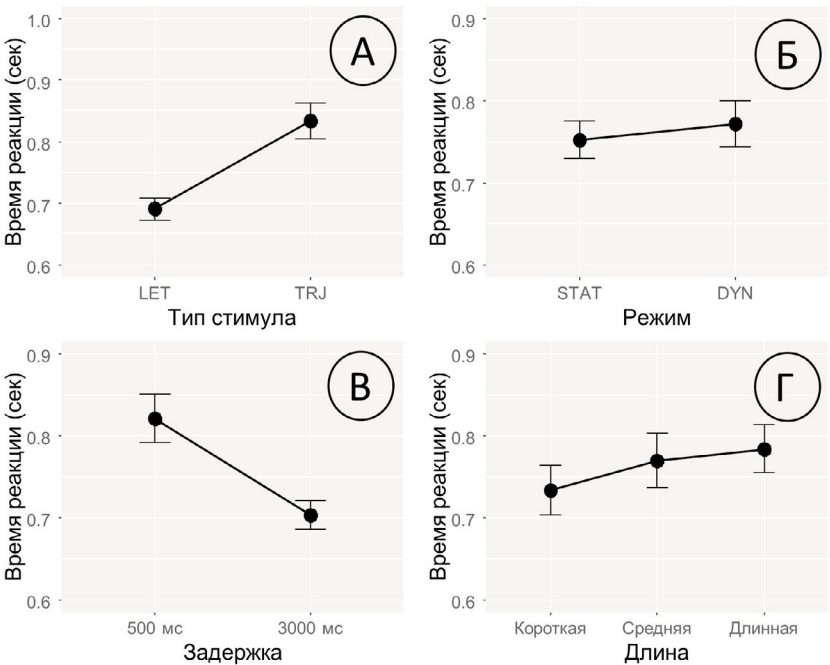
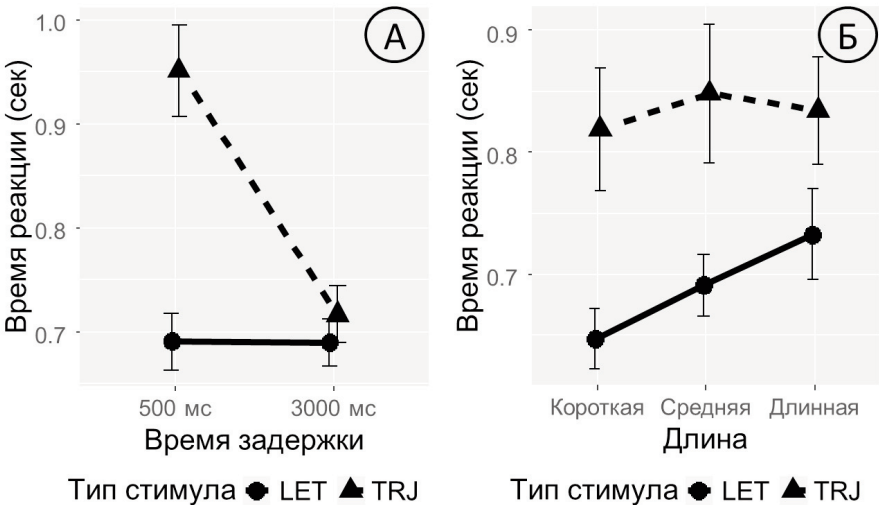

Рисунок 5

Средние значения RT для значимых эффектов взаимодействия факторов.
Столбики ошибок — 95%-й доверительный интервал среднего

Обсуждение результатов

При обсуждении полученных результатов нужно учесть существенную разницу в характере воспроизведения двух типов последовательностей. В процессе воспроизведения последовательности букв нет необходимости извлекать из РП список самих элементов — он присутствует на экране в виде перетасованной строки. Испытуемый не может ошибиться в том, какие элементы были показаны и каково их число; необходимо помнить только правильную их последовательность. Это облегчает задачу воспроизведения. С другой стороны, испытуемый не знает, где в предъявленной строке будет расположена очередная буква, и это подразумевает необходимость ее зрительного поиска.

При воспроизведении ломаной испытуемый должен помнить также и точный список элементов (сегментов ломаной) и может допустить ошибку в их идентичности и числе.

Кроме того, при воспроизведении последовательности букв более простой оказывается двигательная составляющая ответа: испытуемому требуется указать на элементы, расположенные в фиксированной области экрана, причем необходимость двигательного воспроизведения самих элементов отсутствует.

В силу того, что указанные различия по-разному влияют на точность воспроизведения (долю правильных ответов) последовательностей и на латентное время (время реакции — RT), мы рассмотрим влияние экспериментальных факторов на эти две величины по отдельности.

Точность воспроизведения

Примечательной особенностью полученных результатов является то, что фактор ЗАДЕРЖКА не только не влиял на точность воспроизведения последовательности, но и не обнаружил значимых взаимодействий ни с одним из остальных факторов. Это означает, что как минимум удержание репрезентаций последовательностей в РП не сопровождалось потерей информации, и полученные эффекты факторов РЕЖИМ и ДЛИНА связаны с этапами восприятия, занесения в РП, извлечения из РП и воспроизведения последовательности.

Как показали результаты эксперимента, для обоих типов последовательностей (LET и TRJ) точность воспроизведения (доля правильных ответов) зависела от факторов РЕЖИМ и ДЛИНА (рисунок 2). В отношении фактора СТИМУЛ некоторое снижение точности при воспроизведении траекторий оказалось незначимым после поправки на множественное тестирование гипотез. При этом данный фактор оказал значимое влияние на точность ответов в сочетании с другими, а именно во взаимодействиях СТИМУЛ $\times$ РЕЖИМ и СТИМУЛ $\times$ ДЛИНА. Из рисунка 3 видно, что точность воспроизведения обоих типов последовательностей качественно сходным образом зависит от уровней факторов РЕЖИМ и ДЛИНА: она значимо меньше в динамическом режиме и падает с ростом длины последовательности.

Вместе с тем влияние фактора РЕЖИМ на точность воспроизведения последовательности оказывается существенно бóльшим в случае ломаных линий, чем в случае букв: если предъявленные в статическом режиме ломаные линии и строки букв воспроизводятся в среднем одинаково точно на уровне 88% правильных ответов (рисунок 3А), то в динамическом режиме в случае букв доля правильных ответов падает до 83%, а в случае ломаных — до 73%.

В случае запоминания вербальных последовательностей преимущество в точности статического режима может быть связано с тем, что при симультанном предъявлении помимо фонологической репрезентации в РП удерживается также и зрительная репрезентация всей строки (Frick, 1985) или ее частей (chunks) (Solopchuk et al., 2016; Thalmann et al., 2019), что облегчает запоминание порядка элементов. В случае ломаных линий преимущество статического режима предъявления над динамическим режимом в точности воспроизведения, показанное в наших предыдущих исследованиях (Корнеев, Курганский, 2014а), может быть объяснено похожим образом: при статическом воспроизведении в РП помимо серии сегментов ломаной удерживается также репрезентация частей ломаной или всей ломаной как единого объекта (Obaidellah, Cheng, 2015). Можно также привести соображения экологического характера: в типичном опыте человека статическое предъявление выбранных нами объектов — ломаных линий и строчек букв — происходит гораздо чаще, чем их динамическое предъявление. Нельзя исключить, что для случая поэлементного предъявления элементов последовательности не выработано достаточно эффективных механизмов РП.

Большинство исследователей склоняются к тому, что порядок элементов последовательности (серийный порядок) сохраняется в РП за счет общего модально-неспецифического механизма (Ginsburg et al., 2017; Hurlstone, Hitch, 2018; Majerus, 2019). Казалось бы, фактор РЕЖИМ должен оказывать сходное влияние на точность воспроизведения как ломаных, так и букв. Почему же тогда разница в точности воспроизведения ломаных оказалась существенно больше? По-видимому, это связано с тем, что в случае предъявления ломаных в динамическом режиме испытуемый воспринимает не серию элементов (сегментов ломаной), а движущуюся точку. Как показывает ряд исследований, мозговые системы, обеспечивающие восприятие и хранение формы на основе статического изображения и движущегося объекта, различны (Kriegeskorte et al., 2003; Donato et al., 2020). Не исключено, что реконструкция формы на основе движения сложнее и поэтому сопряжена с бóльшим числом ошибок.

Приведенные выше соображения по поводу преимущества статического режима предъявления над динамическим в точности воспроизведения последовательности объясняют и характер взаимодействия РЕЖИМ $\times$ ДЛИНА (рисунок 3Б): усредненная по двум типам последовательностей точность воспроизведения оказывается выше при статическом предъявлении за счет дополнительной зрительной репрезентации последовательности как целого или ее подгрупп.

Значимое влияние фактора ДЛИНА означает, что мы получили ожидаемый из литературы «эффект длины», состоящий в том, что с увеличением элементов

последовательности растёт число ошибок (Barton et al., 2014). Однако наличие и характер взаимодействия $\text{СТИМУЛ} \times \text{ДЛИНА}$ (рисунок 3В) указывают на то, что при увеличении длины последовательности букв точность ее воспроизведения падает сильнее, чем в случае ломаных. Бóльшая точность воспроизведения последовательности букв малой и средней длины связана, вероятно, с тем, что на этапе воспроизведения испытуемому предъявляются все элементы последовательности, которую он должен был удерживать в РП. Это облегчает задачу припоминания правильного порядка элементов. Несколько меньшая зависимость точности воспроизведения от длины последовательности для ломаных может быть связана с тем, что в этом случае роль репрезентации ломаной в качестве целостного объекта или групп выше, чем это имеет место для вербальных последовательностей, поскольку последние состоят из согласных и не образуют не только слов, но даже частотных морфологических единиц (корней слов, окончаний и т.п.).

Время реакции

Анализ времени реакции (RT) показал, что на эту величину не влияет фактор РЕЖИМ, причем не выявлено ни одного значимого взаимодействия с участием этого фактора. Таким образом, режим предъявления не влияет на скрытые процессы, непосредственно предшествующие моторному воспроизведению запомненных последовательностей. Это наблюдение не согласуется с ранее полученными данными о существенной разнице между динамическим и статическим режимами предъявления при задержке в 500 мс и отсутствии таковой при задержке в 3000 мс для воспроизведения ломаной линии. Возможно, это связано с тем, что в предшествующих экспериментах использовалось условие немедленного воспроизведения, при котором различие RT между двумя режимами было максимальным. С увеличением времени задержки ответа различия между режимами нивелировались. В настоящем исследовании минимальная задержка составляла 500 мс, за счет чего общие различия RT в двух режимах предъявления оказались статистически недостоверными.

Как уже отмечалось, в силу особенностей экспериментальной модели уровни фактора СТИМУЛ , LET и TRJ, сопряжены с существенными различиями в способах воспроизведения буквенных последовательностей и ломаных линий. Эти различия и связанные с ними различия в когнитивных операциях делают бессмысленным непосредственное сравнение RT для последовательностей LET и TRJ. Однако взаимодействие $\text{СТИМУЛ} \times \text{ЗАДЕРЖКА}$ является информативным и заслуживает обсуждения.

Как показывает рисунок 5А, при воспроизведении ломаных наблюдается существенное сокращение RT от 950 до 720 мс с ростом времени удержания в РП от 500 мс до 3 сек. В предыдущей работе сокращение RT было проинтерпретировано как свидетельство спонтанного процесса преобразования репрезентации ломаной из перцептивной в более близкую к моторной абстрактную форму (Корнеев, Курганский, 2013), и возможность такого преобразования

подтверждается также в недавних публикациях (Rose, 2020; Chota, Van der Stigchel, 2021). При короткой задержке такое преобразование не успевает завершиться и продолжается в течение латентного периода движения. При достаточно длинной задержке императивного сигнала процесс преобразования репрезентации успевает завершиться до его появления, что приводит к сокращению латентного периода моторного ответа. Следует отметить, что при воспроизведении буквенных последовательностей RT практически не меняется, что может говорить об отсутствии или меньшей выраженности преобразования репрезентации в случае удержания в РП вербальной последовательности. В любом случае, полученные результаты говорят о разной динамике репрезентации при удержании информации разного типа.

Из рисунка 5А видно, что в случае воспроизведения буквенных последовательностей RT практически не изменяется при варьировании времени удержания в РП от половины до трех секунд. Это означает, что поэлементное сличение сохраненной в РП репрезентации исходной вербальной последовательности с представленной зрительно на этапе воспроизведения той же, но рандомизированной последовательностью букв требует одинакового времени и при короткой, и при длинной задержке. Таким образом, полученные данные не дают оснований ожидать каких-либо спонтанных преобразований репрезентации буквенной последовательности в период ее удержания в РП в отличие от репрезентации ломаной линии.

Также, по нашему мнению, можно обсудить взаимодействие $\text{СТИМУЛ} \times \text{ДЛИНА}$, хотя этот эффект после поправки на множественное тестирование стал незначимым, что указывает на необходимость его дополнительной проверки. Однако профили RT на рисунке 5Б достаточно интересны и достойны рассмотрения. Из рисунка видно, что RT существенно зависит от длины последовательности в случае воспроизведения порядка букв, но не зависит от числа сегментов при воспроизведении ломаных линий. Последнее не согласуется с результатами нашего предыдущего исследования (Корнеев, Курганский, 2013), в котором для динамического режима предъявления было выявлено линейное возрастание RT с ростом числа сегментов при воспроизведении ломаных линий. Не исключено, что такое расхождение между настоящими результатами и данными предыдущего исследования связано с меньшими требованиями к скорости реагирования на императивный сигнал и, соответственно, с использованием текущего программирования (Alouche et al., 2012) последовательности движений при копировании ломаной вместо предварительного программирования независимо от числа элементов ломаной. В случае букв речь не идет о предварительном программировании: каждый двигательный ответ — это реакция на найденную в ходе зрительного поиска очередную букву, поэтому снижение требований к скорости реагирования не сказывается на латентном времени воспроизведения последовательности букв. В пользу такого объяснения свидетельствует тот факт, что в настоящей работе среднее RT более чем на 200 мс превосходит то, которое сообщалось в другой работе (Корнеев, Курганский, 2013).

Что касается выраженной линейной зависимости RT от длины буквенной последовательности, то она хорошо соответствует данным литературы о зависимости

времени зрительного поиска от количества элементов в случае серийного режима (Moran et al., 2016).

Подводя итог проведенному исследованию, можно заметить, что полученные результаты указывают на ряд различий в характере репрезентаций использованных нами вербальных и невербальных последовательностей в рабочей памяти. Можно предположить, что в случае невербальной последовательности (траектории) определение порядка элементов происходит непосредственно перед воспроизведением (на это указывают и результаты предыдущих исследований: Корнеев, Курганский, 2014б), что приводит к различиям в RT при варьировании времени удержания информации. В случае удержания вербальной последовательности порядок элементов устанавливается раньше, при восприятии последовательности, что может сокращать время реакции и делает его независимым от времени удержания информации. Если обратиться к упомянутому во введении вопросу о специфичности или универсальности механизмов сохранения серийной информации разной модальности, то наши результаты скорее говорят о специфичности кодирования серийного порядка в зависимости от типа удерживаемой информации.

Также следует отметить, что при интерпретации полученных результатов важным оказался не только учет особенностей типа (вербального и невербального) и способа предъявления (статического или динамического) стимулов, но и характер ответа испытуемого — воспроизведение всего стимула-траектории или установление порядка элементов (букв). Данное различие в задачах, предлагаемых испытуемому, может также оказывать влияние на формирование репрезентации последовательности. Это согласуется с экспериментальными исследованиями позиционных эффектов при воспроизведении последовательностей букв и цифр, указывающими на различное влияние способа воспроизведения последовательности (устного или письменного) в зависимости от использования стимулов в слуховой или визуальной модальности (Harvey, Weaman, 2007). Таким образом, обсуждение особенностей репрезентаций серийной информации разной модальности и предъявляемой разными способами должно проводиться с учетом особенностей характера ответа испытуемого. В рамках нашей статьи это подробно не анализируется, однако такой анализ может стать одним из направлений дальнейших исследований.

Выводы

Анализ эффективности зрительной РП при задержанном воспроизведении последовательностей вербальных и невербальных стимулов выявил как общие, так и специфические по отношению к модальности зависимости точности и латентного времени двигательного ответа от анализируемых экспериментальных факторов — режима предъявления, длины последовательностей и времени задержки.

Точность воспроизведения обоих типов последовательностей качественно сходным образом зависит от режима предъявления и количества элементов: она меньше в динамическом режиме и падает с ростом длины последовательности.

При этом использование динамического режима в большей степени сказывается на точности воспроизведения ломаных линий, чем буквенных последовательностей.

Увеличение количества элементов, напротив, больше снижает точность воспроизведения последовательностей букв по сравнению с невербальными последовательностями.

Время удержания информации в РП существенно влияет на латентное время двигательного ответа только при воспроизведении ломаных линий, но не буквенных последовательностей. При этом латентное время ответа возрастает при увеличении длины последовательности букв, но не изменяется при увеличении количества элементов ломаной линии.

В целом, результаты указывают на различия в механизмах сохранения и преобразования вербальной и невербальной серийной информации в рабочей памяти. Судя по полученным данным, вербальная информация по сравнению с невербальной сохраняется в большей степени как последовательность, при этом претерпевает меньше изменений в процессе удержания в рабочей памяти в задачах, связанных с воспроизведением порядка элементов.

Литература

- Корнеев, А., Курганский, А. (2013). Внутренняя репрезентация серии движений при воспроизведении статического рисунка и траектории движущегося объекта. *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*, 63(4), 437–450. <https://doi.org/10.7868/S0044467713040060>
- Корнеев, А. А., Курганский, А. В. (2014а). Влияние способа зрительного предъявления сложной траектории на временные параметры ее отсроченного двигательного воспроизведения. *Психологические исследования*, 7(37). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i37.594>
- Корнеев, А. А., Курганский, А. В. (2014б). Преобразование порядка движений в серии, заданной зрительным образцом. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 61–74.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Agam, Y., Bullock, D., Sekuler, R. (2005). Imitating unfamiliar sequences of connected linear motions. *Journal of Neurophysiology*, 94(4), 2832–2843. <https://doi.org/10.1152/jn.00366.2005>
- Alouche, S. R., Sant'Anna, G. N., Biagioni, G., & Ribeiro-do-Valle, L. E. (2012). Influence of cueing on the preparation and execution of untrained and trained complex motor responses. *Brazilian Journal of Medical and Biological Research*, 45(5), 425–435. <https://doi.org/10.1590/S0100-879X2012007500053>
- Baddeley, A. D., & Hitch, G. (1974). Working memory. *Psychology of Learning and Motivation*, 8, 47–89. [https://doi.org/10.1016/S0079-7421\(08\)60452-1](https://doi.org/10.1016/S0079-7421(08)60452-1)
- Barton, J. J. S., Hanif, H. M., Björnström, L. E., & Hills, C. (2014). The word-length effect in reading: A review. *Cognitive Neuropsychology*, 31(5–6), 378–412. <https://doi.org/10.1080/02643294.2014.895314>
- Brown, G. G., Turner, T. H., Mano, Q. R., Bolden, K., & Thomas, M. L. (2013). Experimental manipulation of working memory model parameters: An exercise in construct validity. *Psychological Assessment*, 25(3), 844–858. <https://doi.org/10.1037/a0032577>

- Burgess, N., & Hitch, G. J. (1999). Memory for serial order: A network model of the phonological loop and its timing. *Psychological Review*, 106, 551–581.
- Burin, D. I., González, F. M., Martínez, M., & Marrujo, J. G. (2021). Expository multimedia comprehension in E-learning: Presentation format, verbal ability and working memory capacity. *Journal of Computer Assisted Learning*, 37(3), 797–809. <https://doi.org/10.1111/jcal.12524>
- Carpenter, R., & Alloway, T. (2019). Computer versus paper-based testing: are they equivalent when it comes to working memory? *Journal of Psychoeducational Assessment*, 37(3), 382–394. <https://doi.org/10.1177/0734282918761496>
- Chota, S., & Van der Stigchel, S. (2021). Dynamic and flexible transformation and reallocation of visual working memory representations. *Visual Cognition*, 29(7), 409–415. <https://doi.org/10.1080/13506285.2021.1891168>
- Curtis, C. E., & Sprague, T. C. (2021). Persistent activity during working memory from front to back. *BioRxiv*. <https://doi.org/10.1101/2021.04.24.441274>
- D'Esposito, M., & Postle, B. R. (2015). The cognitive neuroscience of working memory. *Annual Review of Psychology*, 66(1), 115–142. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010814-015031>
- Della Sala, S., Gray, C., Baddeley, A., Allamano, N., & Wilson, L. (1999). Pattern span: A tool for unwinding visuo-spatial memory. *Neuropsychologia*, 37(10), 1189–1199. [https://doi.org/10.1016/S0028-3932\(98\)00159-6](https://doi.org/10.1016/S0028-3932(98)00159-6)
- Donato, R., Pavan, A., & Campana, G. (2020). Investigating the Interaction between form and motion processing: a review of basic research and clinical evidence. *Frontiers in Psychology*, 11, 566848. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.566848>
- Ebbinghaus, H. (1964). *Memory: A contribution to experimental psychology*. New York, NY: Dover.
- Farrell, S., & Lewandowsky, S. (2002). An endogenous distributed model of ordering in serial recall. *Psychonomic Bulletin & Review*, 9(1), 59–79. <https://doi.org/10.3758/BF03196257>
- Frick, R. W. (1985). Testing visual short-term memory: Simultaneous versus sequential presentations. *Memory & Cognition*, 13(4), 346–356. <https://doi.org/10.3758/BF03202502>
- Ginsburg, V., Archambeau, K., van Dijck, J.-P., Chetail, F., & Gevers, W. (2017). Coding of serial order in verbal, visual and spatial working memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 146(5), 632–650. <https://doi.org/10.1037/xge0000278>
- Gmeindl, L., Walsh, M., & Courtney, S. M. (2011). Binding serial order to representations in working memory: A spatial/verbal dissociation. *Memory & Cognition*, 39(1), 37–46. <https://doi.org/10.3758/s13421-010-0012-9>
- Guidali, G., Pisoni, A., Bolognini, N., & Papagno, C. (2019). Keeping order in the brain: The supramarginal gyrus and serial order in short-term memory. *Cortex*, 119, 89–99. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2019.04.009>
- Harvey, A. J., & Beaman, C. P. (2007). Input and output modality effects in immediate serial recall. *Memory*, 15(7), 693–700.
- Hurlstone, M. J., & Hitch, G. J. (2018). How is the serial order of a visual sequence represented? Insights from transposition latencies. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 44(2), 167–192. <https://doi.org/10.1037/xlm0000440>
- Hurlstone, M. J., Hitch, G. J., & Baddeley, A. D. (2014). Memory for serial order across domains: An overview of the literature and directions for future research. *Psychological Bulletin*, 140(2), 339–373. <https://doi.org/10.1037/a0034221>

- Jones, D., Farrand, P., Stuart, G., & Morris, N. (1995). Functional equivalence of verbal and spatial information in serial short-term memory. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 21(4), 1008–1018. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.21.4.1008>
- Kang, M.-S., Hong, S. W., Blake, R., & Woodman, G. F. (2011). Visual working memory contaminates perception. *Psychonomic Bulletin & Review*, 18(5), 860–869. <https://doi.org/10.3758/s13423-011-0126-5>
- Korneev, A. A., & Kurganskii, A. V. (2013). Internal representation of movement sequences built upon either static line drawings or trajectories of moving object. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deiatelnosti imeni I.P. Pavlova*, 63(4), 437–450. <https://doi.org/10.7868/S0044467713040060> (in Russian)
- Korneev, A. A., & Kurgansky, A. V. (2014b). Change in order of movements constituting in series set by visual template. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 61–74. (in Russian)
- Korneev, A., & Kurgansky, A. (2014a). The impact of a mode of visual presentation of a complex trajectory on reaction time scores in delayed response task. *Prikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*, 7(37). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i37.594> (in Russian)
- Kriegeskorte, N., Sorger, B., Naumer, M., Schwarzbach, J., Boogert, E. van den, Hussy, W., & Goebel, R. (2003). Human cortical object recognition from a visual motion flowfield. *Journal of Neuroscience*, 23(4), 1451–1463. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.23-04-01451.2003>
- Lehnert, G., & Zimmer, H. D. (2008). Modality and domain specific components in auditory and visual working memory tasks. *Cognitive Processing*, 9(1), 53–61. <https://doi.org/10.1007/s10339-007-0187-6>
- Logie, R. H. (1995). *Visuo-spatial working memory*. Psychology Press.
- Majerus, S. (2019). Verbal working memory and the phonological buffer: The question of serial order. *Cortex*, 112, 122–133. <https://doi.org/10.1016/j.cortex.2018.04.016>
- Mammarella, I. C., Pazzaglia, F., & Cornoldi, C. (2008). Evidence for different components in children's visuospatial working memory. *British Journal of Developmental Psychology*, 26(3), 337–355. <https://doi.org/10.1348/026151007X236061>
- Marshuetz, C. (2005). Order information in working memory: an integrative review of evidence from brain and behavior. *Psychological Bulletin*, 131(3), 323–339. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.3.323>
- Moran, R., Zehetleitner, M., Liesefeld, H. R., Müller, H. J., & Usher, M. (2016). Serial vs. parallel models of attention in visual search: Accounting for benchmark RT-distributions. *Psychonomic Bulletin & Review*, 23(5), 1300–1315. <https://doi.org/10.3758/s13423-015-0978-1>
- Nairne, J. S. (1990). A feature model of immediate memory. *Memory & Cognition*, 18, 251–269.
- Obaidellah, U. H., & Cheng, P. C.-H. (2015). The role of chunking in drawing reyes complex figure. *Perceptual and Motor Skills*, 120(2), 535–555. <https://doi.org/10.2466/24.PMS.120v17x6>
- Rhodes, B. J., Bullock, D., Verwey, W. B., Averbeck, B. B., & Page, M. P. A. (2004). Learning and production of movement sequences: Behavioral, neurophysiological, and modeling perspectives. *Human Movement Science*, 23(5), 699–746. <https://doi.org/10.1016/j.humov.2004.10.008>
- Rose, N. S. (2020). The dynamic-processing model of working memory. *Current Directions in Psychological Science*, 29(4), 378–387. <https://doi.org/10.1177/0963721420922185>
- Solopchuk, O., Alamia, A., Olivier, E., & Zénon, A. (2016). Chunking improves symbolic sequence processing and relies on working memory gating mechanisms. *Learning & Memory*, 23(3), 108–112. <https://doi.org/10.1101/lm.041277.115>
- Thalmann, M., Souza, A. S., & Oberauer, K. (2019). How does chunking help working memory? *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 45(1), 37–55. <https://doi.org/10.1037/xlm0000578>

СВЯЗЬ ИДЕНТИФИКАЦИЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В ВУЗЕ

А.В. СИДОРЕНКОВ^а, В.А. ШТРОО^б, Е.Ф. БОРОХОВСКИЙ^с

^а Южный федеральный университет, 344006, Ростов-на-Дону, Россия, ул. Большая Садовая, д. 105/42

^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Москва, Россия, ул. Мясницкая, д. 20

^с Университет Конкордия, H3G 1M8, г. Монреаль (Квебек), бул. де Мезоннёв, д. 1455, Канада

Relationship between Identifications and Organizational Citizenship Behavior of Academic Personnel in Universities

A.V. Sidorenkov^a, W.A. Stroh^b, E.F. Borokhovskii^c

^a Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

^b HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

^c Concordia University, H3G 1M8, Montreal, GA-2.126, Boulevard de Maisonneuve West, 1455, QC, Canada

Резюме

Цель исследования — изучить наличие и характер связи идентификаций (персональной, межличностной, микрогрупповой, групповой, суборганизационной и организационной по когнитивному и аффективному компоненту в каждой) с двумя разновидностями организационного гражданского поведения (высказыванием квалифицированных идей и предложений, оказанием помощи и поддержки коллегам) научно-педагогических работников внутри кафедр. Выборку составили 158 научно-педагогических работников из семи государственных вузов. Были использованы

Abstract

The objective of the study was to identify the presence and nature of the relationship of identifications (personal, interpersonal, micro-group, group, sub-organizational and organizational in terms of their cognitive and affective components) with two types of organizational citizenship behavior (offering quality ideas and suggestions, providing help and support to colleagues) in academic personnel of higher education institutions. The sample consisted of 158 research and pedagogical professionals from seven state universities.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-013-00393 («Идентичность и организационное поведение сотрудников: многоуровневый анализ»).

This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-013-00393, “Identities and organizational behaviors of employees: A multilevel analysis”).

четыре авторских опросника для измерения соответствующих идентификаций и опросник для оценки двух разновидностей организационного гражданского поведения внутри малых групп (кафедр). Обнаружено, что групповая идентификация по когнитивному компоненту значимо положительно связана с квалифицированными идеями и предложениями, а по аффективному компоненту — с двумя разновидностями организационного гражданского поведения. Другие идентификации значимо не связаны с этими разновидностями поведения. Предиктором высказывания квалифицированных идей и предложений также является соотношение групповой идентификации с организационной (по когнитивному компоненту), микрогрупповой (по аффективному компоненту) и персональной (по аффективному компоненту) идентификациями. Соотношение групповой идентификации с персональной идентификацией (по аффективному компоненту) также значимо связано с оказанием помощи и поддержки. Между групповой идентификацией и перечисленными идентификациями наблюдаются своего рода взаимоисключения с точки зрения их совместной связи с разновидностями организационного гражданского поведения. Чем сильнее групповая идентификация и слабее другая идентификация, тем сильнее проявляется соответствующее гражданское поведение. Полученные результаты расширяют представление о связях идентификаций с гражданским поведением сотрудников в малых группах на примере научно-педагогических работников вузов.

Ключевые слова: персональная идентификация, межличностная идентификация, микрогрупповая идентификация, групповая идентификация, суборганизационная идентификация, организационная идентификация, организационное гражданское поведение.

Сидоренков Андрей Владимирович — профессор, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет, доктор психологических наук.
Сфера научных интересов: социальная психология малой группы, психология управления, психодиагностика.
Контакты: av.sidorenkov@yandex.ru

Four proprietary questionnaires were used to measure related identifications and a questionnaire to assess two types of organizational citizenship behavior. It was found that group identification by its cognitive component was significantly positively associated with offering quality ideas and suggestions, whereas group identification by its affective component was linked with both manifestations of organizational citizenship behavior. Other identifications were not significantly associated with such behaviors. Another predictor of offering quality ideas and suggestions was the ratio of group identification to organizational identification (by their cognitive component), as well as the ratio of group identification to micro-group and personal identifications (by their affective component). There was a kind of mutual exclusion between the group identification and other identifications in terms of their joint relationship with certain varieties of organizational citizenship behavior. The stronger the group identification and the weaker the other identification was, the stronger was the corresponding citizenship behavior. The obtained results expand our understanding of the relationships between identifications and citizenship behavior of employees in small groups as exemplified by the samples of academic professionals in universities.

Keywords: personal identification, interpersonal identification, micro-group identification, group identification, sub-organizational identification, organizational identification, organizational citizenship behavior.

Andrey V. Sidorenkov — Professor, Academy of Psychology and Education, Southern Federal University, DSc in Psychology.
Research Area: psychology of small groups, organizational psychology, psychological assessment.
E-mail: av.sidorenkov@yandex.ru

Штроо Владимир Артурович — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: социальная психология малой группы, организационная психология, социально-психологический тренинг.

Контакты: vstroh@hse.ru

Бороховский Евгений Федорович — ассоциированный профессор, руководитель метааналитических проектов, Университет Конкордия (Монреаль, Канада), PhD.

Сфера научных интересов: методология метаанализов и систематических обзоров в области социальной и педагогической психологии.

Контакты: eborokhovski@education.concordia.ca

Wladimir A. Stroh — Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: psychology of small groups, organizational psychology, socio-psychological training.

E-mail: vstroh@hse.ru

Eugene F. Borokhovski — Affiliate Associate Professor, Department of Education, Systematic Reviews Project Manager, Centre for the Study of Learning and Performance (CSLP), Concordia University, PhD in Psychology.

Research Area: methodology of systematic reviews and meta-analyses in social and educational psychology.

E-mail: eugene.borokhovski@concordia.ca

Конструкт «организационное гражданское поведение» (ОГП) (Organ, 1988), как близкие ему по содержанию понятия «экстраролевое поведение» (van Dyne et al., 1995) и «контекстное выполнение» (Borman, Motowidlo, 1993), отображает поведение сотрудников, непосредственно не связанное с их трудовыми обязанностями, но совершаемое во благо организации, группы и/или конкретных людей (руководителя, коллег, клиентов).

Такое просоциальное поведение влияет на выполнение работы, эффективность и уменьшение затрат (Podsakoff et al., 2009), готовность к организационным изменениям (Наумцева, Штроо, 2020). ОГП часто представлено в литературе как обобщенный конструкт. Однако некоторые исследователи выделяют конкретные проявления (измерения) ОГП, например, помогающее поведение, миротворчество, высказывание мнений, продвижение интересов организации, принятие и соблюдение организационных правил. Предложено несколько типологий проявлений гражданского поведения: 1) поведение, адресованное другим индивидам, и поведение, направленное на организацию (Williams, Anderson, 1991); 2) поведение, ориентированное на принадлежность, и поведение, ориентированное на вызов (van Dyne et al., 1995); 3) поведение, направленное на персональную работу, других людей, отношения, деятельность группы (подразделения и/или организации) и соблюдение организационных требований, правил (Сидоренков и др., 2019). В данном исследовании мы будем изучать две разновидности поведения в малой группе: высказывание квалифицированных идей и предложений и оказание помощи и поддержки коллегам. Их выбор обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, они относятся к разным типам ОГП: высказывание квалифицированных идей и предложений — поведение, направленное на деятельность группы/организации, а оказание помощи и поддержки коллегам — поведение, ориентированное на других людей. Во-вторых, в исследованиях, в которых рассматриваются

конкретные проявления ОГП, часто оцениваются такие из них, как высказывание мнения и помогающее поведение в общеорганизационном контексте. В сравнении с ними высказывание квалифицированных идей и предложений и оказание помощи и поддержки коллегам имеют как общие, так и отличительные особенности (Сидоренков, Бороховский, 2020), и, что важно, в данном исследовании они оцениваются в контексте малой группы (кафедры).

Чаще изучают ОГП сотрудников в коммерческих организациях и административных учреждениях (например: Seppälä et al., 2012; van der Borgh et al., 2019), заметно реже — научно-педагогических работников в вузах (Michel et al., 2010; Tsui, Ngo, 2015). Очевидно, что вузы в современной России находятся в условиях постоянной трансформации и возрастающих требований к ним. С одной стороны, регулярно обновляются стандарты и, соответственно, образовательные программы, на разных уровнях иницируется значительное количество проектов, в образовательный процесс внедряются разного рода инновации и т.д. С другой стороны, от вузов ожидается интенсивное продвижение в международных и внутренних рейтингах. В таких условиях становятся как никогда актуальными высокая включенность научно-педагогических работников в решение многих задач и их сверхнормативная активность, в том числе выходящая за рамки их основных обязанностей и нормативов временных трудовых затрат.

Специалисты обращают внимание на разные antecedents гражданского поведения, среди которых особо выделяют определенные идентификации работников в организации. Мы будем рассматривать такие из них, как персональная, межличностная (идентификация с коллегами, руководителем), микрогрупповая (идентификация с неформальной подгруппой в малой группе), групповая (идентификация с малой группой / командой), суборганизационная (идентификация с вторичным структурным подразделением) и организационная (идентификация с организацией). Причем микрогрупповую, групповую, суборганизационную и организационную идентификации можно объединить общим понятием, таким как социальные идентификации. Это согласуется с получившей широкое распространение идеей о множественности социальной идентификации (Hogg et al., 2004). В этом исследовании идентификация (охватывая все вышеперечисленные ее уровни) понимается как ощущение и переживание индивидом своей сопричастности значимому субъекту (индивидуальному или коллективному) и связи с ним, восприятие себя или другого в соответствии с его (ее) актуальными характеристиками, а также переживание событий, происходящих с ним (ней) (Сидоренков и др., 2019). Все идентификации, в том числе персональная, в своей основе имеют связь индивида с собой или другим субъектом.

Проблемы исследования связи между идентификациями и гражданским поведением работников

Обзор литературы, в том числе систематических обзоров и метаанализов (Сидоренков и др., 2021; Lee et al., 2015; Riketta, 2005; Riketta, van Dick, 2005),

позволил выявить несколько важных обстоятельств, касающихся тематики данного исследования.

Во-первых, предиктором ОГП в большинстве работ является идентификация с организацией, а реже всего — идентификация с подразделением и идентификация с неформальной подгруппой. В литературе трудно обнаружить исследования, в которых бы изучалась связь персональной идентификации с ОГП.

Кроме того, в большинстве исследований ОГП сотрудников чаще изучалось на уровне всей организации и значительно реже — в контексте малой группы. Так как в средних и больших организациях есть официально оформленные структурные единицы — первичные (например, отделы, кафедры) и вторичные (управления, факультеты), то логично рассматривать ОГП не только в общеорганизационном контексте, но также на уровне малой группы и подразделения. Причем в таких организациях большинство рядовых сотрудников сильнее демонстрируют ряд проявлений ОГП в ингруппе, чем во всем подразделении (Сидоренков, Бороховский, 2020) или тем более во всей организации. Это связано с особенностями активности работников в данных организационных стратах: они выполняют свою работу и несут за нее ответственность прежде всего в ингруппе (отделе, кафедре и т.д.), более взаимозависимы и интенсивно общаются с членами своей группы, чем с представителями других групп, и т.д. Поэтому можно предположить, что групповая идентификация будет более сильно позитивно связана с ОГП в группе, чем суборганизационная и организационная идентификации. В частности, результаты метаанализа показали, что групповая привязанность (идентификация и приверженность) более сильно, по сравнению с организационной привязанностью (идентификацией и приверженностью), связана с экстраролевым поведением на уровне группы, чем организации (Riketta, van Dick, 2005).

Межличностная и микрогрупповая идентификации в одних случаях могут быть предиктором ОГП в группе, а в других — нет. Это обусловлено определенными организационными факторами и особенностями работы, например, степенью регулярности и интенсивности взаимодействия между членами группы. Так, регулярность взаимодействия между служащими, рабочими внутри отделов, бригад и т.п. заметно сильнее, чем между академическими работниками на кафедре. В последнем случае коллеги менее идентифицируются друг с другом внутри групп. В подобных группах не столь очевидно образование неформальных подгрупп и, следовательно, слабее будет микрогрупповая идентификация. Как следствие, в группах с низкой интенсивностью взаимодействия маловероятна сильная связь межличностной и микрогрупповой идентификаций с ОГП.

Во-вторых, некоторые идентификации могут не только по отдельности, но и в сочетании друг с другом быть связаны с ОГП. Например, было показано, что экстраролевое поведение сильнее проявляется тогда, когда сотрудники имеют одновременно сильную групповую и организационную идентификацию, нежели когда доминирует одна из них (van Dick et al., 2008). Однако также выявлено, что в сочетании друг с другом эти идентификации могут негативно действовать на ОГП (Климов, 2015). Мы предполагаем, что связь

соотношения социальных идентификаций (например, групповой и организационной) с ОГП зависит от ряда условий, например, от организационной страты, на которой проявляется это поведение (организация, подразделение, группа, подгруппа). Когда сотрудники демонстрируют ОГП преимущественно на уровне группы, то ведущую роль играет групповая идентификация. Вероятно, чем сильнее будет групповая идентификация и слабее какая-то другая социальная идентификация (например, микрогрупповая и организационная), тем сильнее будет определенное ОГП, и наоборот: сочетание слабой групповой идентификации и сильной другой идентификации будет сопровождаться более слабым соответствующим поведением. Такая связь распространяется скорее на поведение, ориентированное на улучшение деятельности группы (например, высказывание квалифицированных идей и предложений), чем на поведение, ориентированное на других людей (помощь и поддержка) или на отношения в группе. Это объясняется тем, что социальные идентификации больше зависят от эффективности и внешних атрибутов соответствующих структурных единиц (подразделения, группы) и организации в целом, чем от межличностных отношений сотрудников. Следовательно, соотношение групповой и иной социальной идентификации проецируется прежде всего на деятельность группы. В свою очередь, соотношение групповой и межличностной идентификаций будет затрагивать скорее поведение, ориентированное на других людей и на отношения в группе.

Также надо принимать во внимание соотношение групповой идентификации с персональной как вероятной детерминантой ОГП. Так, в социальной психологии есть две точки зрения на их соотношение. Согласно первой, они взаимоисключают друг друга (Turner, 1985), а вторая предполагает их комплементарность, т.е. равенство и взаимное дополнение в структуре Я (Deschamps, Devos, 1998). Обе точки зрения могут быть справедливы в зависимости от некоторых факторов, например, от содержания выполняемой работы и организационной среды. Например, в организациях с жесткой вертикалью власти и высокой регламентацией поведения сотрудников (например, в силовых структурах), вероятно, заметно слабее будет персональная и сильнее — социальная (например, организационная) идентификация, а также характерна тенденция к их взаимоисключению. В творческих профессиях (например, связанных с научной и образовательной деятельностью) многие работники склонны к более сильному проявлению своей индивидуальности, что обуславливает выраженную у них персональную идентификацию. При этом возможно взаимодополнение персональной и социальной идентификаций. Оно будет тем очевиднее, чем демократичнее атмосфера в организации. Однако может возникать диссонанс между ними, отображающий переживание сотрудником связи с собой и коллективом (аффективный компонент двух идентификаций).

В-третьих, очень мало исследований, в которых рассматривались бы компоненты идентификаций и их вклад в ОГП (например: van Dick et al., 2004). Вместе с тем компоненты определенной идентификации (например, когнитивный и аффективный) могут в разной степени обуславливать ОГП.

В-четвертых, исследователи редко обращают внимание на связь идентификации с ОГП у научно-педагогических работников вузов: на фоне общего количества работ, посвященных анализу данной связи, подобных исследований достаточно мало (см.: Michel et al., 2010; Shahjehan, Yasir, 2015; Tsui, Ngo, 2015; Wilkins et al., 2018).

Резюмируя сказанное, отметим, что у сотрудников в организации возникают разные идентификации и они могут демонстрировать разнообразные ОГП в контексте организации в целом, подразделения, малой группы и подгруппы. Проблема заключается в том, что практически не изучались связи некоторых идентификаций (например, микрогрупповой и персональной) с ОГП, не анализировались связи между соотношением разных идентификаций и конкретными измерениями или типами ОГП, фактически не рассматривалась роль компонентов (когнитивного и аффективного) в связях разных идентификаций и ОГП. Данное исследование направлено на восполнение этих пробелов.

Теоретическую основу исследования составила концептуальная многомерная модель идентификации работников в организации, которая имеет два измерения: 1) уровни идентификации (в зависимости от объекта идентификации): организационный, суборганизационный, групповой, микрогрупповой, межличностный и персональный; 2) компоненты идентификации (в зависимости от содержания идентификации): когнитивный и аффективный. Каждый уровень идентификации включает два компонента. У этой модели есть определенное ограничение: в полном объеме она может быть применима к организациям, в структуре которых присутствуют все организационные уровни. Если какой-то из них отсутствует (например, подразделение), то из анализа исключается соответствующий уровень идентификации. Другая концептуальная идея относится к множественности форм (разновидностей) ОГП работников, которые проявляются прежде всего в контексте малой группы, а не организации в целом.

Целью исследования является установление наличия и характера следующих связей: 1) между идентификациями (персональной, межличностной, микрогрупповой, групповой, суборганизационной и организационной), с одной стороны, и двумя проявлениями ОГП (высказывание квалифицированных идей и предложений, оказание помощи и поддержки коллегам) научно-педагогических работников внутри группы (кафедры), с другой; 2) между отношением групповой идентификации к другим идентификациям и двумя разновидностями ОГП на уровне группы (кафедры).

Гипотезы исследования таковы.

1а. Групповая идентификация имеет существенную позитивную связь с двумя проявлениями гражданского поведения — квалифицированными идеями и предложениями и помощью и поддержкой — работников в малых группах (на кафедрах).

1б. Организационная, суборганизационная, микрогрупповая, межличностная и персональная идентификации значимо не связаны ни с одним из двух проявлений ОГП работников в группе.

2а. Соотношение групповой и организационной идентификаций является предиктором квалифицированных идей и предложений работников в группах.

2б. Соотношение групповой и микрогрупповой идентификаций является предиктором квалифицированных идей и предложений работников в группах.

2в. Соотношение групповой и межличностной идентификаций является предиктором помощи и поддержки сотрудников в группах.

2г. Соотношение групповой и персональной идентификаций является предиктором и квалифицированных идей и предложений, и помощи и поддержки сотрудников в группах.

Участниками исследования стали научно-педагогические работники двадцати трех кафедр семи российских государственных вузов. Выборка составила 158 преподавателей (34.2% мужчин и 65.8% женщин) в возрасте от 23 до 75 лет ($M = 44.20$; $SD = 11.90$). Первоначально было обследовано 183 работника. Однако были исключены бланки 25 человек, в которых наблюдалось: а) отсутствие ответов по отдельным пунктам опросников; б) явное искажение руководителями (заведующими кафедрами) сделанных оценок своим сотрудникам по опроснику ОГП (руководитель либо выбрал одинаковые баллы по всем пунктам опросника, либо одинаковым образом оценил всех своих подчиненных).

Перед началом работы все испытуемые (сотрудники и их руководители) были проинформированы о целях исследования и дали в устной форме согласие принять в нем участие на условиях конфиденциальности. Кроме того, они должны были предоставить следующую информацию (за исключением руководителей): пол, возраст и продолжительность их работы в вузе. Затем участники заполняли опросники в бумажном или электронном вариантах. По окончании работы материалы были собраны исследователем.

В качестве *инструментария исследования* использовались четыре методики изучения идентификаций: «Опросник персональной идентификации» (ОПИ), «Опросник межличностной идентификации» (ОМИ), «Опросник групповой и микрогрупповой идентификаций» (ОГиМГИ) и «Опросник организационной и суборганизационной идентификаций» (ООиСОИ) (Сидоренков и др., 2019). Каждый опросник включает шесть пунктов по три в субшкалах когнитивного и аффективного компонентов идентификации. ОГиМГИ имеет два раздела — «Кафедра» (для измерения групповой идентификации) и «Общность коллег, с кем поддерживаю дружеские отношения» (для оценки микрогрупповой идентификации). ООиСОИ также включает две части: «Университет [Институт]» (для измерения организационной идентификации) и «Факультет [Департамент]» (для оценки суборганизационной идентификации). В этих двух опросниках участники должны были по каждому пункту делать ответы в двух соответствующих частях. Все опросники имеют шестибалльную шкалу оценивания (от «полностью не согласен» до «полностью согласен») и основаны на самоотчетах сотрудников.

Также применялся двухфакторный опросник организационного гражданского поведения, включающий следующие субшкалы: «квалифицированные идеи и предложения» и «помощь и поддержка» (по три пункта в каждой субшкале)

(Сидоренков, 2020). Первая субшкала измеряет поведение, которое можно отнести к категории «направленность на других людей», а вторая — поведение, соотносимое с категорией «направленность на деятельность группы». Каждая из них содержит три пункта, которые оцениваются посредством шестибалльной шкалы (от «полностью не согласен» до «полностью согласен»). Опросник основан на методе экспертных оценок и предполагает измерение двух соответствующих проявлений ОГП сотрудников внутри группы, т.е. кафедры. В качестве экспертов выступали заведующие кафедрами, которые оценивали своих сотрудников.

Статистическая обработка данных происходила следующим образом: рассчитывались описательные статистики и проводилась стандартизация показателей, определялось отношение между групповой идентификацией и другими идентификациями, осуществлялся корреляционный анализ Спирмена. Обработка данных выполнялась посредством программного пакета SPSS Statistics 23.

Результаты

Для проверки первой гипотезы была проведена корреляция между каждой идентификацией (по когнитивному и аффективному компонентам в отдельности), с одной стороны, и двумя измерениями ОГП, с другой. Из таблицы 1 видно, что групповая идентификация по когнитивному компоненту значимо положительно связана только с высказыванием квалифицированных идей и предложений, а по аффективному компоненту — с двумя проявлениями ОГП.

Таблица 1

Параметры описательной статистики и корреляций (коэффициент Спирмена) идентификаций и разновидностей ОГП

Идентификации		Измерения ОГП	
		Квалифицированные идеи и предложения	Помощь и поддержка
Уровни	М (SD)	13.11 (3.16)	13.45 (3.40)
Персональная	9.46 (3.75)/10.31 (3.45)	0.01/ 0.09	0.10/ 0.09
Межличностная	12.50 (2.63)/10.99 (2.98)	0.08/0.04	0.11/0.05
Микрогрупповая	13.20 (2.67)/13.91 (2.89)	0.00/0.01	0.03/0.13
Групповая	12.80 (3.22)/14.08 (3.02)	0.18*/0.17*	0.05/0.21**
Суборганизационная	12.09 (3.32)/13.19 (3.06)	0.01/0.11	0.04/0.14
Организационная	11.22 (3.27)/13.07 (3.42)	0.10/0.07	0.07/0.10

Примечание. Числа перед косой чертой — значения статистик и корреляции идентификаций по когнитивному компоненту, а за чертой — по аффективному компоненту.

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Следовательно, гипотеза 1а подтверждена. Остальные идентификации значимо не коррелируют ни с одним измерением ОГП, что подтверждает гипотезу 1б.

С целью проверки всех частей второй гипотезы первоначально было сделано преобразование показателей персональной и межличностной идентификаций в интервальную шкалу (стены). Данные микрогрупповой и групповой идентификаций, суборганизационной и организационной идентификаций не стандартизировались, так как для их измерения использовались одинаковые шкалы. Далее, были рассчитаны показатели отношения групповой идентификации со всеми другими идентификациями в отдельности. Для этого числовое значение групповой идентификации проставлялось в числителе, а значение другой идентификации — в знаменателе. Предполагалось, что чем сильнее групповая идентификация и слабее иная идентификация (например, организационная), тем вероятнее будет более высокая позитивная связь между соотношением двух идентификаций и определенной разновидностью ОГП в контексте группы. Наиболее показательным в математическом смысле является соотношение между групповой и иной идентификацией (у конкретного участника), значение которого выше 1. И наоборот, соотношение более слабой групповой идентификации и более сильной другой идентификации с высокой вероятностью будет отрицательно связано с проявлением ОГП. После этих расчетов проводилась корреляция (Спирмена) между показателями соотношения каждой пары идентификаций и двумя измерениями ОГП (см. таблицу 2).

Из таблицы 2 видно, что гипотеза 2а подтверждена по когнитивному компоненту идентификаций, гипотеза 2б — по аффективному компоненту, а гипотеза 2г — одновременно по двум компонентам. Гипотеза 2в не подтвердилась.

Обсуждение результатов

Обнаруженная нами значимая положительная связь групповой идентификации с двумя проявлениями ОГП вполне объяснима. Когда сотрудник

Таблица 2

Коэффициенты корреляции (Спирмена) соотношений двух идентификаций с разновидностями ОГП

Соотношение идентификаций	Измерения ОГП	
	Квалифицированные идеи и предложения	Помощь и поддержка
Групповая/Персональная	0.14/0.16*	0.13/0.18*
Групповая/Межличностная	0.07/0.11	−0.03/0.14
Групповая/Микрогрупповая	0.08/0.16*	−0.03/0.10
Групповая/Суборганизационная	0.11/0.02	0.03/0.07
Групповая/Организационная	0.22**/0.05	0.12/0.06

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

кафедры воспринимает и переживает связь с ингруппой, т.е. в высокой степени идентифицируется с ней, то в значимых для группы ситуациях он часто ведет себя не столько в соответствии с собственными интересами, сколько с позиции групповых приоритетов и задач. В том числе он демонстрирует некоторые проявления организационного гражданского поведения, которые полезны группе. Отсутствие значимых связей организационной идентификации с двумя разновидностями ОГП не согласуется с результатами других исследований, в которых у академических работников была обнаружена значимая позитивная связь этой идентификации с генерализованным ОГП (Shahjehan, Yasir, 2015; Tsui, Ngo, 2015) и с ОГП, ориентированным на организацию (Michel et al., 2010; Wilkins et al., 2018). Вероятно, это отличие обусловлено тем, что в нашем исследовании ОГП работников оценивалось руководителями, а в указанных исследованиях — посредством самоотчетов работников. Возникают вопросы: а) о допустимости сравнения результатов исследований, в которых используются разные подходы к оценке ОГП, т.е. на основе самоотчетов и экспертных оценок (руководителя или коллег); б) о достоверности результатов, основанных на самоотчете как наиболее субъективной форме измерения. Кроме того, наши результаты, свидетельствующие об отсутствии значимых связей организационной, суборганизационной и межличностной идентификаций с ОГП, не согласуются со многими данными, полученными на сотрудниках других сфер профессиональной деятельности (Сидоренков и др., 2021). Возможно, причина та же, что указана выше. Результаты связей микрогрупповой и персональной идентификаций с ОГП трудно сопоставить с другими данными в силу их фактического отсутствия в литературе.

Значимые положительные корреляции отношения групповой идентификации к организационной, микрогрупповой и персональной идентификациям с двумя или одним проявлениями ОГП отображают важный факт: между групповой идентификацией и указанными тремя идентификациями наблюдается некоторое взаимоисключение с точки зрения их совместной связи с определенными разновидностями ОГП. Этот результат (в части соотношения групповой и организационной идентификаций) отличается от эффектов интеракции идентификаций, обнаруженных в уже упомянутых исследованиях с противоречивыми результатами: одновременно сильная групповая и организационная идентификации положительно (van Dick et al., 2008) и отрицательно (Климов, 2015) связаны с экстраролевым поведением.

По совокупности всех результатов надо отметить, что есть определенные отличия роли когнитивного и аффективного компонентов идентификации в обнаруженных связях. Так, высказывание квалифицированных идей и предложений зависит от когнитивного и аффективного компонентов групповой идентификации, а оказание помощи и поддержки — только от аффективного компонента этой идентификации. Говоря о зависимости, мы имеем в виду наличие значимой связи групповой идентификации по соответствующему компоненту. Кроме того, установлено, что большинство обнаруженных значимых связей соотношения групповой идентификации с другими идентификациями представлено аффективным компонентом.

Результаты исследования расширяют представление о связях идентификаций и отношения групповой идентификации к другим идентификациям с ОГП сотрудников в малых группах на примере научно-педагогических работников. Характерной особенностью такой категории работников является относительно низкая регулярность и интенсивность их взаимодействия между собой по сравнению, например, с сотрудниками отделов в компаниях. На наш взгляд, такая особенность в значительной степени предопределила тот факт, что только их групповая идентификация значимо связана с ОГП. Однако для проверки данного предположения требуется сравнительное исследование.

Ранее исследования фокусировались, как правило, на связях одной идентификации (например, организационной) или, в лучшем случае, двух идентификаций, таких как организационная и групповая, с ОГП. В нашем исследовании показано, что надо принимать во внимание отношения групповой идентификации с организационной, микрогрупповой и персональной идентификациями, так как такие отношения являются предикторами ОГП. Кроме того, в единичных исследованиях фиксировались компоненты идентификации (например, когнитивный и аффективный). Полученные нами результаты показали, что сила связи с разновидностями ОГП групповой идентификации в ее соотношении с некоторыми другими идентификациями зависит от компонента идентификации.

Есть практическое применение результатов настоящего исследования. Руководители (например, заведующие кафедрами) могут дифференцированно прогнозировать такие формы поведения работников, как квалифицированные идеи и предложения, помощь и поддержка, в зависимости от выраженности у них групповой идентификации и ее соотношения с другими идентификациями. Они могут реализовать определенные мероприятия для усиления групповой идентификации, чтобы увеличить организационное гражданское поведение сотрудников на уровне кафедры: например, подчеркивать сходство по некоторым признакам между членами кафедры и позитивные отличия кафедры от других кафедр, ставить взаимозависимые для членов кафедры задачи, способствовать успеху кафедры в выполнении задач, вовлекать всех работников в процесс принятия решений в группе, инициировать конкуренцию кафедры с другими кафедрами и др.

Исследование имеет и некоторые ограничения. В выборку были включены сотрудники только государственных вузов, а потому возникает вопрос о возможности экстраполяции результатов исследования на коммерческие образовательные учреждения, а также организации иного типа, например бизнес-компании и силовые структуры. Роль определенных идентификаций в отдельности и соотношения идентификаций в проявлении гражданского поведения работников в группах может зависеть от степени значимости, выраженности и совместимости для работников определенных идентификаций, что обусловлено рядом факторов: совпадением или отличием целей коллективных субъектов, кооперативным или конкурентным взаимодействием между коллективными субъектами (например, между группами), уровнем

регулярности и интенсивности взаимодействия внутри группы и др. В данном исследовании мы не учитывали эти возможные модераторы. Отмеченные ограничения задают перспективу дальнейшего исследования.

Заключение

Предложенная концептуальная многомерная модель идентификации работников в организации и идея о соотношении их идентификаций по двум компонентам (когнитивному и аффективному), с одной стороны, и дифференцированный подход к пониманию их организационного гражданского поведения — с другой открывают важную перспективу изучения поставленной проблемы применительно к разным сферам профессиональной деятельности. В данной работе выдвинутые идеи позволили проанализировать характер связи с двумя разновидностями гражданского поведения научно-педагогических работников внутри кафедр: во-первых, их идентификаций в отдельности и, во-вторых, соотношения групповой идентификации с другими идентификациями.

Литература

- Климов, А. А. (2015). *Идентификация с организацией и рабочей группой как фактор экстраролевого поведения работника* [Кандидатская диссертация, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва].
- Наумцева, Е. А., Штроо, В. А. (2020). Психологическая готовность к организационным изменениям и ее социально-психологические предикторы. *Социальная психология и общество*, 11(4), 151–164. <http://doi.org/10.17759/sps.2020110411>
- Сидоренков, А. В. (2020). Разработка и апробация двухфакторного опросника организационного гражданского поведения работников. *Экспериментальная психология*, 13(2), 182–193.
- Сидоренков, А. В., Бороховский, Е. Ф. (2020). Гражданское поведение и организационная коммуникативность работников в институциональном контексте. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 119–131. <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.119-131>
- Сидоренков, А. В., Бороховский, Е. Ф., Воронцов, Д. В. (2021). Связь идентификации и гражданского поведения работников в организации: обзор эмпирических исследований. *Психологический журнал*, 42(1), 92–101.
- Сидоренков, А. В., Шипитько, О. Ю., Штильников, Д. Е., Штроо, В. А. (2019). Разработка инструментария изучения идентификации работников в организации. *Организационная психология*, 9(3), 74–102.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Borman, W. C., & Motowidlo, S. J. (1993). Expanding the criterion domain to include elements of contextual performance. In N. Schmitt & W. C. Borman (Eds.), *Personnel selection in organizations* (pp. 71–98). Jossey-Bass.

- Deschamps, J.-C., & Devos, T. (1998). Regarding the relationship between social identity and personal identity. In S. Worchel et al. (Eds), *Social identity: International perspectives* (pp. 1–12). Sage Publications, Inc. <http://doi.org/10.4135/9781446279205.n1>
- Hogg, M. A., Abrams, D., Otten, S., & Hincle, S. (2004). The social identity perspective: Intergroup relations, self-conception, and small groups. *Small Group Research*, 35(3), 246–276. <http://doi.org/10.1177/1046496404263424>
- Klimov, A. A. (2015). *Identifikatsiya s organizatsiei i rabochei gruppoi kak faktor ekstrarolevogo povedeniya rabotnika* [Identification with organization and working team as a factor of extra-role behavior of an employee] [PhD dissertation, HSE University, Moscow].
- Lee, E.-S., Park, T.-Y., & Koo, B. (2015). Identifying organizational identification as a basis for attitudes and behaviors: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 141(5), 1049–1080. <http://doi.org/10.1037/bul0000012>
- Michel, A., Stegmaier, R., & Sonntag, K. (2010). I scratch your back—You scratch mine. Do procedural justice and organizational identification matter for employees' cooperation during change? *Journal of Change Management*, 10(1), 41–59. <http://doi.org/10.1080/14697010903549432>
- Naumtseva, E. A., & Shtroh, W. A. (2020). Psychological readiness for organizational change and its socio-psychological predictors. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo* [Social Psychology and Society], 11(4), 151–164. <http://doi.org/10.17759/sps.2020110411> (in Russian)
- Organ, D. W. (1988). *Organizational citizenship behavior: The good soldier syndrome*. Lexington Books.
- Podsakoff, N. P., Blume, B. D., Whiting, S. W., & Podsakoff, P. M. (2009). Individual- and organizational-level consequences of organizational citizenship behaviors: A meta-analysis. *Journal of Applied Psychology*, 94(1), 122–141. <http://doi.org/10.1037/a0013079>
- Riketta, M. (2005). Organizational identification: A meta-analysis. *Journal of Vocational Behavior*, 66(2), 358–384. <http://doi.org/10.1016/j.jvb.2004.05.005>
- Riketta, M., & van Dick, R. (2005). Foci of attachment in organizations: A meta-analytic comparison of the strength and correlates of workgroup versus organizational identification and commitment. *Journal of Vocational Behaviour*, 67(3), 490–510. <http://doi.org/10.1016/j.jvb.2004.06.001>
- Seppälä, T., Lipponen, J., Bardi, A., & Pirttilä-Backman, A.-M. (2012). Change-oriented organizational citizenship behaviour: An interactive product of openness to change values, work unit identification, and sense of power. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 85(1), 136–155. <http://doi.org/10.1111/j.2044-8325.2010.02010.x>
- Shahjehan, A., & Yasir, M. (2015). Moderating effect of organizational identification on the relationship between organizational silence, organizational voice and organizational citizenship behaviors. *Gomal University Journal of Research*, 31(2), 41–52. <http://www.gujr.com.pk/index.php/GUJR/article/view/158/66>
- Sidorenkov, A. V. (2020). Development and testing of a two-factor questionnaire of organizational citizenship behavior of employees. *Ekspperimental'naya Psikhologiya* [Experimental Psychology (Russia)], 13(2), 182–193. <https://10.17759/exppsy.2020130212> (in Russian)
- Sidorenkov, A. V., Borokhovskii, E. F. (2020). Organizational citizenship behavior and communicativeness of employees in the institutional context. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 119–131. <http://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.2.119-131> (in Russian)
- Sidorenkov, A. V., Borokhovskii, E. F., & Vorontsov, D. V. (2021). Relationship between employees' identifications and organizational citizenship behaviors: The empirical researches reviewing. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 42(1), 92–101. <https://doi.org/10.31857/S020595920013339-8> (in Russian)

- Sidorenkov, A. V., Shipitko, O. Yu., Shtilnikov, D. E., & Shtroh, W. A. (2019). Development of tools for the study of employee identity in the organization. *Organizatsionnaya Psikhologiya [Organizational Psychology]*, 9(3), 74–102. (in Russian)
- Tsui, P. Y., & Ngo, H.-Y. (2015). A Study of organizational identification of faculty members in Hong Kong business schools. *Journal of Education for Business*, 90(8), 427–434. <http://doi.org/10.1080/08832323.2015.1087372>
- Turner, J. C. (1985). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behaviour. In E. J. Lawler (Ed.), *Advances in group processes: Theory and research* (Vol. 2, pp. 77–122). JAI Press.
- Van der Borgh, M., de Jong, A., & Nijssen, E. J. (2019). Why helping co-workers does not always make you poor: The contingent role of common and unique position within the sales team. *Industrial Marketing Management*, 77, 23–40. <http://doi.org/10.1016/j.indmarman.2017.09.007>
- Van Dick, R., van Knippenberg, D., Kerschreiter, R., Hertel, G., & Wieseke, J. (2008). Interactive effects of work group and organizational identification on job satisfaction and extra-role behavior. *Journal of Vocational Behavior*, 72, 388–399. <http://doi.org/10.1016/j.jvb.2007.11.009>
- Van Dick, R., Wagner, U., Stellmacher, J., & Christ, O. (2004). The utility of a broader conceptualization of organizational identification: Which aspects really matter? *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 77(2), 171–191. <http://doi.org/10.1348/096317904774202135>
- Van Dyne, L., Cummings L. L., & Parks J. M. (1995). Extra-role behaviors: In pursuit of construct and definitional clarity (A bridge over muddied waters). In L. L. Cummings & B. M. Staw (Eds.), *Research in organizational behavior* (Vol. 17, pp. 215–285). JAI Press.
- Wilkins, S., Butt, M. M., & Annabi, C. A. (2018). The influence of organisational identification on employee attitudes and behaviours in multinational higher education institutions. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 40(1), 48–66. <http://doi.org/10.1080/1360080X.2017.1411060>
- Williams, L. J., & Anderson, S. E. (1991). Job satisfaction and organizational commitment as predictors of organizational citizenship and in-role behaviors. *Journal of Management*, 17(3), 601–617. <http://doi.org/10.1177/014920639101700305>

ВЛИЯНИЕ ОШИБОК В ТЕКСТЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ОБ УМЕ И ИНТЕЛЛЕКТЕ АВТОРОВ

Т.А. СЫСОЕВА^а, С.В. ЯРОШЕВСКАЯ^а

*^а ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», 125009, Россия,
Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4*

How Errors in Text Influence Impressions about the Author's Wit and Intelligence

T.A. Sysoeva^a, S.V. Yaroshevskaya^a

*^a FBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, 9, Bld 4, Mokhovaya Str., Moscow, 125009,
Russian Federation*

Резюме

В современном мире, когда коммуникация часто осуществляется исключительно в рамках обмена текстовой информацией, актуальны исследования того, как формируется впечатление о различных индивидуально-психологических особенностях автора текста у читателя. Изучению подлежат вопросы точности этого впечатления и тех особенностей написанного, которые его формируют. Подобные работы часто проводятся с использованием корреляционных дизайнов, а попытки проверить влияние наличия или отсутствия тех или иных параметров текста, которые создают представление об авторе, с помощью экспериментальных процедур практически отсутствуют. В данной работе исследуется вопрос о формировании у читателя впечатления об уме/интеллекте автора текста. Ранее мы обнаружили, что респонденты часто указывают в качестве важного для оценки ума/интеллекта авторов текстов такой параметр, как наличие ошибок. Мы решили проверить, действительно ли и насколько сильно влияет этот фактор в условиях отсутствия у читателя доступа к другой информации об авторе. В двух исследованиях (N = 40 и N = 167)

Abstract

Nowadays, communication is often carried out exclusively through the exchange of text information, so research on how the reader forms an impression about an author seems relevant. Many studies explore the accuracy of impressions about various psychological characteristics of the author and text cues related to these impressions. Such works often use correlational designs and there are practically no attempts to check the influence of certain text features in experimental manipulations. This study explores the issue of how the reader's impression on the wit/intelligence of the author forms. In previous studies we found that respondents often indicate that the presence of errors in the text is important for forming an impression of the author's intelligence. We decided to check whether their presence indeed affects the perceived wit / intelligence. In two studies (N = 40 and N = 167) adult participants read texts written by real people with different levels of intelligence, the texts were presented either

взрослым респондентам показывались тексты, написанные реальными людьми с разным уровнем интеллекта и предъявляемые либо без орфографических и пунктуационных ошибок, либо с ними (ошибки добавлялись в тексты специально), по четыре текста каждой категории. Респондентов просили оценить по шкале от 1 до 10, насколько умным кажется автор, а также насколько высокий балл он набрал бы, выполняя тест интеллекта. В обоих исследованиях был обнаружен слабо выраженный основной эффект переменной «наличие ошибок в тексте». Это может интерпретироваться так, что, с одной стороны, наличие ошибок в тексте снижает впечатление о том, насколько умен его автор, а с другой, что иные содержащиеся в тексте признаки могут играть более существенную роль в формировании этого впечатления.

Ключевые слова: впечатление об интеллекте, впечатление об уме, авторские тексты, орфографические и пунктуационные ошибки, социальная перцепция.

Сысоева Татьяна Анатольевна — научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: переработка эмоционально окрашенной информации, социальная перцепция.

Контакты: tatiana.sysoeva@mail.ru

Ярошевская Светлана Викторовна — младший научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования.

Сфера научных интересов: качественные методы в психологии, критическая психология, социальная перцепция.

Контакты: yaroshevskaya@yandex.ru

with or without spelling and punctuation errors, each category consisted of 4 texts. Respondents were asked to rate how smart the author of the text seems to be using the scale from 1 to 10, as well as a score they would get if they performed an intelligence test. In both studies, a significant albeit small main effect of the variable "spelling and punctuation errors" was found, meaning that errors in a text reduces perceived intelligence of the author, but other features of a text may play a more significant role in shaping the impression.

Keywords: impressions about intelligence, texts, spelling and punctuation errors, social perception.

Tatiana A. Sysoeva — Research Fellow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, PhD in Psychology.

Research Area: emotional processing, social perception.

E-mail: tatiana.sysoeva@mail.ru

Svetlana V. Yaroshevskaya — Junior Research Fellow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education.

Research Area: qualitative research in psychology, critical psychology, social perception.

E-mail: yaroshevskaya@yandex.ru

В современном мире взаимодействие между людьми очень часто реализуется исключительно в форме обмена различного рода текстами (посты и комментарии в социальных сетях или блогах, электронные письма, сообщения в мессенджерах и т.п.). Иногда написанный текст — единственная доступная информация о человеке. Вопрос о том, как на основании написанного формируется впечатление о тех или иных характеристиках его автора, обсуждается в исследованиях социальной перцепции уже довольно давно, но не теряет актуальности: сформировавшиеся представления о людях могут сказываться

на решении продолжить общение и выработке стратегий взаимодействия, на доверии написанной информации и т.д.

Две основные линии исследования первых впечатлений об авторах по их текстам связаны с изучением различных параметров самих впечатлений (содержание и точность) и влияющих на них характеристик текстов (например, использование различных категорий слов, длинных и сложных предложений и т.п.). Часто анализу подлежат мнения о личностных характеристиках, входящих в Большую пятерку (Holleran, Mehl, 2008; Tskhay, Rule, 2014; Borkenau et al., 2016; и др.), о депрессивности (Rodriguez et al., 2010), игривости (playfulness) (Proyer, Brauer, 2018), субъективном благополучии (Stavrova, Naarmann, 2020) и т.п. Обычно работы проводятся в корреляционном дизайне: замеру подлежат подобные личностные характеристики, а также выбранные исследователями параметры написанных текстов и проверяются корреляции этих показателей с впечатлениями, которые создаются у читателей о соответствующих особенностях авторов.

Работы, где анализируются общие впечатления о том, насколько автор текста умен, существуют, но проводятся нечасто (см.: Küfner et al., 2010; Oppenheimer, 2006; Zablotskay et al., 2011). Тем не менее представление об уме может играть решающую роль в построении взаимодействия с человеком, особенно в случае, когда первым источником информации о нем является написанный им текст. В исследовательском проекте, частью которого является данная работа, мы пытаемся восполнить этот пробел, изучив, как и на основании каких признаков текста у читателей формируется суждение о том, насколько умен написавший его автор.

На первом этапе работы нами была предпринята попытка выяснить, что в тексте могло бы являться признаком того, что его автор недостаточно умен (Сысоева, Ярошевская, 2019). Респондентов просили написать небольшое эссе на свободную тему, а потом ответить на вопрос, чем отличался бы подобный текст, написанный менее умным человеком. Реакции были достаточно разнообразны, однако наиболее часто упомянутым параметром (его указали 50% участников) было наличие ошибок. Действительно, это очень легко приходит на ум в качестве ответа на подобный вопрос, и в повседневной жизни мы довольно часто сталкиваемся с тем, что наличие ошибок портит впечатление об авторе текста. Однако известно много примеров и того, что очень умные люди могут писать неграмотно.

Результаты исследований показывают, что наличие ошибок правописания негативно сказывается на восприятии интеллектуальных характеристик автора, преимущественно связанных с вербальными способностями (Figueredo, Varnhagen, 2005; Kreiner et al., 2002), причем чувствительными к этому оказываются даже дети (Varnhagen, 2000). Однако результаты неоднозначны, и такое влияние может проявляться лишь при чрезмерном количестве ошибок (Kreiner et al., 2002). Также, по эмпирическим данным, ошибки в резюме могут сказываться на вероятности приема на работу (Martin-Lacroux, Lacroux, 2017); большое количество грамматических ошибок в текстах новостей снижает впечатление об их информативности, качестве и достоверности (Appelman, Schmierbach, 2018) и т.д.

Обмен письменными текстовыми сообщениями сейчас является распространенной формой взаимодействия в Интернете, однако такая его распространенность может приводить к повышению «толерантности» к наличию ошибок. Цель данной работы — экспериментально проверить на русскоязычной выборке, действительно ли наличие ошибок в тексте сказывается на впечатлении о том, насколько умен его автор. Мы предположили, что такое влияние существует, и те люди, которые допускают ошибки, будут восприниматься читателями как менее умные.

Проводимая нами серия исследований вписывается также в область изучения имплицитных представлений об интеллекте (см.: Sternberg et al., 1981; и мн. др.). Однако отдельной сложностью исследований в этой области, проводимых на русском языке, является то, какое из слов, используемых в житейской речи — «ум» или «интеллект», — следует использовать в инструкциях для респондентов. Несмотря на интуитивную синонимичность этих слов в житейских представлениях, «интеллект» может рассматриваться русскоязычными респондентами как научное понятие, а «ум» — как обыденное и поэтому более широкое. В зарубежных исследованиях имплицитных представлений об интеллекте (например: Sternberg et al., 1981; Srivastava, Misra, 2001; и др.) подобных различий обычно не проводится, а в инструкциях упоминается именно термин «интеллект». Так же обстоит дело и в реализованных по аналогичной схеме отечественных работах (Александрова, 2015). Нам же кажется, что слово «ум» может быть просто более понятным и привычным для русскоязычных респондентов, однако вопрос реальной синонимичности понятий «ум» и «интеллект» в житейском их понимании остается открытым. В связи с этим в разработанной процедуре исследования использовались две оценки (оценка «ума» и оценка «интеллекта» как тестового балла), чтобы дополнительно проверить возможные различия в имплицитных представлениях респондентов. И если они различаются, наличие ошибок в тексте может по-разному сказаться на впечатлении об уме и интеллекте оцениваемых людей.

Исследование 1

Метод

Участники исследования

В исследовании приняли участие 40 респондентов в возрасте от 18 до 55 лет ($M = 30$, $SD = 8.7$), преимущественно женского пола (85%). Основную часть выборки составили люди, которые завершили обучение и работают в различных сферах деятельности, 25% выборки составили студенты. Респондентам не предлагалось вознаграждение за участие в исследовании. Сбор данных проводился онлайн.

Материалы

В качестве основного стимульного материала использовались упомянутые выше тексты-эссе, написанные участниками предварительного этапа исследования. Из имевшегося пула было отобрано восемь текстов средней длины (7–10 предложений, 84–172 слова). Выбранные тексты принадлежали авторству людей с разным уровнем умственного развития, измеренного при помощи сокращенной версии теста умственного развития взрослых (ТУРВ; Акимова и др., 2010): по два текста авторов из каждого квартиля распределения по тесту.

Было разработано две версии каждого текста: в одной были исправлены все орфографические, пунктуационные и грамматические ошибки¹, а в другой, наоборот, ошибки были добавлены. В каждый текст добавлялось три орфографические и одна пунктуационная ошибка (за исключением самого короткого текста, куда были добавлены две орфографические ошибки вместо трех). В качестве орфографических добавлялись ошибки на правила написания «-тся/-ться» в глаголах (например, «не нравится вкус» вместо «не нравится вкус»), ошибки на слитное/раздельное написание слов и частиц (например, «уехать за границу» вместо «уехать за границу»), ошибки на написание корневых гласных и согласных (например, «изберает» вместо «избирает») и т.п. В качестве пунктуационной ошибки добавлялась запятая в том месте, где ее быть не должно (например, «встает вопрос, о своем самоопределении»). Ошибки подбирались нами на основании опыта чтения студенческих работ и постов в блогах, т.е. мы стремились добавлять именно такие, которые могут совершать носители языка и с которыми читатели действительно могут сталкиваться в настоящих текстах.

Количество ошибок было выбрано нами как операционализирующее грамотность «на тройку»: в соответствии с рекомендациями по проверке эссе в рамках ЕГЭ наличие трех-четырех орфографических ошибок рассматривается как максимально допустимое для получения ненулевой оценки по критерию «Соблюдение орфографических норм», а наличие одной пунктуационной снижает оценку грамотности по критерию «Соблюдение пунктуационных норм» на один балл². Поскольку этот норматив применяется к текстам от 150 слов, мы попытались аппроксимировать это количество для одного из текстов, объем которого составлял лишь 84 слова (в него было добавлено только две орфографические ошибки).

Тексты выводились на экран в виде png-изображений, чтобы избежать различий в форматировании текстов в зависимости от настроек экрана конкретного пользователя.

¹ Отсутствие ошибок в текстах было дополнительно проверено независимым экспертом – филологом, преподающим русский язык старшеклассникам.

² Информация с сайта ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений»: <https://fipi.ru/egje/dlya-predmetnyh-komissiy-subektov-rf>

Процедура

Каждый респондент оценивал впечатление об уме авторов всех восьми текстов, но четыре предъявлялись в варианте «без ошибок», а другие четыре — в варианте «с ошибками» так, что один текст из двух, принадлежащих авторам соответствующего квартиля распределения по ТУРВ, был показан в одном, а второй — в другом варианте. Таким образом, уровни независимых переменных предъявлялись внутрисубъектно. Выбор того, какой из пары текстов будет дан в варианте «с ошибками» или «без ошибок», а также последовательность их предъявления были псевдослучайными.

В инструкции подчеркивалось, что тексты будут показаны с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Процедура состояла из трех основных этапов. На I этапе давалась инструкция последовательно прочитать все тексты. Это было важно для того, чтобы оценки оказались более сбалансированными.

На II этапе респондентам снова последовательно предъявлялся каждый текст, но теперь он сопровождался просьбой оценить отдельно «интеллект» и «ум» автора текста по шкале от 1 до 10. Для оценки «интеллекта» давалась следующая инструкция: «Представьте, что авторы текстов выполнили тест интеллекта. Как вы считаете, насколько высоким был бы результат каждого из них? Оцените по шкале от 1 до 10, где 1 значит, что автор этого текста, как вам кажется, набрал бы очень низкий балл по тесту интеллекта, а 10 — что автор текста набрал бы очень высокий балл по тесту». Для оценки «ума» была дана следующая инструкция: «А насколько автор этого текста кажется вам умным? Оцените по шкале от 1 до 10, где 1 — совсем не умный, глупый, а 10 — очень умный».

На III этапе респондентов просили указать демографическую информацию, а также были заданы прямые вопросы о том, заметили ли они ошибки в некоторых текстах, отразилось ли это на их оценках, и если да, то как именно. Эти вопросы позволили получить дополнительные данные о мнении самих участников относительно роли наличия ошибок.

Результаты

Полная описательная статистика оценок воспринимаемых ума и интеллекта авторов текстов, полученных во всех экспериментальных условиях, представлена в таблице 1.

Оценки «ума» и «интеллекта» высоко коррелируют (коэффициент корреляции Пирсона, $r = 0.882$, $p < 0.001$; для расчета корреляции использовались усредненные по всем условиям оценки).

Для основного анализа результатов применялся MANOVA с повторными измерениями 2 (ошибки в тексте: нет/есть) $\times$ 4 (квартиль автора по тесту интеллекта). В качестве зависимых переменных в анализ включались оценки «ума» и «интеллекта». Был обнаружен значимый основной эффект переменных «наличие ошибок в тексте» (Wilks's $\lambda = 0.778$, $F(2, 38) = 5.422$, $p = 0.008$,

Таблица 1

Описательная статистика для оценок воспринимаемых «ума» и «интеллекта»
авторов текстов, написанных с ошибками и без ошибок,
в зависимости от уровня интеллекта автора текста (N = 40)

Оцениваемый параметр	Квартиль автора по тесту интеллекта	Наличие ошибок в тексте			
		Тексты без ошибок		Тексты с ошибками	
		Mean	SD	Mean	SD
Интеллект	Q1	6.150	1.748	5.675	2.379
	Q2	6.400	1.516	6.525	1.853
	Q3	7.100	1.722	6.600	2.048
	Q4	6.650	2.381	6.700	2.003
	Общее	6.575	1.085	6.375	1.025
Ум	Q1	6.300	1.977	5.500	2.136
	Q2	6.400	1.722	6.275	1.811
	Q3	7.200	1.728	6.350	1.847
	Q4	6.300	2.356	6.200	2.244
	Общее	6.550	1.149	6.081	1.027

$\eta^2_p = 0.222$) и «квартиль автора по тесту интеллекта» (Wilks's $\lambda = 0.604$, $F(6, 34) = 3.708$, $p = 0.006$, $\eta^2_p = 0.396$). Взаимодействия факторов обнаружено не было (Wilks's $\lambda = 0.928$, $F(6, 34) = 0.440$, $p = 0.847$, $\eta^2_p = 0.072$).

Одномерные ANOVA показали, что наличие ошибок в текстах влияет на оценки «ума» ($F(1, 39) = 8.564$, $p = 0.006$, $\eta^2_p = 0.180$), но не «интеллекта» авторов текстов ($F(1, 39) = 1.327$, $p = 0.256$, $\eta^2_p = 0.033$). «Ум» авторов, принадлежащих к разным квартилям по тесту интеллекта, оценивается читателями по-разному ($F(3, 117) = 3.287$, $p = 0.023$, $\eta^2_p = 0.078$), как и «интеллект» ($F(3, 117) = 4.244$, $p = 0.007$, $\eta^2_p = 0.098$).

Post hoc анализ с использованием поправки Холма показывает, что вне зависимости от наличия ошибок авторы из первого квартиля (Q1) по тесту умственного развития оценены по шкале «интеллект» ниже, чем авторы из Q3 и Q4, а по шкале «ум» ниже, чем авторы из Q3; других значимых эффектов не обнаружено (см. таблицу 2). Наглядно результаты представлены на рисунке 1.

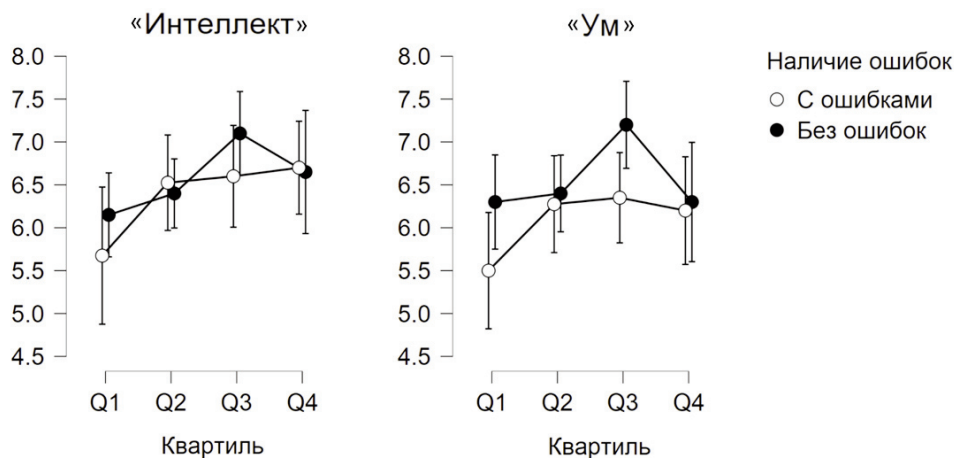
Таблица 2

Результаты попарных сравнений оценок «ума» и «интеллекта» авторов текстов, принадлежащих разным квартилям по уровню умственного развития (t-критерий с поправкой Холма, N = 40)

Квартили авторов текстов по тесту интеллекта	Оценки «интеллекта»		Оценки «ума»	
	t	P_{holm}	t	P_{holm}
Q1 и Q2	-1.968	0.206	-1.559	0.487
Q1 и Q3	-3.355	0.006	-3.117	0.014
Q1 и Q4	-2.729	0.037	-1.247	0.487
Q2 и Q3	-1.387	0.505	-1.559	0.487
Q2 и Q4	-0.760	0.897	0.312	0.756
Q3 и Q4	0.626	0.897	1.870	0.320

Рисунок 1

Средние значения оценок впечатлений об «уме» и «интеллекте» автора для текстов, написанных с ошибками и без ошибок, в зависимости от квартиля автора по тесту интеллекта (N = 40)

Примечание. Вертикальными линиями обозначен 95%-й доверительный интервал.

Обсуждение результатов

Основной результат заключается в том, что наличие ошибок в текстах снижает общее впечатление об уме и интеллекте написавших их авторов, однако обнаруженный эффект выражен слабо. Интересно, что он проявился за счет оценок именно «ума», а не «интеллекта». Это может быть связано с тем, каким образом в использованной нами процедуре было операционализировано разделение этих понятий. С одной стороны, само по себе это разделение субъективно схожих вещей могло натолкнуть на то, что ответы следует давать разные. С другой, можно легко представить, что, прикидывая возможный балл человека по тесту интеллекта, логично заключить, что грамотность сама по себе на его результате может не сказаться (ввиду того, как устроено подобное тестирование). Однако, учитывая высокую корреляцию оценок этих двух характеристик, можно сказать, что для участников исследования они являются скорее рядоположенными и слабо субъективно различимыми.

Также был обнаружен основной эффект переменной «квартиль автора по тесту интеллекта». В целом это говорит о том, что кроме ошибок в текстах есть и другие признаки, важные для вынесения суждений об уме их авторов.

В связи со слабой выраженностью обнаруженных эффектов и небольшим размером выборки было принято решение провести второе исследование.

Исследование 2

Метод

Участники исследования

Необходимый объем выборки рассчитывался с использованием R-пакета SuperPower (Lakens, Caldwell, 2021) для внутрисубъектного факторного плана $2 \times 2 \times 4^3$ со значениями $\alpha = 0.01$ и $(1 - \beta) = 95\%$ в отношении основного эффекта переменной «наличие ошибок»; в качестве вводных параметров оценки размера эффекта использовались данные, полученные в Исследовании 1. Рассчитанный объем выборки составил 160 респондентов, однако в связи с техническими сложностями своевременной остановки онлайн-опроса в реальности в исследовании приняли участие 167 респондентов в возрасте от 17 до 63 лет ($M = 24$, $SD = 9,1$), преимущественно женского пола (88.6%). Большую часть выборки составили студенты, принимавшие участие в исследовании за вознаграждение в виде дополнительных баллов по выбранной дисциплине, лишь 26% участников уже закончили обучение. Сбор данных проводился онлайн.

Материалы

В качестве стимульного материала использовались тексты из Исследования 1 и тот же принцип их изменения с точки зрения правописания, однако после консультаций с филологом, преподающим русский язык старшеклассникам, мы отказались от добавления ошибок в сложные и редкие слова (например, «миллениалы», «диссидентство»).

Процедура

Процедура исследования в целом была аналогична процедуре Исследования 1.

Результаты

Анализ результатов осуществлялся аналогично проведенному в Исследовании 1. Описательная статистика приведена в таблице 3.

Оценки «ума» и «интеллекта» коррелируют очень высоко (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0.905$, $p < 0.001$).

³ Была выбрана такая схема, так как изначально мы планировали анализировать данные при помощи ANOVA и включать тип измерения (оценки «ума» vs оценки «интеллекта») в качестве одной из независимых переменных. Однако по рекомендации анонимного рецензента схема обработки данных была изменена, в связи с чем в разделе «Результаты» для Исследования 2 приводятся значения достигнутой мощности для многомерных эффектов.

Таблица 3

**Описательная статистика для оценок воспринимаемых «ума» и «интеллекта»
авторов текстов, написанных с ошибками и без ошибок,
в зависимости от уровня интеллекта автора текста (N = 167)**

Оцениваемый параметр	Квартиль автора по тесту интеллекта	Наличие ошибок в тексте			
		Тексты без ошибок		Тексты с ошибками	
		Mean	SD	Mean	SD
Интеллект	Q1	5.952	2.351	5.485	2.302
	Q2	6.491	2.006	6.156	2.292
	Q3	7.557	1.758	6.922	1.869
	Q4	6.192	2.374	6.287	2.472
	Общее	6.548	1.468	6.213	1.470
Ум	Q1	5.964	2.437	5.353	2.357
	Q2	6.425	2.191	6.018	2.317
	Q3	7.581	1.921	7.012	1.933
	Q4	6.299	2.511	6.174	2.541
	Общее	6.567	1.564	6.139	1.462

В результате MANOVA 2×4 с повторными измерениями обнаружен слабо выраженный значимый основной эффект переменных «наличие ошибок в тексте» (Wilks's $\lambda = 0.932$, $F(2, 165) = 5.987$, $p = 0.003$, $\eta^2_p = 0.068$, достигнутая мощность 0.876), а также «квартиль автора по тесту интеллекта» (Wilks's $\lambda = 0.409$, $F(6, 161) = 38.715$, $p < 0.001$, $\eta^2_p = 0.591$, достигнутая мощность 1.000). Взаимодействие факторов оказалось незначимым (Wilks's $\lambda = 0.958$, $F(6, 161) = 1.186$, $p = 0.316$, $\eta^2_p = 0.042$, достигнутая мощность 0.448).

Одномерные ANOVA показали, что наличие ошибок в текстах влияет на оценки и «ума» ($F(1, 166) = 10.820$, $p = 0.001$, $\eta^2_p = 0.061$), и «интеллекта» авторов текстов ($F(1, 166) = 6.359$, $p = 0.013$, $\eta^2_p = 0.037$). Авторы, принадлежащие разным квартилям по тесту интеллекта, оцениваются читателями поразному по шкалам «ум» ($F(3, 498) = 61.300$, $p < 0.001$, $\eta^2_p = 0.270$) и «интеллект» ($F(3, 498) = 63.720$, $p < 0.001$, $\eta^2_p = 0.277$).

Post hoc анализ с использованием поправки Холма показывает, что оценки «ума» и «интеллекта» значимо различаются для авторов из всех квартилей, кроме Q2 и Q4 (см. таблицу 4). Наглядно результаты представлены на рисунке 2.

Обсуждение результатов

Данное исследование проводилось для перепроверки результатов, полученных в Исследовании 1.

Основной эффект (снижение впечатления об уме/интеллекте автора при наличии ошибок в его тексте) был воспроизведен: эффект существует, хотя и выражен слабо.

Также был воспроизведен основной эффект переменной «уровень умственного развития автора», и здесь он проявился в том, что, за исключением авторов

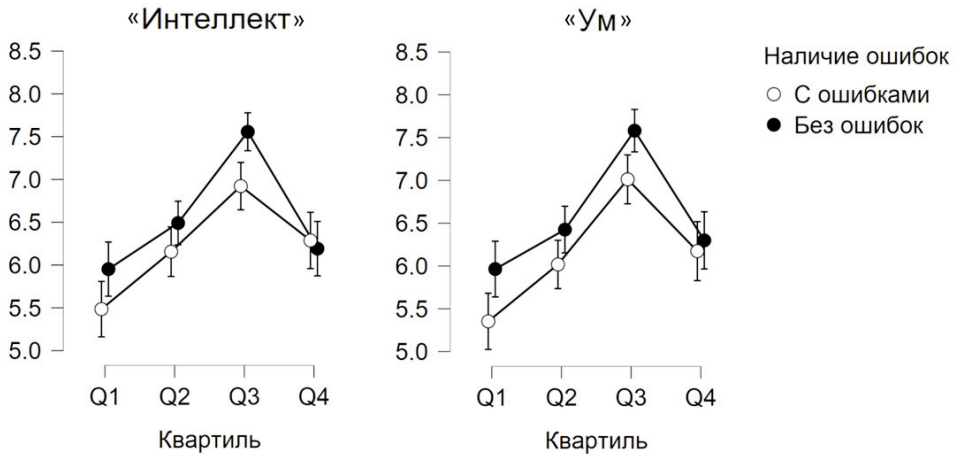
Таблица 4

Результаты попарных сравнений оценок «ума» и «интеллекта» авторов текстов, принадлежащих разным квартилям по уровню умственного развития (t-критерий с поправкой Холма, N = 167)

Квартили авторов текстов по тесту интеллекта	Оценки «интеллекта»		Оценки «ума»	
	t	p _{holm}	t	p _{holm}
Q1 и Q2	−5.399	< 0.001	−4.557	< 0.001
Q1 и Q3	−13.579	< 0.001	−13.259	< 0.001
Q1 и Q4	−4.651	< 0.001	−4.678	< 0.001
Q2 и Q3	−8.179	< 0.001	−8.702	< 0.001
Q2 и Q4	0.748	0.455	−0.121	0.904
Q3 и Q4	8.928	< 0.001	8.581	< 0.001

Рисунок 2

Средние значения оценок впечатлений об «уме» и «интеллекте» автора текстов, написанных с ошибками и без ошибок, в зависимости от квартиля автора по тесту интеллекта (N = 167)

Примечание. Вертикальными линиями обозначен 95%-й доверительный интервал.

из Q4, авторы из более высокого квартиля по тесту интеллекта оценивались как более умные/интеллектуальные (подробнее это анализируется в разделе «Общее обсуждение»).

Оценки «ума» и «интеллекта» ведут себя согласованно, т.е. субъективные представления об этих характеристиках, по крайней мере в случае оценивания их у авторов текстов, не различаются.

Общее обсуждение

В обоих исследованиях был обнаружен основной эффект фактора «наличие ошибок в тексте»: гипотеза о его влиянии на общее впечатление об уме авторов текстов подтвердилась. Однако обнаруженный эффект выражен

довольно слабо. Эти результаты согласуются с полученными ранее данными зарубежных исследований (Figueredo, Varnhagen, 2005; Kreiner et al., 2002). Мы полагаем, что небольшая выраженность этого влияния может быть связана с тем, что использованные нами тексты содержали не чрезмерное, а допустимое по меркам школьных оценок количество ошибок, в то время как согласно данным других работ (Kreiner et al., 2002) этот эффект может усиливаться с увеличением этого количества. Конечно, дополнительное подтверждение такого предположения требует проведения новых исследований с числом ошибок как еще одной независимой переменной. Тем не менее при отсутствии другой информации об авторе наличие даже не чрезмерного их количества в тексте хоть и не сильно, но может снижать впечатление читателя об уме автора.

Заметим, что полученные в упомянутых предыдущих исследованиях результаты были обнаружены при предъявлении единственного текста в качестве стимульного материала. Мы же использовали набор текстов, принадлежащих авторству реальных людей с разными баллами по тесту умственного развития. Разумеется, эти тексты различались и по другим признакам, которые сложно посчитать и уравнивать (тема, качество аргументации, особенности построения фраз и т.д.). Очевидно, наличие ошибок (при их умеренном количестве) не является единственным параметром, на который ориентируются читатели в своих суждениях об авторе. Косвенно это подтверждает выраженный даже сильнее основной эффект переменной «квартиль автора по тесту интеллекта»: авторы с более высокими результатами по тесту интеллекта оцениваются как более умные/интеллектуальные вне зависимости от наличия ошибок в том, что они пишут (эта тенденция отчетливее проявилась в Исследовании 2, хотя не распространялась на авторов из Q4). Хотя, как упоминалось выше, грамотность написания чаще других параметров эксплицитно постулируется как важный показатель ума, этот эффект сам по себе слаб и, вероятно, может перевешиваться иными особенностями текстов. Некоторые респонденты признают это даже в полученных нами в рамках описанной процедуры открытых ответах (например, «...Есть чрезвычайно умные люди, которые допускают подобные ошибки в письме, что не делает их неумными, но составляет их особое очарование» или «...Однако бывают исключения, когда думающий, интеллектуально развитый человек допускает орфографические, синтаксические или пунктуационные ошибки, но при этом он четко излагает свою мысль, затрагивает духовные аспекты, ориентируется в исторических, экономических науках и пр.»). Хотя большинство наших респондентов указывали, что наличие ошибок снижало их впечатления об уме и интеллекте автора, можно говорить, что значимость этого параметра самого по себе переоценена (по крайней мере, в случае умеренной его выраженности).

Мы осуществляли манипуляцию независимой переменной объективно: тексты либо содержали, либо не содержали ошибки. Субъективное впечатление об их наличии фиксировалось, но не участвовало в основном анализе; найти и указать ошибки не требовалось. Можно полагать, что впечатления об уме авторов у тех читателей, кто действительно обнаруживает ошибки в текстах, будет

сильнее подвержено их влиянию, чем у тех, кто их не находит. Это может быть хорошим направлением для дальнейшего анализа.

Обращает на себя внимание то, что впечатления читателей об уме авторов, входящих по тесту умственного развития в самый высокий квартиль, оказывались не самыми лучшими вне зависимости от наличия ошибок в их текстах. Этот любопытный факт, возможно, объясняется особенностями этих текстов. За годы сбора вербальной продукции мы заметили, что участники с высокими тестовыми результатами часто пишут шуточные или формально-отстраненные эссе, что впоследствии приводит к большому разбросу оценок их текстов читателями, и усредненные показатели снижаются относительно авторов из Q3.

Все основные результаты, полученные в Исследовании 1, воспроизвелись в Исследовании 2. Единственное расхождение касается вопроса, который мы пытались затронуть косвенно, добавив в процедуру отдельные оценки для «ума» и «интеллекта»: различаются ли имплицитные представления об этих терминах, используют ли их люди как описывающие что-то разное. Исследования 1 и 2 дают несколько разные ответы: если в первом суждения об этих характеристиках авторов разошлись (наличие ошибок в тексте сказывалось на оценках «ума», но не «интеллекта»), то во втором они были согласованы. С одной стороны, разница может объясняться небольшим размером выборки в Исследовании 1, а с другой, поскольку она по большей части состояла из закончивших образование, а выборка Исследования 2 — из студентов, можно предположить, что с приобретением опыта люди более склонны разделять эти понятия на житейском уровне. Тем не менее обнаружение высоких корреляций между оценками этих характеристик в обоих исследованиях говорит о том, что если такое разделение и существует, то оно выражается количественно, а не качественно (понятия «ум» и «интеллект» оказываются взаимозаменяемыми, но, возможно, существует тенденция занижать оценку одного относительно другого). Очевидно, для прояснения этого вопроса следует проводить дальнейшие исследования с использованием иных подходов.

Безусловно, за рамками данной работы оказалось большое количество других переменных, которые могут модерировать основной обнаруженный эффект (снижение впечатления об уме автора текста при наличии в нем орфографических и пунктуационных ошибок).

Например, не были учтены индивидуальные особенности участников исследования, тогда как ранее было показано, что то, как наличие разных ошибок влияет на общее впечатление от автора текста (где оценка интеллекта являлась лишь одной из составляющих), связано и с личностными особенностями читателя (Boland, Queen, 2016). Однако, так как часто тексты (особенно в Интернете) адресуются неопределенной аудитории или адресатам с неизвестными характеристиками (например, при отправке резюме), информация о том, что у читателей в целом можно ожидать снижение впечатления об уме автора при наличии в текстах ошибок, хоть и не сильно выраженное, кажется нам полезной.

Также в нашем исследовании была проигнорирована такая переменная, как тип сообщения: мы просто показывали участникам эссе, не уточняя, с расчетом на какую аудиторию они были написаны. Можно предполагать, что в

разных типах текстов (сообщениях в мессенджерах, деловых и дружеских письмах, постах в социальных сетях, официальных текстах и т.п.) цена присутствия ошибок будет разной.

Подводя итог, вернемся к нашему исходному вопросу: снижает ли наличие ошибок впечатление об уме автора текста, если он является единственным источником информации о пишущем? В проведенных нами двух исследованиях было обнаружено, что такое влияние существует, но оно достаточно слабое и, вероятно, может оказаться менее существенным по сравнению с другими важными для вынесения подобного рода суждений параметрами.

Литература

- Акимова, М. К., Горбачева, Е. И., Козлова, В. Т., Ференс, Н. А. (2010). Тест умственного развития взрослых: теоретические подходы к конструированию и психометрическая квалификация. *Вопросы психологии*, 5, 51–61.
- Александрова, Н. Л. (2015). Стабильность и динамика имплицитных концепций интеллекта в изменяющемся обществе. В кн. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонов (ред.), *Историогенез и современное состояние российского менталитета* (с. 344–351). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Сысоева, Т. А., Ярошевская, С. В. (2019). Авторские тексты как проявление интеллектуальных характеристик: поиск критериев. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 2, 116–134. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-116-134>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Akimova, M. K., Gorbachiova, E. I., Kozlova, V. T., & Ferens, N. A. (2010). A test of mental development in adults: Theoretical approaches to constructing and psychometric qualification. *Voprosy Psikhologii*, 5, 51–61. (in Russian)
- Aleksandrova, N. L. (2015). Stabil'nost' i dinamika implitsitnykh kontseptsii intellekta v izmenyayushchemsya obshchestve [The stability and dynamics of the implicit intelligence theory in a changing society]. In V. A. Kol'tsova & E. V. Kharitonova (Eds.), *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiiskogo mentaliteta* [History genesis and the current state of the Russian mentality] (pp. 344–351). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Appelman, A., & Schmierbach, M. (2018). Make no mistake? exploring cognitive and perceptual effects of grammatical errors in news articles. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95(4), 930–947. <https://doi.org/10.1177/1077699017736040>
- Boland, J. E., & Queen, R. (2016). If you're house is still available, send me an email: personality influences reactions to written errors in email messages. *PLoS ONE*, 11(3), Article e0149885. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0149885>
- Borkenau, P., Mosch, A., Tandler, N., & Wolf, A. (2016). Accuracy of judgments of personality based on textual information on major life domains. *Personality*, 84(2), 214–224. <https://doi.org/10.1111/jopy.12153>

- Figueredo, L., & Varnhagen, C. K. (2005). Didn't you run the spell checker? Effects of type of spelling error and use of a spell checker on perceptions of the author. *Reading Psychology*, 26(4–5), 441–458. <https://doi.org/10.1080/02702710500400495>
- Holleran, S. E., & Mehl, M. R. (2008). Let me read your mind: Personality judgments based on a person's natural stream of thought. *Journal of Research in Personality*, 42, 747–754. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2007.07.011>
- Kreiner, D. S., Schnakenberg, S. D., Green A. G., Costello, M. J., & McClin, A. F. (2002). Effects of spelling errors on the perception of writers. *The Journal of General Psychology*, 129(1), 5–17. <https://doi.org/10.1080/00221300209602029>
- Küfner, A. C. P., Back, M. D., Nestler, S., & Egloff, B. (2010). Tell me a story and I will tell you who you are! Lens model analyses of personality and creative writing. *Journal of Research in Personality*, 44, 427–435. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2010.05.003>
- Lakens, D., & Caldwell, A. (2021). Simulation-based power analysis for factorial analysis of variance designs. *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*, 4(1). <https://doi.org/10.1177/2515245920951503>
- Martin-Lacroux, C., & Lacroux, A. (2017). Do employers forgive applicants' bad spelling in résumés? *Business and Professional Communication Quarterly*, 80(3), 321–335. <https://doi.org/10.1177/2329490616671310>
- Oppenheimer, D. M. (2006). Consequences of erudite vernacular utilized irrespective of necessity: problems with using long words needlessly. *Applied Cognitive Psychology*, 20, 139–156. <https://doi.org/10.1002/acp.1178>
- Proyer, R.T., & Brauer, K. (2018). Exploring adult playfulness: Examining the accuracy of personality judgments at zero-acquaintance and an LIWC analysis of textual information. *Journal of Research in Personality*, 73, 12–20. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2017.10.002>
- Rodriguez, A. J., Holleran, S. E., & Mehl, M. R. (2010). Reading between the lines: the lay assessment of subclinical depression from written self-descriptions. *Journal of Personality*, 78(2), 575–598. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00627.x>
- Srivastava, A. K., & Misra, G. (2001). Lay people's understanding and use of intelligence: an Indian perspective. *Psychology and Developing Societies*, 13(1), 25–49.
- Stavrova, O., & Haarmann, L. (2020). How to tell a happy person: Accuracy of subjective well-being perception from texts. *Motivation and Emotion*, 44, 597–607. <https://doi.org/10.1007/s11031-019-09815-4>
- Sternberg, R. J., Conway, B. E., Ketron, J. L., & Bernstein, M. (1981). People's conceptions of intelligence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 41(1), 37–55.
- Sysoeva, T. A., & Yaroshevskaya, S. V. (2019). Original texts as a reflection of intelligence: searching for criteria. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2, 116–134. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-116-134> (in Russian)
- Tskhay, K. O., & Rule, N. O. (2014). Perceptions of personality in text-based media and OSN: A meta-analysis. *Journal of Research in Personality*, 49, 25–30. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.12.004>
- Varnhagen, C. K. (2000). Shoot the messenger and disregard the message? Children's attitudes toward spelling. *Reading Psychology*, 21(2), 115–128. <https://doi.org/10.1080/02702710050084446>
- Zablotskay, K., Rahim, U., Zablotskiy, S., Walter, S., & Minker, W. (2011). Conversation peculiarities of people with different verbal intelligence. In R. L.-C. Delgado & T. Kobayashi (Eds.), *Proceedings of the Paralinguistic Information and its Integration in Spoken Dialogue Systems Workshop* (pp. 157–163). New York, NY: Springer.

РАЗВИТИЕ И КРИТИКА ИДЕЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В ТРУДАХ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

М.Г. ЧЕСНОКОВА^а

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Development of the Ideas of Existentialism and Their Critique in S.L. Rubinstein's Works

M.G. Chesnokova^a

^a Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Резюме

Статья посвящена анализу экзистенциальных мотивов в творчестве С.Л. Рубинштейна и его отношения к экзистенциализму. С конца 1950-х гг. взгляды Рубинштейна развивались в тесном диалоге с экзистенциальной философской мыслью. В его работах появляются имена М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра. Последняя монография Рубинштейна «Человек и мир» носит ярко выраженный экзистенциальный характер, в ней ему удалось осуществить свой давний замысел онтологизации психологии, вписав человека и его сознание в общую структуру бытия. Идея, высказанные Рубинштейном в последние годы жизни, обнаруживают интересные переклички со взглядами родоначальника экзистенциализма С. Кьеркегора, а в ряде случаев почти буквально повторяют отдельные положения философии М. Хайдеггера. Одновременно Рубинштейн дает развернутую критику экзистенциального подхода по вопросам понимания сущности человека как субъекта переживания, реализующего свой «проект», обоснованности феноменологического метода

Abstract

In the article the existential motifs in the works of S.L. Rubinstein and his attitude toward existentialism is considered. Since the late 1950s, Rubinstein's views developed in close dialogue with existential philosophical thought. The names of M. Merleau-Ponty, M. Heidegger, J.-P. Sartre appear in his works. Rubinstein's latest monograph "Man and the world" has a pronounced existential character. In this work, he managed to implement his long-standing project of ontologizing psychology, including a man and his consciousness, into the general structure of being. Ideas expressed by Rubinstein in the last years of his life reveal interesting similarities with the views of the founder of existentialism S. Kierkegaard and in some cases almost literally repeat some statements of the philosophy of M. Heidegger. At the same time, Rubinstein gives a detailed critique of the existential approach concerning the issues of understanding the essence of man as a subject of experience implementing his "project", the validity of the phenomenological

и человеческой свободы. Наибольшую сложность в интерпретации взглядов Рубинштейна составляет сочетание в его концепции ориентации на марксистскую методологию с утверждениями экзистенциального характера. Главный вопрос, по которому ученый не допускает никаких компромиссов с экзистенциализмом, касается оценки роли объективного знания. Здесь он сохраняет верность рационалистической традиции Гегеля и Маркса. По мнению Рубинштейна, познание пронизывает все формы отношения человека с миром, включая этические отношения. Познание действительности преобразует само бытие, заменяя стихийный характер его развития сознательным. При всей неоднозначности диалога Рубинштейна с экзистенциалистами, обусловленной в значительной степени веяниями времени, он, безусловно, имел важное значение для развития отечественной психологии, введя в нее новый круг экзистенциальных вопросов.

Ключевые слова: С.Л. Рубинштейн, экзистенциализм, индивид, внутреннее, феноменологический подход, рационализм, деятельность, познание, принцип восхождения от абстрактного к конкретному.

Чеснокова Милена Григорьевна – старший научный сотрудник, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: история и методология психологии, отечественная и экзистенциальная психология, психология индивидуальности, психология жизненных миров.

Контакты: milen-ches@bk.ru

method, and human freedom. The greatest difficulty in interpreting Rubinstein's views is the combination in his theory of his orientation to Marxist methodology with existential statements. The main issue on which Rubinstein does not allow any compromises with existentialism concerns the assessment of the role of objective knowledge. Here he remains loyal to the rationalistic tradition of Hegel and Marx. According to Rubinstein, cognition permeates all forms of human relations with the world, including ethical relations. Cognition of reality transforms existence itself, replacing the spontaneous nature of its development with a conscious one. Despite the ambiguity of Rubinstein's dialogue with existentialists, determined to the great extent by the zeitgeist, it was certainly very important for the development of Russian psychology, introducing a new range of existential issues.

Keywords: S.L. Rubinstein, existentialism, individual, intrinsic, phenomenological approach, rationalism, activity, cognition, the principle of ascent from the abstract to the concrete.

Milena G. Chesnokova – Senior Research Fellow, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: history and methodology of psychology, Russian and existential psychology, psychology of individuality, psychology of life worlds.

E-mail: milen-ches@bk.ru

О наличии экзистенциальных мотивов в творчестве С.Л. Рубинштейна в психологической литературе упоминалось неоднократно. Однако дальше общих констатаций и вырванных из контекста цитат развитие этого сюжета долгое время не шло. А.В. Брушлинский говорил о трансформации мировоззрения Рубинштейна в последние годы жизни, обращал внимание на критику им марксистской методологии, проявившуюся в преодолении трактовки личности как ансамбля общественных отношений и сведения человека к его общественной функции («маске»), в отказе от абсолютизации роли деятельности, в подчеркивании ценности созерцательного отношения к действительности.

Онтологический поворот во взглядах Рубинштейна, нашедший отражение в его монографии «Человек и мир» (которую сам он определял как свою «духовную автобиографию»), некоторые исследователи связывают с его знакомством с произведениями М. Хайдеггера. Однако до последнего времени это утверждение не было подкреплено сопоставительным анализом их идей, оставаясь на уровне гипотезы. В статьях А.С. Арсеньева взгляды Рубинштейна вплетаются в широкий полифонический контекст идей русских экзистенциалистов — Н.А. Бердяева, Ф.М. Достоевского, М.М. Бахтина, философии Тейяра де Шардена, Л. Фейербаха, К.Э. Циолковского и музыки А.Н. Скрябина (Арсеньев, 2007). В качестве наиболее важной Арсеньев выделяет мысль Рубинштейна об одновременной завершенности и потенциальной бесконечности человека, выражающего собой бесконечность Мира. К.А. Абульханова говорит об «уникальном, онтологически экзистенциальном» характере рубинштейновской парадигмы (Абульханова, 2020, с. 24). В вышедшем недавно учебнике Н.В. Гришиной Рубинштейн рассматривается как один из представителей экзистенциальной психологии XX в. (Гришина, 2018). В обоснование своей позиции Гришина ссылается на представление Рубинштейна о человеке как субъекте жизни и его концепцию жизненного пути, выделение разных уровней существования — непосредственного и рефлексивного, учение о поступке и свободе человека. Однако хотя характерный экзистенциальный ореол рубинштейновских идей отмечается многими, признание в нем экзистенциалиста наталкивается на ряд сложностей. Главная из них связана с весьма резкими критическими высказываниями в адрес экзистенциализма М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, содержащимися в таких работах Рубинштейна, как «Бытие и сознание» (1957), «Принципы и пути развития психологии» (1959), «Человек и мир» (издана посмертно), что вряд ли можно списать исключительно на влияние времени. В этой связи вспоминается предупреждение Л.С. Выготского против скоропалительных сближений фундаментально разных концепций на основе формально общих признаков, высказанное им в связи с идеей синтеза марксизма и психоанализа А.Р. Лурии.

Актуальность и постановка проблемы

Непосредственной целью данной статьи является прояснение экзистенциальных аспектов философско-психологических взглядов Рубинштейна и возможности отнесения его к экзистенциализму направлению. Актуальность вопроса определяется, в первую очередь, задачами историко-психологического исследования, направленными на реконструкцию возникновения и развития научных направлений и школ психологии, их оппонентного круга, формальных границ и возможных трансформаций.

Интерес к экзистенциальному подходу имеет и более широкий научный контекст. Экзистенциальная психология является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной психологии. В последние годы его популярность в науке существенно возросла. В частности, В.В. Знаков считает,

что в конце XX в. интересы большей части психологов смещаются с когнитивной парадигмы на экзистенциальную, что сопровождается переходом от изучения отдельных психических процессов к анализу целостных ситуаций человеческого бытия (Знаков, 2005, с. 122). На наш взгляд, об отказе от когнитивной парадигмы в психологии говорить рано. Развернувшаяся и усиленная условиями пандемии цифровизация общества активно питает современные когнитивные исследования. И надо полагать, что в ближайшее время эта тенденция сохранится. С другой стороны, в сфере социально-гуманитарных наук проявляется и другая тенденция, продиктованная беспокойством по поводу нарастающей антигуманизации общества, изменений культурных и ценностных ориентиров (вплоть до отказа от своей гендерной принадлежности), утраты человеком своего человеческого бытия, растворения его в цифровой массе. Все это роднит сегодняшнюю ситуацию с ситуацией начала XX в., характеризовавшейся первым витком наступления техники и опасностью порабощения ею человека, против чего, в частности, выступил экзистенциализм. На этом фоне усиление экзистенциальных трендов в современной психологии также вполне объяснимо. В настоящее время имеет смысл говорить не столько о смене парадигм исследования с когнитивной на экзистенциальную, сколько об их активном оппонировании. При этом каждая из парадигм имеет свою социокультурную базу для дальнейшего развития и переживает в определенном смысле новый расцвет.

Еще одна причина, побуждающая рассмотреть базовые основания экзистенциального подхода более пристально, связана с определенной расплывчатостью самого содержания понятия «экзистенциальная психология». Современная экзистенциальная психология на Западе развивается преимущественно как психотерапевтическая практика. При этом первые психотерапевтические программы Л. Бинсвангера и М. Босса возникли под непосредственным влиянием философии М. Хайдеггера. Р. Мэй внес большой вклад в популяризацию идей С. Кьеркегора и М. Хайдеггера среди американских психологов. Идеи экзистенциальных философов (в частности, идея отношения к человеку как к «тайне») звучат и в работах Дж. Бьюдженталя. Экзистенциальная психотерапия опирается на феноменологический подход и противостоит объективному научному исследованию. По словам Бьюдженталя, психология отличается от психотерапии как наука от искусства. Экзистенциальная психотерапия не отвергает, а подчеркивает свою связь с философской антропологией. В противоположность этому позиция отечественных психологов ориентирована на разделение и противопоставление экзистенциальной философии и психологии. В уже упоминавшемся учебнике по экзистенциальной психологии Н.В. Гришиной (Гришина, 2018) представлен большой круг современных психологических исследований, выполненных в полном соответствии с традиционным требованием *объективности* научного знания, хотя и во многих случаях с привлечением качественных методов. И здесь возникает следующий вопрос: возможна ли вообще экзистенциальная психология как наука? Вопрос этот далеко не праздный, учитывая, что экзистенциализм изначально настаивал на ограниченности научного понятийного познания человека, а

сама экзистенциальная философия выступала как форма практики, более близкая литературе и искусству, чем науке. Второй вопрос касается возможности реализации экзистенциального подхода по отношению к проблеме познания и, соответственно, продвижения экзистенциального направления в исходно чуждую ему область. Анализ экзистенциальных аспектов творчества Рубинштейна и его отношения к экзистенциализму в целом представляет собой, на наш взгляд, богатый материал для осмысления этих и других вопросов.

Переходя непосредственно к предмету нашего исследования, считаем необходимым отметить следующее. Мы исходим из различения проблематики экзистенциализма и предложенной им методологии решения заявленных проблем. Принадлежность ученого к тому или иному направлению определяется не столько тем, какие вопросы он решает (хотя и это важно), сколько тем, *как* он их решает. Разделение *предмета* и *метода* исследования при проведении сопоставительного анализа взглядов представителей экзистенциализма, составлявших оппонентный круг Рубинштейна, и самого Рубинштейна может способствовать прояснению его философской методологии. Одновременно с этим мы приходим к необходимости уточнения самого существа (ядра) экзистенциальной мысли, которое и создает ее специфику.

Признавая влияние на Рубинштейна экзистенциальной мысли, важно определить *характер* этого влияния. Рубинштейн не принадлежал к числу ученых, предпочитающих идти заранее заданным путем. Его мысль не догматична, а критична. Мы склонны согласиться с Н.А. Дмитриевой, рассматривающей Рубинштейна как вполне самобытного философа, опиравшегося на идеи Канта, философию Гегеля, марксизм и экзистенциализм как философские модели, анализ и полемика с которыми способствовали формированию его собственной философской антропологии (Дмитриева, 2016). При этом, в отличие от большинства психологов, Рубинштейн вполне сознательно и планомерно работал над осмыслением философских оснований психологии. Эта работа продолжалась на протяжении всей жизни и занимала в его творчестве едва ли не больший удельный вес, чем его конкретно-психологические исследования. На самобытности Рубинштейна как философа настаивает и К.А. Абульханова, подчеркивая, что его концепция являлась результатом «сквозной критической реконструкции *всех* философских систем» на основе принципа монизма (Абульханова, 2010, с. 73). Признавая за Рубинштейном заслугу творческого преобразования экзистенциализма (Там же, с. 61), К.А. Абульханова при анализе идей ученого достаточно сознательно абстрагируется от его диалога с экзистенциалистами как затрудняющего, по ее мнению, понимание сути его онтологической парадигмы (Абульханова, 2020). Мы, со своей стороны, напротив, полагаем, что сущность авторской концепции лучше высвечивается в сравнении ее с другими, в том числе идейно близкими подходами. Особое внимание к философской стороне взглядов Рубинштейна и его полемике с философами-экзистенциалистами М. Хайдеггером и Ж.-П. Сартром в данной статье обусловлено определенной особенностью его творчества, состоящей, по словам Г.С. Батищева, в том, что «непреходящая значимость произведений Рубинштейна не убывает, а скорее возрастает там,

где он переходит от внутриспсихологических тем (хотя известен он как специалист именно по общей психологии) к сюжетам более многомерным, нравственно-этическим и собственно философским» (Абульханова, 2010, с. 206–207).

Рубинштейн и экзистенциальная программа С. Кьеркегора

Как известно, экзистенциализм XX в. представлял собой достаточно разнородное течение. В нем присутствовало и религиозное (К. Ясперс, Г. Марсель, П. Тиллих, М. Бубер), и материалистическое крыло, тяготеющее к марксизму (Ж.-П. Сартр, Э. Фромм). Поэтому суть экзистенциализма *в целом* сформулировать не так просто. Основной пафос этого учения составляют антирационализм (отказ от попытки понять человека рационально), смещение фокуса внимания с вопроса о сущности человека как некой неизменной константе на способ (или способы) его существования в мире, своеобразный культ индивидуальности. Ядро экзистенциализма было заложено датским философом и христианским мыслителем С. Кьеркегором, выступившим против декартовской трактовки человека как простого синтеза души и тела. Это психофизиологическое единство должно чем-то направляться, считал Кьеркегор. То, что им управляет, есть Я, или дух. И это Я свободно. В XX столетии Ж.-П. Сартр по-своему повторит этот тезис, заявив, что свобода есть сущностная характеристика человека, она безусловна.

Кьеркегор понимал Я как определенное *качество* человека, его «*сокрытое внутреннее*». История индивидуальной жизни есть переход от одного качества к другому. Я находится в постоянном становлении. Однако Я не создается человеком (неистовое желание самому быть Творцом своего Я Кьеркегор определяет как форму отчаяния), а скорее открывается им. Кьеркегор выделяет три способа бытия человека в мире: эстетический, этический и религиозный. *Этическое* рассматривается им не как отдельная сфера жизни, а как особый *способ существования* человека, имеющий опору в эстетическом отношении к действительности.

Кьеркегор решительно отвергает идущее от Декарта сведение человека к мыслящему субъекту, а жизни к познанию. Объективное познание имеет дело с явленным. Но в сфере человеческих переживаний преобладает не столько прямая, сколько *контрастная* форма выражения. Ориентируясь только на внешние проявления, мы рискуем упустить или исказить смысл переживания. Объективная истина как истина для всех не имеет значения для индивида. Истина индивида — это правда его жизни, и она *субъективна*. Так была намечена проблематика истинного, собственного, и неистинного, усредненного, анонимного существования. Человек рассматривается Кьеркегором в контексте конечного и бесконечного, истории. Однако в отличие от большинства экзистенциалистов XX в. он не противопоставляет индивидуальное общечеловеческому: «Вот она — тайна совести, тайна индивидуальной жизни, заключающаяся в том, что последняя является в одно и то же время и индивидуальной, и общечеловеческой» (Кьеркегор, 1994, с. 335).

Несмотря на отсутствие фактов, достоверно свидетельствующих о знакомстве Рубинштейна с работами Кьеркегора, нельзя не отметить, что многие его рассуждения входят в ощутимый резонанс с идеями датского мыслителя. Приведем несколько примеров.

Так, Рубинштейн подчеркивает *индивидуально-личностное основание* развития всех психических (психофизиологических) процессов человека. Эти процессы не только универсальны, но и индивидуальны, они не имеют самостоятельной линии развития и составляют психическое содержание жизни личности (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 35). Данное утверждение перекликается с представлением Кьеркегора об управляющей функции Я.

В качестве особой заслуги Рубинштейна К.А. Абульханова отмечает введение им в отечественную психологию понятия способов (или уровней) человеческого существования. В действительности эта тема обнаруживается еще в ранних работах Л.С. Выготского. В эссе о «Гамлете» (1916) Выготский говорит о ведущих модусах существования главных героев пьесы — «греховной наивности» Гертруды, этическом облике Гамлета, непосредственной религиозности Офелии, удивительным образом повторяя кьеркегоровскую концепцию способов бытия человека (эстетического, этического, религиозного). У Рубинштейна тема уровней существования появляется только в последней монографии «Человек и мир», где он пишет о двух уровнях существования человека — непосредственном и рефлексивном.

Подобно Кьеркегору, Рубинштейн онтологизирует этическую проблематику, подчеркивая чувственную, эстетическую основу отношения человека к миру. Заметим, что интерес к этическим проблемам у Рубинштейна, как и у Кьеркегора, возник еще детстве и был обусловлен трудной семейной ситуацией: Кьеркегор родился от незаконной связи его отца со служанкой, отец же Рубинштейна был тяжело болен и практически не мог содержать семью. «Жизнь семьи рано поставила передо мной нравственные проблемы — тонкие, сугубо личностные соотношения», — вспоминал Рубинштейн (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 413). Практический интерес к этическим проблемам позднее перерос у него в теоретический. Кьеркегор же, отвергая ценность абстрактных рассуждений о человеке, с самого начал строил свою экзистенциальную философию как особого рода практику человеческой жизни.

Очень созвучны друг другу кьеркегоровское понимание Я как «*сокрытого внутреннего*» и рубинштейновское определение личности как совокупности внутренних условий, опосредствующих внешние воздействия. Е.Б. Старовойтенко прямо говорит о концепции «внутренней личности» у Рубинштейна (Там же, с. 354). О различных модальностях внутреннего в работах Рубинштейна пишет К.А. Абульханова (Там же). Она же отмечает введение им расширенной трактовки субъекта как *качественной определенности*, что также перекликается с кьеркегоровским пониманием Я как особого качества человека.

Для Кьеркегора и Рубинштейна характерен нелинейный, диалектический подход к человеку. Кьеркегор писал о *контрастной* форме выражения человеческого

переживания. Рубинштейн в свою очередь отмечает незеркальный характер связи внешнего и внутреннего в человеке, настаивая на необходимости смыслового истолкования фактов внешнего поведения.

В монографии «Человек и мир» Рубинштейн громко заявляет о «незаменимой ценности», «преимуществе индивида» «как единства единичного, особенного и всеобщего» (Рубинштейн, 1973, с. 384). В разгар эпохи строительства социализма он высказывает крамольную для своего времени мысль: «В борьбе между индивидом и обществом иногда бывает прав индивид» (Там же, с. 381). Сравним с утверждением Кьеркегора: «Человек отличается от прочих живых существ не только совершенствами, которые обычно упоминаются, но и превосходством природы индивида, отдельного и единичного, над родом» (Кьеркегор, 2010, с. 394).

Указание на субъективный характер истины, звучащее у Кьеркегора, присутствует и в представлении Рубинштейна об одновременно *объективном* и *субъективном* характере истины, воплощаемой человеком в жизнь (Рубинштейн, 1997, с. 44). При этом и Рубинштейн, и Кьеркегор понимают природу человека как единство *конечного* и *бесконечного*, истории.

Потребность приблизить философию к реальной человеческой жизни, свойственная Кьеркегору, присутствовала и у Рубинштейна. Известно, что первоначальный замысел монографии «Человек и мир» предполагал изложение Рубинштейном своей философии жизни в жанре автобиографии (Абульханова, 2010, с. 38). Характерно, что Кьеркегор неоднократно вводил автобиографический материал в свои литературно-философские произведения, разворачивая главные идеи на его основе.

Многие страницы работ Кьеркегора посвящены идее принятия человеком ответственности за свою жизнь. Тот же пафос серьезного, ответственного отношения к жизни пронизывает и монографию С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», и весь его жизненный и творческий путь.

Обнаруживаемые переключки взглядов Рубинштейна с ядром экзистенциальной программы Кьеркегора едва ли можно считать случайными. И это является серьезным аргументом в пользу экзистенциальной трактовки его идей. С другой стороны, сам Рубинштейн рассматривал *онтологизацию* психологии как реализацию *объективного подхода* к анализу явлений действительности — подхода, который экзистенциализм решительно отвергал. Как писал уже в XX в. экзистенциалист П. Тиллих, «человек сопротивляется объективации, и если сломить это сопротивление, то сломлен будет и сам человек» (Тиллих, 2017, с. 220).

Рубинштейн и Хайдеггер

Особый интерес представляет вопрос об отношении Рубинштейна к М. Хайдеггеру. Существует мнение, что переход Рубинштейна от проблемы бытия и сознания к проблеме человека и мира был в значительной степени обусловлен влиянием трудов этого философа. Присутствие Хайдеггера в текстах Рубинштейна обнаруживается на двух уровнях — явном, артикулированном (и

неизменно критическом) и скрытом, имплицитном, вживленном в собственную логику мысли. Обратимся к этому второму, скрытому уровню.

Начнем с понятия «мир», используемого Рубинштейном для обозначения бытия в его соотнесенности с человеком. Для каждого, кто знаком с философией Dasein, это понятие вызывает устойчивую ассоциацию с «мировостью мира» Хайдеггера. Мир имеет значение, смысл для человека. Это также вполне хайдеггеровская идея. К.А. Абульханова отмечает, что категория «мир» являлась совершенно новой в марксистской традиции, хотя и близкой по существу марксову понятию «второй природы» (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 55). Вслед за Хайдеггером Рубинштейн предпринимает специальное исследование понятия бытия в истории философии. Однако его анализ существенно отличается от хайдеггеровского как с точки зрения выбора персоналий (помимо Платона и Аристотеля, это Авиценна, Юм, Вольф, Кант, Гегель), так и по его основной идее — критике тенденции к «уничтожению» бытия, сведению его к «кажимости», замене онтологического содержания феноменальным. Хайдеггер же настаивает на феноменологической постановке вопроса о бытии (Хайдеггер, 2015). При этом Рубинштейн и Хайдеггер солидарны в критике *картезианского учения о бытии*, сводящего его к вещности — предмету физики.

Рубинштейн и Хайдеггер признают пространственный и временной характер сущего. Однако в самом понимании времени между ними обнаруживаются расхождения. Хайдеггер утверждает, что временем (временностью) обладает только человеческое бытие (Dasein), вещи природы как таковые совершенно безвременны. Он различает временное, надвременное и вневременное бытие. Рубинштейн говорит о несовпадении времени человеческой жизни и истории со временем движения материи как таковой и ставит вопрос о необходимости дифференциации категорий пространства и времени применительно к разным сферам сущего. «В принципе оправданным становится представление о качественно различных структурах времени, в зависимости не только от качественных (и структурных) особенностей процессов в неорганической природе, но и в природе органической, в жизни, и, далее, у человека, в частности, в процессе истории» (Рубинштейн, 1973, с. 279).

В то время как Хайдеггер бросает все силы на разработку онтологии именно *человеческого бытия* (задуманный им второй том «Бытия и времени», посвященный онтологии бытия в целом, как известно, не был им написан), Рубинштейн движется в противоположном направлении: от общей онтологии к онтологии бытия человека. Он стремится преодолеть представление о гомогенности бытия, определить его общую структуру и основные способы существования. Причем, как отмечает К.А. Абульханова-Славская, первые формулировки этой задачи появляются у Рубинштейна еще в рукописях 1920-х гг., когда работы Хайдеггера вряд ли могли быть ему знакомы («Бытие и время» вышло в Германии в 1927 г.). Логичнее предположить, что идеи Хайдеггера были включены им в оборот собственных размышлений уже позднее. Человек, безусловно, главный субъект существования, но далеко не единственный, замечает Рубинштейн. У каждого процесса свой субъект. И с прекращением процесса

прекращает свое существование и субъект этого процесса. У Хайдеггера «человек как исходное оказывается не только началом, но и концом, в силу чего нет возможности выйти в сферу бытия в целом, — замечает Рубинштейн. — Именно поэтому экзистенциалист М. Хайдеггер, создав онтологию человеческого бытия, не может создать второй том онтологии — онтологию бытия как такового» (Там же, с. 274). Рубинштейна интересует прежде всего то, какие изменения происходят в самом бытии с появлением в нем человека. Развивая идею *деструктуризации* бытия, Рубинштейн намечает как задачу будущего разработку частных «онтологий», специфических для разных исторических формаций (в частности, капитализма и коммунизма) (Там же, с. 278–279). Как отмечает К.А. Абульханова, онтология Рубинштейна — это «дифференциальная онтология», или «онтология множественности» (Абульханова, 2020, с. 14). Рубинштейн очевидным образом стремится снизить статус хайдеггеровской онтологии с ее акцентом на несобственном, усредненном способе существования, представив ее как «частную онтологию» капиталистического общества. Именно историчность подхода Рубинштейна, полагает Абульханова, позволяет ему *осуществить переход от категории «человек» к категории «личность»*. Этот переход оказывается опосредованным включенностью человека в конкретную историческую эпоху, жизнь страны, общества, отношения с другими людьми через определенное место в них (Там же, с. 15).

Еще одна идея, по всей видимости общая для Хайдеггера и Рубинштейна, — это идея открытости человеческого бытия, раскрытия бытия человеком. Хайдеггер утверждает, что раскрытие происходит *на онтологическом уровне* в результате практического взаимодействия с предметами действительности (например, открытие дерева в качестве материала для изготовления мебели или бумаги), т.е. открывается скрытая возможность данного предмета, которая до этого момента существовала лишь в потенции. «Открытие бытия — прерогатива чувственности, — вторит ему Рубинштейн. — Первично даны не объекты созерцания, а объекты потребностей и *действия* человека» (Рубинштейн, 1973, с. 264).

Хайдеггер рассматривает практическое отношение к действительности как *первичное*, а познавательное как *вторичное*. При этом он подчеркивает, что само познание возникает в условиях дефицита практического взаимодействия с предметом как особая форма «бытия при нем». Еще до всякого познания мир на практическом уровне открыт человеку и обладает исходной понятностью (означенностью) для него. Эта понятность составляет основу его ориентации в мире. Необходимость познания и объяснения возникает там, где эта понятность по каким-то причинам утрачивается. Между восприятием и мышлением, по Хайдеггеру, нет принципиальной разницы. Мышление есть «вняtie» бытию сущего, иначе говоря, восприятие сущего (предмета или явления) в его бытийствовании.

Рубинштейн также утверждает первичность практического отношения человека к миру. Отправной точкой развития высших форм познавательной деятельности он считает именно практическое мышление. Однако в отличие

от Хайдеггера он, начиная с ранней статьи «Принцип творческой самодеятельности», последовательно проводит мысль о том, что глубина познания определяется глубиной практического взаимодействия человека с миром. Восприятие и мышление различаются тем, что первое имеет дело с явными, а второе — со скрытыми сторонами предметной действительности. В этом смысле мышление всегда выявляет больше. В процессе познания чувственное восприятие с необходимостью перетекает в мышление, поскольку эксплицитное (явное) тянет за собой имплицитное (скрытое) в силу их объективной связи в самом бытии. Однако и здесь его мысль вновь смыкается с мыслью Хайдеггера, и мышление не исчерпывает содержания объекта познания, что выражает «несводимость бытия сущего к мысли, к познанию» (Там же, с. 309).

Одновременно Рубинштейн почти буквально повторяет представление Хайдеггера о двух модусах существования человека: усредненном модусе «некто» («люди») и собственном, или аутентичном, модусе. У Рубинштейна это два по-разному регулируемых способа поведения: первый — я поступаю как «все вообще» и второй — «я сам» действую (Там же, с. 367).

Обращается Рубинштейн и к проблеме отношения человека к смерти — одной из важнейших в философии Хайдеггера. Однако он отрицает, что сам факт осознания человеком своей смертности, временности на этой земле способен дать ему импульс к обретению авторства своей жизни. Субъектность, по Рубинштейну, обретается не иначе как в процессе решения человеком актуальных жизненных задач. Объективно смерть не всегда трагична. И переживание близости смерти будет протекать по-разному в зависимости от чувства исполненности жизни. Современные исследования и работа психотерапевтов полностью подтверждают эту закономерность.

Таким образом, мы видим, что сходство между Рубинштейном и Хайдеггером является скорее тематическим, чем сущностным. Более того, анализ существа их идей обнаруживает внутреннюю *полемичность* взглядов Рубинштейна по отношению к онтологической системе немецкого философа. Хайдеггер от начала до конца удерживает ценность онтологического взгляда в противоположность гносеологическому. Познание, по его мнению, возникает на почве определенной ущербности и неполноты раскрытия бытия вещей. Оно не имеет самостоятельной бытийной ценности. Рубинштейн, как мы увидим далее, стремится показать, что процесс познания и сам познающий входят в состав самой действительности как ее неотъемлемая часть (Там же, с. 327). Для прояснения его взгляда обратимся к основным направлениям критики Хайдеггера и экзистенциализма, содержащимся в его текстах.

Критика экзистенциализма Рубинштейном

Первые критические замечания в адрес экзистенциализма можно встретить уже в «Бытии и сознании». Критика экзистенциализма осуществляется Рубинштейном в русле общего неприятия им феноменологического подхода, идущего от Э. Гуссерля, с которым, по его мнению, экзистенциализм неразрывно связан. Здесь он упоминает имена М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра и их

обоснование *феноменологии как онтологии*, которая для него категорически неприемлема. Рубинштейн выступает против отождествления феномена с бытием и его противопоставления явлению. Стоит заметить, что критика Хайдеггера в данном контексте, на наш взгляд, не вполне справедлива, поскольку Рубинштейн, судя по всему, игнорирует определенные различия в трактовке сути феноменологического исследования, существующие между Гуссерлем и Хайдеггером. Гуссерль рассматривает сознание как первое бытие (в котором действительность только и предстает субъекту), а интенциональность как структуру психического. Против такого «уничтожения» бытия и выступает Рубинштейн. Для Хайдеггера интенциональность имеет бытийную природу и носит характер *заботы*. Человек существует, только проявляя непрерывную заботу о собственном существовании. В этом суть его бытия, до которого ему всегда есть дело. И этим он отличается от вещи. Феномены, по Хайдеггеру, суть *проявления такого озабоченного бытия* человека в мире, а не просто феномены его сознания. Поэтому, когда в «Человеке и мире» Рубинштейн скажет, что «под направленностью, интенцией имеется в виду направленность не только сознания, но и всего бытия человека» (Там же, с. 295), он, фактически, вернется к подлинной мысли Хайдеггера.

Особое внимание Рубинштейн уделяет вопросу соотношения *явления, сущности* и «*кажимости*». Сущность не отделена от явления, но выражает себя в явлении, утверждает Рубинштейн. Однако против этого в действительности не возражает и Хайдеггер. Он лишь добавляет, что сущее может открыто обнаруживать себя (феномен), а может только косвенно «оповещать» о себе в явлении, не раскрывая при этом своей сути («всего лишь явление»). А вот в трактовке «кажимости» Рубинштейн оказывается, пожалуй, большим экзистенциалистом, чем сам Хайдеггер. Для Хайдеггера «кажимость» есть только искажение сущности (то, что себя показывает не как то, что оно есть). Рубинштейн рассматривает «кажимость» как *особое бытие* вещи как вещи *для другого*, определяемое условиями ее данности ему. Он отмечает, что субъективное отношение человека к миру возникает на основе *объективного отношения* его человеческого бытия к бытию в целом (Там же, с. 345).

Рубинштейн считает ошибочным понимание Хайдеггером и экзистенциалистами специфики существования человека как «*выхода за свои пределы*» (Там же, с. 280). По его мнению, это общая характеристика всего сущего. «Нельзя отделить Da-sein от всякого иного Sein» (Там же, с. 294). Критика Хайдеггера Рубинштейном здесь опять-таки не вполне справедлива. Мир для человека, по Хайдеггеру, не есть просто что-то внешнее по отношению к нему. Сам Хайдеггер считал утверждение о том, что человек находится *внутри* бытия, в корне неверным. Человек не выходит в мир. Как человек он только и существует в мире. В этом и состоит особенность Da-sein. Более того, само присутствие человека в мире может осуществляться по-разному, причем как именно — определяет он сам.

Рубинштейн выступает против экзистенциального понимания человека как «*проекта*» — эскиза будущего, не имеющего никакой связи с прошлым и отрицающего настоящее. Данную идею он приписывает как Сартру, так и

Хайдеггеру (Там же, с. 362). Однако если в отношении первого такая трактовка вполне справедлива, то по отношению ко второму она в корне ошибочна. Одна из важнейших идей Хайдеггера состоит в утверждении *фактичности* существования человека. Место рождения, эпоху, строй, семью человек не выбирает. Он буквально «брошен» в мир. Но человек может по-разному отнестись к этому «наследству»: он может отвергать его и бороться с ним, а может принять его. И только в этом последнем случае он обретает прочную почву для собственного, аутентичного существования, не порывая «связи времен», но преобразуя доставшееся ему своим существованием. Между тем Рубинштейн полемизирует с концепцией «проекта» так, как будто бы этих рассуждений Хайдеггера вовсе не было.

Всякое наличное бытие (в том числе и сам человек) является продуктом прошлого развития, утверждает Рубинштейн. А все новое создается из наличного материала. Такова необходимая связь прошлого, настоящего и будущего в жизни человека. Граница, разделяющая прошлое и будущее, проходит через действие. Человек вовсе не безосновное существо, как утверждает Сартр. Сущность человека (совокупность внутренних условий), являясь итогом предшествующего развития, определяет диапазон его возможных изменений.

Здесь мы выходим на одну из сложнейших проблем философии и психологии — *проблему свободы*. Рубинштейн критикует сартровскую мысль о безусловной свободе человека. При этом он никак не высказывается относительно гораздо более многоплановой постановки этой проблемы Хайдеггером, а между тем она весьма любопытна и затрагивает одновременно социальный и гносеологический контекст. Хайдеггер, как мы видели, не отрицает обусловленности человека обстоятельствами жизни. Но он полагает, что человек может, с одной стороны, разрушать детерминирующие его связи, с другой — создавать их и подчинять себя им. Неприятие человеком своей фактичности является разрушением цепи детерминации, но разрушением негативным. Порывание же привычно практикуемых связей с миром, диктуемых социумом, напротив, является позитивным процессом и способствует «собираению» личностного начала в человеке для осуществления собственной, аутентичной деятельности на основе своей уникальной жизненной ситуации. Хайдеггер подчеркивает, что не существует гарантированного алгоритма, ведущего к свободе. Это всегда «прыжок» в свободу. Но возможен произвольный переход от «рассеяния» в мире к самому себе. Механизм подобного перехода состоит в признании себя в качестве *причины* возможных изменений в мире («воля иметь совесть»). Открытие себя как *причиняющего* и принятие возможных последствий такого причинения есть акт чрезвычайный в становлении человека как во внешней, так и во внутренней жизни. Человек действует. Однако сама по себе его деятельность еще ни о чем не говорит. Он может действовать, исходя из уже *знаемого*, руководствуясь определенными ожиданиями. И в соответствии с внутренней логикой такого действия эти ожидания воплощаются в жизнь. Здесь имеет место запрограммированная детерминация. Но он может, сохраняя открытость бытию, отвечать на те возможности, с которыми к нему обращается мир. И тогда он «взрывает» все ожидания и создает то,

что не было предписано заранее. В то время как знание, по Хайдеггеру, ограничивает человека, открытость бытию составляет основу его раскрытия и свободного творчества.

Позиция Рубинштейна — это позиция *последовательного детерминизма*. Мотивация, традиционно противопоставляемая детерминизму, понимается им как субъективное отражение объективной детерминации человека миром. Свобода, считает Рубинштейн, обретается человеком только в условиях жизни в обществе. Это не индивидуальная характеристика. Рубинштейн в равной мере отрицает как метафизику *единичного человеческого существования* в экзистенциализме, так и метафизику *общественной жизни*, сводящей человека к его общественной функции, в вульгарно понятом марксизме (Там же, с. 363). Объективная роль человека в мире обнаруживается через особенности его индивидуального включения в отношения с другими людьми. Именно во взаимоотношениях с другими «у него развивается способность личных отношений к миру» (Абульханова, 2010, с. 351). Свобода не отрицает необходимость. Свобода есть осознанная необходимость. Реально свобода противостоит не необходимости, а принуждению. Рубинштейн выделяет три аспекта свободы: 1) свобода как самоопределение на основе внутреннего (трактовка, близкая взглядам Кьеркегора); 2) свобода человека в общественной жизни; 3) свобода как контроль сознания над собственными побуждениями (свобода в Спинозовском смысле) (Рубинштейн, 1973, с. 360). Ключевым моментом рассуждений Рубинштейна в обсуждаемом контексте является, как нам кажется, его обращение к категории *необходимости*. Действующая детерминация может как обладать, так и не обладать необходимостью. Необходимая связь, как признают и Хайдеггер, и Рубинштейн, требует осознанного принятия. Однако в социальной жизни большинство связей обладают лишь временной необходимостью. Такая временная связь требует для своего дальнейшего поддержания принуждения (себя, другого, природы). Это хорошо показал К. Маркс. Подобная детерминация (изжившие себя общественные отношения или деятельность на основе ограниченного знания) противостоит свободе и вызывает искажения в структуре бытия.

Рационализм Рубинштейна и принцип восхождения от абстрактного к конкретному

Выше мы говорили о том, что отличительной характеристикой экзистенциального направления является его *антирационализм*. Рубинштейн, напротив, сохраняет верность рационалистической традиции. Приверженность рациональному познанию нашла отражение в выборе им метода исследования. Таким методом для него становится *метод восхождения от абстрактного к конкретному*, предложенный Гегелем и преобразованный с материалистических позиций К. Марксом. Нетривиальный способ расстановки Рубинштейном категорий, при котором более абстрактные включают в себя более конкретные, о котором пишет К.А. Абульханова (Абульханова, 2020, с. 16), обусловлен использованием именно этого метода. Рубинштейн выступает

против экзистенциальной трактовки человека как *субъекта переживания* (Рубинштейн, 1973, с. 357), который, будучи субъектом, никогда не может стать объектом, в том числе объектом познания (Рубинштейн, 1997, с. 309). По его мнению, понятия субъекта и объекта — это понятия функциональные, а не абсолютные. Они обозначают лишь роль, в которой нечто выступает в процессе познания. Функция объекта познания может переходить с одного явления на другое. Рубинштейн стремится доказать возможность объективного научного познания сознания и бытия человека. С этой целью он использует прием рассмотрения предмета исследования в его наиболее существенных взаимосвязях — «анализ через синтез». В «Бытии и сознании» он применяет этот метод для осуществления последовательного восхождения от исходной недифференцированной формы психического отражения как единства субъективного и объективного к конкретному многообразию явлений психического (познавательные, аффективно-мотивационные процессы, способности, характер, свободное действие, личность) (см.: Чеснокова, 2021). При этом он подчеркивает, что возникновение свободного действия неразрывно связано с развитием *познавательной* функции. Обобщение отдельных свойств в целостном образе предмета сопровождается выделением *условий*, в которых он дан. Это открывает возможность для выбора действия, отвечающего таким условиям, т.е. для *свободного действия*. Обобщение лежит в основе формирования чувств (включая мировоззренческие чувства), характера, способностей.

Онтологизация познания и этики в работе Рубинштейна «Человек и мир»

Монография «Человек и мир» во многом являлась ответом Рубинштейна на вопросы, поставленные «Бытием и временем» Хайдеггера. Рубинштейн предлагает читателю свою онтологию бытия (см.: Абульханова, 2010, 2020). Прежде всего он отказывается от идущего с античности деления философии на онтологию, гносеологию и этику. Как пишет К.А. Абульханова, он отвергает «удельный», обособленный способ разработки этих проблем» (Абульханова, 2020, с. 18). Познавательное и этическое отношение человека к действительности вводятся им в онтологический контекст. Он прослеживает становление и роль этих отношений внутри самого бытия. Познание не безразлично по отношению к бытию, утверждает он. Проникновение познания в бытие одновременно есть и проникновение бытия в познание. Такое взаимопроникновение становится возможным благодаря тому, что человек является не только переживающим (страдательным), но и *деятельным* существом. «Идеализация и преобразование мира — таков способ существования человека как сознательного существа» (Рубинштейн, 1997, с. 313). Человек не просто открывает мир, как утверждает Хайдеггер, — он меняет его. Возможность такого целенаправленного изменения дается сознанием. Все бытие, таким образом, обретает совершенно другое качество. «Вселенная с появлением человека — это *осознанная, осмысленная Вселенная*, которая изменяется действиями в ней человека» (выделено мной. — М.Г.) (Там же, с. 330).

Тесная связь существует между *познанием* и *этикой*. Познавательное отношение к бытию опосредствуется отношением к другим людям. Внутри человеческих отношений истина — «это не только правильность, но и правда, справедливость», а неистина — обман, сокрытие, введение в заблуждение себя и других людей (Там же, с. 332). Само умение идти в познании до конца требует от человека мужества. Основу подлинно этического отношения к другому человеку составляет сочетание правильного понимания его сущности (познание) с любовным отношением к нему (чувство). Рубинштейн подчеркивает особую *онтологическую функцию* любви: «Любовь в ее “онтологическом” содержании — это процесс вычленения из сплетения зависимостей целей и средств особого, неповторимого существа данного человека. Любовь есть выявление этого образа человека и утверждение его существования» (Там же, с. 373). Познание и любовь «правят» миром. Сознание, отражая реальные противоречия жизни, трансформирует их в проблемы, требующие деятельного разрешения. Любовь утверждает основы существования того, что имеет для человека в жизни особую ценность.

Проводя идею онтологической ценности объективного познания действительности, Рубинштейн в то же время не переоценивает сами возможности познания. «Действительность как конечное никогда окончательно не входит в мысль, в познание; мысль, познание всегда в ней» (Там же, с. 321). Так он выходит на понятие трансцендентного. «Трансцендентное — это то, во что вплетена мысль человека, не исчерпывающая его» (Там же, с. 324). *Признание приоритета бытия перед сознанием* — это та ключевая мысль, которая объединяет марксизм и экзистенциализм. Это тот лейтмотив, который делает возможным порой неожиданные сочетания марксистских и экзистенциальных идей в одной концепции.

Основой полноценного отношения к другому является полноценное отношение к бытию, настаивает Рубинштейн. Последнее состоит в единстве *познавательного, действенного* и *созерцательного* (эстетического) отношения к действительности. Искомая экзистенциализмом аутентичность человеческого существования заключается в обретении человеком этой полноты как своей подлинной сущности. Ответственность за ее реализацию лежит на самом человеке, выступающем как *субъект жизни*. Отношения с миром полны противоречий. Особенность человека как субъекта жизни заключается в способности разрешать эти жизненные противоречия, что возможно только на основе сознания. Открытие Я, о котором писал еще Кьеркегор, «означает развитие сознания как обобщенного бытийного отношения индивида» (Абульханова, 2010, с. 353). «Дифференциальная онтология» Рубинштейна нашла отражение и в его подходе к проблеме субъекта. Рубинштейн говорит о разной степени субъектности и человечности человека, определяемой его способностью реализовывать всю полноту отношений с миром, включая этическое отношение к другому человеку как к субъекту. В этом смысле способность быть субъектом рассматривается им не как абсолютная (как в экзистенциализме), а как только «вероятностная», по выражению К.А. Абульхановой, характеристика человека.

Заключение

Мы подробно проследили диалог Рубинштейна с экзистенциалистами и убедились, что он был весьма интенсивным и плодотворным для его творческой мысли. Отвечая на вопрос о характере влияния экзистенциальных идей на Рубинштейна, мы можем указать следующее. Прежде всего он активно осваивает проблематику экзистенциализма. Это нашло отражение в созвучии взглядов ученого с экзистенциальной программой С. Кьеркегора. Подобно Хайдеггеру (и, судя по первым наброскам, относительно независимо от него), Рубинштейн приходит к необходимости рассмотрения основных философских и психологических вопросов с онтологической точки зрения. В основу этой онтологии он кладет тезис о *бытии человека в мире*, содержащийся уже у Хайдеггера. И здесь мы не можем согласиться с К.А. Абульхановой, приписывающей авторство этой идеи Рубинштейну. Однако в отличие от Хайдеггера Рубинштейн «выдерживает» онтологическую позицию более последовательно. Это обнаруживается в его отношении к проблеме познания. Познание имеет свое бытие в мире, свой онтологический смысл, заключающийся в возможности коренного преобразования действительности, самого человека и его отношений с людьми. Таким образом, дискредитированная экзистенциализмом познавательная способность человека реабилитируется Рубинштейном в своих правах. Одним из главных пунктов его расхождения с экзистенциалистами является проблема *свободы*, которая, по мнению ученого, возникает не из ниоткуда, а на основе развития способности к обобщению, т.е. познавательной функции человека. *Познание и этика* — вот то, что человек привносит в мир, способствуя совершенствованию самой жизни. «Смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества» (Рубинштейн, 1973, с. 385).

Другой особенностью рубинштейновской онтологии является ее *дифференциальный* характер. Для построения своей «дифференциальной онтологии» Рубинштейн обращается за помощью к оппозиционному экзистенциализму рационалистической традиции, а именно к диалектическому методу восхождения от абстрактного к конкретному. Если онтология человеческого бытия Хайдеггера строится как феноменология, то онтология бытия Рубинштейна — как реконструкция.

Знакомство с философией экзистенциализма и собственный жизненный опыт побуждают Рубинштейна отказаться от марксова определения человека как «ансамбля общественных отношений». В заключительных строках монографии «Человек и мир» он пишет: «Разбирая в онтологическом плане проблему существования, мы пришли к определению преимущества индивида как, во-первых, единичного и потому реального, которое существует само по себе, и, во-вторых, неповторимого, и в этом состоит незаменимая ценность индивида» (Там же, с. 384). Правда, это преимущество обнаруживает себя лишь при условии утверждения индивида как *единства единичного, особенного и всеобщего*, а не только «голой индивидуальности» (Там же). Признание онтологической ценности индивида также сближает Рубинштейна с экзистенциализмом.

Проведенный анализ представляется нам весьма важным с точки зрения проникновения во «внутреннюю кухню» творческой мысли ученого. Отличительной особенностью Рубинштейна как мыслителя являлось его отношение к философии не как к знанию, а как к способу мышления. Знакомясь с той или иной философской системой или направлением, он стремился освоить главным образом предлагаемый этим направлением способ мышления и развить его до его логического конца, до последнего противоречия, в которое оно упирается. К.А. Абульханова называет данный метод «реинтерпретацией»: «Эта процедура, в отличие от интерпретации, в ее самом общем виде лишь раскрывающей смысл авторской теории, заключается в использовании идей последней таким образом, чтобы в ней обнаружились новые аспекты, иногда противоположные самой авторской интерпретации» (Абульханова, 2010, с. 28). Таким «последним противоречием» в экзистенциальной философии выступает проблема познания. Поворот экзистенциализма к этой проблеме, а не отказ от нее мог бы ознаменовать переход данного направления на принципиально новый уровень. Именно это и делает Рубинштейн: он выводит развитие экзистенциальной мысли на новый виток, интегрировав ее с достижениями рационалистической философии. Поэтому, отвечая на вопрос о возможности отнесения Рубинштейна к экзистенциальному подходу, мы можем на полном основании говорить о его существенном вкладе, во-первых, в привлечение экзистенциальных идей в пространство отечественной философии и психологии, а во-вторых, в развитие экзистенциального направления в широком смысле слова.

Мы переходим к чрезвычайно сложному вопросу о возможности существования экзистенциальной психологии как науки, а не только как философии и психотерапии. Западная традиция развития экзистенциальной мысли, как мы уже говорили вначале, фактически отрицает эту возможность. В отечественной психологии эта логика, в свою очередь, привела к констатируемому Ф.Е. Василюком (Василюк, 1996) и другими «схизису» психологии, расколу ее на академическую и практическую. На этом фоне концепция Рубинштейна, как нам кажется, дает перспективу для иного пути развития психологии. Прежде всего, она прочно ставит психологию на онтологические основания, а любое конкретно-научное исследование включает в онтологический контекст. Во-вторых, она сохраняет психологию как объективную форму познания психической реальности, т.е. как науку. При этом она ограничивает претензии научного познания на охватывание им всего бытия психического, которое никогда не сводится к мысли о нем. Этот шаг теоретически позволяет снять, с одной стороны, проблему выбора между когнитивной и экзистенциальной парадигмой путем сохранения возможности исследования познавательных, а в перспективе и других психических процессов в их онтологической функции (и такого рода исследования в отечественной психологии имеются; см., в частности: Барабанщиков, 2002, 2011), с другой — дихотомию «научной» и практической психологии как онтологически неполных. При этом изучение психических процессов как «личностных» позволяет выстроить мостик между объективной научной и феноменологически ориентированной практической

психологией. В-третьих, концепция Рубинштейна ставит перед психологией проблему разработки частных онтологий, различающихся степенью общности. Это могут быть онтология эпохи (историческая психология), онтология общественных формаций и отдельных социальных групп (социальная психология), онтология бытия отдельного человека (индивидуальная психология и психотерапия). Сама система психологических дисциплин должна быть выстроена на онтологическом основании. Данные рассуждения о возможной методологической роли онтологической концепции Рубинштейна для психологии носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшей проработке. Накопленные в школе С.Л. Рубинштейна и в психологии в целом конкретно-научные достижения могут составить хорошую основу для такого осмысления.

Литература

- Абульханова, К. А. (ред.). (2010). *Сергей Леонидович Рубинштейн. Философия России второй половины XX века*. М.: РОССПЭН.
- Абульханова, К. А. (2020). Онтологическая парадигма С.Л. Рубинштейна «Человек и мир». *Познание и переживание*, 1(1), 8–26. https://doi.org/10.51217/cogexp_2020_01_01_01
- Арсеньев, А. С. (2007). От субъекта к личности (Полемика о творческой судьбе С.Л. Рубинштейна). *Методология и история психологии*, 2(4), 99–137.
- Барабанщиков, В. А. (2002). *Восприятие и событие*. СПб.: Алетейя.
- Барабанщиков, В. А. (2011). Онтологический подход в исследованиях восприятия. В кн. *Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна* (с. 81–101). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Василюк, Ф. Е. (1996). Методологический смысл психологического кризиса. *Вопросы психологии*, 6, 25–40.
- Гришина, Н. В. (2018). *Экзистенциальная психология*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Дмитриева, Н. А. (2016). С.Л. Рубинштейн как читатель «Феноменологии духа» Гегеля. *Проблемы современного образования*, 4, 9–19.
- Знаков, В. В. (2005). *Психология понимания: проблемы и перспективы*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Киркегор, С. (1994). *Наслаждение и долг*. Киев: AirLand.
- Кьеркегор, С. (2010). *Страх и трепет*. М.: Культурная революция.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика.
- Рубинштейн, С. Л. (1997). *Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии*. М.: Наука.
- Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. (1989). М.: Наука.
- Тиллих, П. (2017). *Систематическая теология* (2-е изд., испр. и доп., т. 1). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Хайдеггер, М. (2015). *Бытие и время*. М.: Академический проект.
- Чеснокова, М. Г. (2021). Диалектический метод и принцип восхождения от абстрактного к конкретному в теориях отечественной психологии. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 544–561. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-544-561>

References

- Abulkhanova, K. A. (Ed.). (2010). *Sergei Leonidovich Rubinshtein. Filosofiya Rossii vtoroi poloviny XX veka* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Russian philosophy of the mid-to-late 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
- Abulkhanova, K. A. (2020). S.L. Rubinstein's ontological paradigm — “Man and the world”. *Poznanie i Perezhivanie [Cognition and Experience]*, 1(1), 8–26. https://doi.org/10.51217/cogexp_2020_01_01_01 (in Russian)
- Arseniev, A. S. (2007). Ot sub"ekta k lichnosti (Polemika o tvorcheskoi sud'be S.L. Rubinshteina) [From subject to personality (Polemizing on the creative life of S.L. Rubinstein)]. *Metodologiya i Istoriya Psikhologii*, 2(4), 99–137.
- Barabanshchikov, V. A. (2002). *Vospriyatie i sobytie* [Perception and event]. Saint Petersburg: Aleteiya.
- Barabanshchikov, V. A. (2011). Ontologicheskii podkhod v issledovaniyakh vospriyatiya [Ontological approach in research on perception]. In *Filosofsko-psikhologicheskoe nasledie S.L. Rubinshteina* [Philosophical and psychological heritage of S.L. Rubinstein] (pp. 81–101). Moscow: Institute of Psychology of the RAS.
- Chesnokova, M. G. (2021). The dialectical method and the principle of ascent from the abstract to the concrete in the theories of Russian psychology. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 18(3), 544–561. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-544-561> (in Russian)
- Dmitrieva, N. A. (2016). Sergey Rubinstein as reader of Hegel's “Phenomenology of spirit”. *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya [Problems of Modern Education]*, 4, 9–19. (in Russian)
- Grishina, N. V. (2018). *Ekzistentsial'naya psikhologiya* [Existential psychology]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University.
- Heidegger, M. (2015). *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: Akademicheskii proekt. (Original work published 1927 in German)
- Kierkegaard, S. (1994). *Naslazhdenie i dolg* [Pleasure and duty]. Kiev: AirLand.
- Kierkegaard, S. (2010). *Strakh i trepet* [Fear and trembling]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. (Original work published 1843 in Danish)
- Rubinstein, S. L. (1973). *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of the general psychology]. Moscow: Pedagogika.
- Rubinstein, S. L. (1997). *Izbrannye filosofsko-psikhologicheskie trudy. Osnovy ontologii, logiki i psikhologii* [Selected philosophical and psychological works. Foundations of ontology, logic and psychology]. Moscow: Nauka.
- Sergei Leonidovich Rubinstein. Ocherki, vospominaniya, materialy. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Sergey Leonidovich Rubinstein. Essays, memoirs, materials. To the 100th birthday anniversary]. (1989). Moscow: Nauka.
- Tillikh, P. (2017). *Sistematicheskaya teologiya* [Systematic theology] (2nd ed., Vol. 1). Moscow; Saint Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ. (Original work published 1951–1963)
- Vasilyuk, F. E. (1996). Metodologicheskii smysl psikhologicheskogo krizisa [The methodological meaning of the crisis in psychology]. *Voprosy Psikhologii*, 6, 25–40.
- Znakov, V. V. (2005). *Psikhologiya ponimaniya: problemy i perspektivy* [The psychology of understanding: problems and prospects]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS.

Короткие сообщения

ПРОЕКТИВНЫЕ МАРКЕРЫ ПСИХОГЕННОГО ИНДУЦИРОВАНИЯ В РИСУНКАХ ДЕТЕЙ В СИТУАЦИИ СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Т.А. АДМАКИНА^а

^а Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 192236, Россия, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15

Projective Markers of Psychogenic Induction in Children's Drawings in the Situation of Psychological and Pedagogical Expertise

T.A. Admakina^a

^a Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 15 Fuchika Str., Saint Petersburg, 192236, Russian Federation

Резюме

В ситуации высококонфликтного развода довольно часто между родителями возникают разногласия, связанные с правом на воспитание ребенка, что служит поводом их обращения в суд. Суд назначает психолого-педагогическую экспертизу. Эксперт часто наблюдает, что ребенок предъявляет не свои убеждения и взгляды, а транслирует такую позицию к отдельно проживающему родителю, которая не соответствует его настоящим, искренним чувствам и отношению к нему. В арсенале психолога отсутствуют конкретные диагностические средства, направленные на обнаружение обозначенного явления. В данной статье предпринимается поиск проективных маркеров психогенного индуцирования (механизма формирования негативного образа другого

Abstract

In situation of high-conflict divorce, quite often there are disagreements between parents related to the right to raise a child, which is the reason for them to go to court. The court appoints psychological and pedagogical expertise. The expert often observes that the child does not present his beliefs and views, but translates such a position to the separately living parent, which contradicts his true feelings and attitude towards him. In the arsenal of the psychologist, there are no specific diagnostic tools aimed at detecting the indicated phenomenon. This article attempts to search for projective markers of psychogenic induction (a phenomenon in which a parent influences the child's opinion,

родителя у ребенка) посредством анализа данных, полученных с помощью методики «Рисунок несуществующего животного». Исследуемую выборку составили 63 несовершеннолетних испытуемых, чьи родители пребывают в ситуации высококонфликтного развода и имеют судебный спор о праве на воспитание ребенка. Выделены 48 рисуночных параметров, представленных в порядковой шкале. Далее был осуществлен корреляционный анализ 48 изобразительных признаков с переменной «наличие психогенного индуцирования». Квалифицированный эксперт осуществлял качественную оценку выраженности психогенной индукции. Выборка детей разделилась по степени выраженности психогенного индуцирования следующим образом: отсутствие признака (0 баллов) — 39.6%, средняя степень выраженности (1 балл) — 35.9%, признак выражен (2 балла) — 24.5%. Параметр «выраженность психогенного индуцирования» положительно взаимосвязан с такими параметрами детского рисунка, которые являются маркерами эмоционального упадка, сбережения сил, а также агрессивного эмоционального состояния ребенка.

Ключевые слова: судебная экспертиза, психогенное индуцирование, проективный метод, рисунок несуществующего животного.

Адмакина Татьяна Анатольевна – доцент, кафедра социальной психологии, факультет конфликтологии, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; эксперт, Общество с ограниченной ответственностью «Центр независимой экспертизы «Петроэксперт»», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: психологическая диагностика, детско-родительские отношения. Контакты: admakina.ta@gmail.com

imposes his position, forming a negative image of the other parent) by analyzing the data obtained using the "Drawing of a nonexistent animal" technique. The study sample consisted of 63 children participating in a forensic psychological and pedagogical examination, and whose parents are in a situation of high-conflict divorce. Highlighted 48 drawing parameters presented in an ordinal scale. Further, a correlation analysis of 48 pictorial features with the variable "presence of psychogenic induction" was carried out. A qualified expert carried out a qualitative assessment of the severity of psychogenic induction. The sample of children was divided according to the severity of psychogenic induction as follows: no sign (0 points) — 39.6%, medium severity (1 point) — 35.9%, pronounced sign (2 points) — 24.5%. The parameter "severity of psychogenic induction" positively correlated with such parameters of a child's drawing, which are the markers of emotional decline, energy conservation, and an aggressive emotional state of the child.

Keywords: psychological and pedagogical expertise, psychogenic induction, projective technique, drawing of a nonexistent animal.

Tatyana A. Admakina – associate professor, Department of Social Psychology, Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions; expert, the limited liability company «The center for independent expertise «Petroexpert», PhD in Psychology.

Research Area: psychological diagnostics, child-parent relations.
E-mail: admakina.ta@gmail.com

В судебной психологической практике эксперт сталкивается с рядом диагностических трудностей. В научном и прикладном пространстве отсутствует единый подход к подбору методов и методик исследования, объяснению и трактовке полученных данных (Русаковская и др., 2011). Объект исследования (подэкспертный) крайне заинтересован в разрешении судебного разбирательства в его пользу, что зачастую приводит к искаженному предъявлению

им информации. Стандартизированные самоотчеты (опросники) не уберегают от просоциальных ответов (Русаковская и др., 2019).

Еще бóльшие сложности возникают при решении экспертом-психологом таких нетривиальных задач, как, например, дифференциация истинного и индуцированного (внушенного) родителем мнения ребенка в семейных спорах. Остановимся подробнее на данной проблеме.

В ситуации высококонфликтного развода часто между родителями возникают разногласия, связанные с правом на воспитание ребенка, что служит поводом их обращения в суд. Разрешение противоречий по вопросам, касающимся права на воспитание ребенка, не обходится без назначения судом психолого-педагогической экспертизы. В рамках такой экспертизы психолог оценивает индивидуально-психологические особенности участвующих в споре членов семьи, когнитивное развитие, актуальное эмоциональное состояние несовершеннолетнего подэкспертного, выясняет реальное отношение сына и/или дочери к каждому родителю, степень привязанности, а также диагностирует наличие либо отсутствие психогенного индуцирования — явления, «при котором родитель влияет на мнение ребенка, навязывает свою позицию, формируя негативный образ другого родителя» (Харитонов и др., 2014, с. 101).

Как правило, конфликтные отношения между родителями сильно обостряются при переходе на судебную стадию, приобретая враждебный и агрессивный характер. Ребенок используется как средство манипуляции и воздействия на оппонента. Поэтому в ситуации экспертизы специалист-психолог сталкивается с тем, что ребенок предьявляет не свои убеждения и взгляды, а транслирует такую позицию к отдельно проживающему родителю, которая противоречит его настоящим, искренним чувствам и отношению к нему.

Сложность выявления психогенного индуцирования заключается в том, что, во-первых, отсутствуют конкретные методики, диагностирующие наличие/отсутствие обозначенного явления. Во-вторых, нет четких референтов (проективные, семантические и иные) внушенного мнения в диагностических средствах, уже имеющихся в арсенале психолога. В-третьих, в научной литературе практически не представлены сведения о том, как в вербальном и невербальном поведении родителя и ребенка может проявляться психогенное индуцирование. В-четвертых, мы имеем дело со скрываемым, завуалированным психологическим явлением, которое сложно выявить «напрямую» (за исключением случаев, когда ребенок сам об этом говорит).

Проблема достоверности и объективности получаемых данных решается за счет проведения экспериментально-психологического исследования (Русаковская и др., 2019). Для диагностики характера отношений ребенка к каждому из родителей применяется экспериментально-психологический метод исследования, в котором активно используются проективные методики (Сафуанов и др., 2011).

В настоящей статье мы остановимся на обсуждении показателей психогенного индуцирования в проективном методе, в частности в рисунке. Достоинства рисуночных методик является возможность оценить неосознаваемые переживания и потребности человека, свободное и легкое исполь-

зование с испытуемыми-детьми. Однако они обладают рядом недостатков. Рисуночные методы диагностики не в полной мере стандартизованы, описанные в профессиональной литературе способы интерпретации изобразительных признаков — результат несистематизированных наблюдений практикующих психологов, а большинство трактовок не удостоверены в строгом научном исследовании.

В диагностическом арсенале эксперта-психолога имеется методика «Рисунок несуществующего животного». Направлена на выявление различного диапазона индивидуально-типологических особенностей человека — психологического состояния испытуемого, формально-динамических, характерологических, личностных черт и др. (Дукаревич, Яньшин, 1990).

В одном из наших исследований был выявлен проективный референт наличия эмоционального конфликта у детей, чьи мамы/папы спорят о месте жительства ребенка и/или порядке его общения с отдельно проживающим родителем. В ситуации психолого-педагогической экспертизы вероятность появления в детском рисунке вымышленного существа с двумя головами в 17.5 раз выше популяционной нормы (Адмакина, 2019).

В настоящем исследовании мы остановимся на изобразительных признаках рисунка «Рисунок несуществующего животного», которые могут указывать на наличие в детско-родительских отношениях психогенного индуцирования.

Цель исследования — обнаружить значимые проективные признаки на материале методики «Рисунок несуществующего животного», указывающие на наличие психогенного индуцирования в детско-родительских отношениях.

Выборка исследования

Выборку составили 63 ребенка, участвующие в судебной психолого-педагогической экспертизе (далее — ППЭ). Возраст детей — от 8 до 14 лет. Средний возраст — 9.8 года. Мальчики — 62% (39 человек), девочки — 38% (24 человека).

Метод исследования

В настоящем исследовании применялась методика «Рисунок несуществующего животного».

Выбор данной методики обусловлен простотой инструкции и легкостью ее использования, применимостью для широкого возрастного диапазона (от 5 лет и более). Многие методики, призванные оценивать детско-родительские отношения, имеют узкие возрастные ограничения. Обозначенный диагностический инструмент решает широкий круг задач — от оценки психологического состояния до личностных и социально-психологических характеристик ребенка.

Для изображения вымышленного существа детям предлагался набор из цветных карандашей. Далее с ребенком велась структурированная беседа о

нарисованном животном. В данной статье мы анализируем не рассказ, а только изобразительные параметры.

Измеряемые признаки — широко применяемые в психологической практике критерии оценки детской изобразительной продукции: нажим на карандаш, особенности линий (штрихованные, эскизные линии), стирание и исправление рисунка, размер рисунка, расположение на листе, яркость/обедненность изображения, детализированность рисунка, украшения, наличие деталей, не относящихся к основному сюжету, изображение более одного животного, тип животного (составное, антропоморфное, оригинальное, целостное), впечатление, производимое животным (добродушное, грустное, испуганное, агрессивное и пр.), содержательные характеристики — наличие и выраженность различных органов чувств, частей тела (Венгер, 2003; Музыченко, 2013). Все обозначенные признаки представлены в порядковой шкале (нет признака — 0, признак есть, средне выражен — 1, признак явно выражен — 2). Всего было оценено 48 проективных признаков.

Применялся корреляционный анализ (коэффициент корреляции r Спирмена). Оценивалась взаимосвязь изобразительных признаков, обозначенных выше, с такой переменной, как «выраженность психогенного индуцирования».

Показатель «выраженность психогенного индуцирования» кодировался в порядковой шкале, где 0 — нет признака, 1 — признак есть, средне выражен, 2 — признак явно выражен.

Автор статьи (судебный эксперт-психолог) осуществлял качественную оценку на основании совокупного анализа различных по качеству и содержательной наполненности следующих методов и методик:

- характера взаимодействия ребенка с родителем, оценка невербальных проявлений;
- речи ребенка, содержательных и ритмико-интонационных характеристик;
- индивидуально-психологических особенностей родителей и их поведения в экспертной ситуации, выявляемых посредством метода беседы, наблюдения, экспериментально-психологического исследования с применением проективных методик и стандартизированных самоотчетов;
- степени конфликтности отношений между разведенными супругами.

Выборка разделилась по степени выраженности психогенного индуцирования следующим образом: отсутствие признака (0 баллов) — 39.6%, средняя степень выраженности (1 балл) — 35.9%, признак выражен (2 балла) — 24.5%.

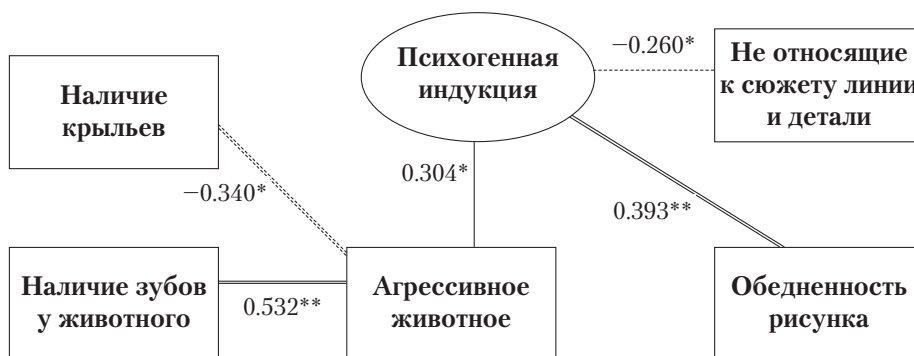
Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics.

Результаты исследования

Получены следующие результаты (рисунок 1). Выявлена положительная взаимосвязь переменной «выраженность психогенного индуцирования» с признаком «агрессивное животное» ($r = 0.304$; $N = 63$, $p = 0.05$). Последний

Рисунок 1

Корреляции переменной «наличие психогенной индукции» с изобразительными признаками методики «Рисунок несуществующего животного» у детей, проходящих психолого-педагогическую экспертизу

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

— положительная корреляция, - - - - отрицательная корреляция.

диагностировался в случае, если выдуманное существо производит враждебное впечатление на реципиента, даже при отсутствии таких явных референтов агрессии, как рога, оскаленные зубы, когти, оружие и пр. Обозначенный признак положительно коррелирует с параметром «наличие зубов» ($r = 0.532$, $N = 63$, $p = 0.01$) и отрицательно — с переменной «наличие крыльев» ($r = -0.340$, $N = 63$, $p = 0.01$).

Взаимоотношения между родителями, которые не смогли договориться между собой о воспитании ребенка после развода, обладают высокой степенью напряженности и конфликтности. Мотивом подачи иска зачастую служит желание отомстить, причинить боль бывшему супругу. В данном случае родитель ориентирован не на интересы ребенка, которому необходим психологически комфортный контакт как с мамой, так и с папой, а на удовлетворение своей потребности в «опредмечивании» негативных эмоций (ненависти, обиды, отчаяния и пр.) в виде наказания бывшего супруга путем лишения его возможности встреч и общения с сыном/дочерью. Ребенок усваивает ярость и презрение, которые транслируют родители по отношению друг к другу, что проявляется в детской рисуночной продукции. Иногда родитель использует ребенка как контейнер для сбрасывания собственных агрессивных переживаний в адрес бывшего супруга.

Именно эти обстоятельства оказывают наиболее травматичное воздействие на психику несовершеннолетнего с риском возникновения невротических расстройств, сама по себе юридическая ситуация развода имеет второстепенную роль (Gardner, 1992; Buchanan et al., 1991).

Логичной представляется отрицательная связь агрессивного состояния ребенка с переменной «наличие крыльев» ($r = -0.340$, $N = 63$, $p = 0.01$), олицетворяющей свободу, движение. Дети, родители которых оказывают давление

на их мнение и выбор, ощущают ограничение и притеснение желаний, остановку.

Обедненность рисунка как характеристика, противоположная яркости изображения, диагностировалась в случае тусклого, невзрачного оформления вымышленного животного с низкой степенью проработанности образа. Данный признак можно трактовать как сниженный энергетический тонус у рисующего субъекта, у которого ослаблено активное и деятельное начало (Музыченко, 2013). Специфический «страх» ярких, интенсивных оттенков отмечен у страдающих неврозами (Базыма, 2001).

С параметром «выраженность психогенной индукции» отрицательно взаимосвязан признак «линии и детали, не относящиеся к основному сюжету» ($r = -0.260$; $N = 63$, $p = 0.05$). Согласно М.З. Дукаревич и другим исследователям, малое количество деталей — референт экономии энергии, астении, энергетического упадка. Если ребенок принужден высказывать «не свое» мнение, окружен обвинениями в адрес одного из родителей (как правило, отдельно проживающего) — ранее любимого и близкого человека, то у него подрывается опора, что приводит его к эмоциональной дестабилизации и снижению адаптационных возможностей. Поэтому понятно, почему в рисунках детей, подвергаемых психогенному индуцированию, прослеживаются маркеры эмоционального упадка, сбережения сил. Такое пассивное, энергосберегающее физиологическое состояние создает ощущение беспомощности, опустошенности, не давая ребенку противостоять разрушительному воздействию конфликта между родителями.

Обсуждение полученных результатов

В настоящем исследовании обнаружена корреляционная связь переменной «выраженность психогенной индукции» с изобразительными признаками методики «Несуществующее животное».

Таким образом, рисуночный тест может являться дополнением в комплексном подходе к выявлению психогенного индуцирования.

Для содержательной оценки детско-родительских отношений в семье необходимы системная оценка конкретной семейной ситуации, непосредственное наблюдение эксперта за поведением участников судебного спора, а также всеобъемлющий анализ используемых методов, различных по способам и техникам выявления информации (проективного метода, беседы, наблюдения, анализа материалов дела, стандартизированных самоотчетов и пр.), которые при системной оценке могут дать объективный и обоснованный вывод.

Литература

- Адмакина, Т. А. (2019) Эмоциональное содержание внутреннего конфликта у детей школьного возраста (в ситуации развода родителей). В кн. *Психология психических состояний* (вып. 13, с. 202–205). Казань: Изд-во Казанского университета.

- Базыма, Б. А. (2001). *Цвет и психика*. Харьков: ХГАК.
- Венгер, А. Л. (2003). *Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство*. М.: ВАЛДОС-ПРЕСС.
- Дукаревич, М. З., Яньшин, П. В. (1990). Рисунок несуществующего животного. В кн. А. И. Зеличенко, И. М. Карлинская, С. Р. Пантелеев и др. (ред.), *Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции* (с. 54–73). М.: Изд-во Московского университета.
- Музыченко, Г. Ф. (2013). *Проективная методика «Несуществующее животное». Руководство и результаты психодиагностического исследования взрослых пациентов с различными расстройствами эмоционально-личностной сферы*. СПб.: Речь.
- Русаковская О. А., Новикова-Грунд, М. В., Андрианова, С. Б. (2019). Психосемиотический подход к оценке родительского отношения. *Российский психиатрический журнал*, 4, 27–35.
- Русаковская, О. А., Сафуанов, Ф. С., Харитонов, Н. К. (2011). Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями. *Психология и право*, 1(1). https://psyjournals.ru/files/39325/psyandlaw_2011_1_Rusakovskaya.pdf
- Сафуанов, Ф. С., Харитонов, Н. К., Русаковская, О. А. (2011). *Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка*. М.: Генезис.
- Харитонов, Н. К., Сафуанов, Ф. С., Вострокнутов, Н. В., Русаковская, О. А. (2014). Методологические основы проведения комплексных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей: методические рекомендации для экспертов. *Теория и практика судебной экспертизы*, 3(35), 93–106.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Admakina, T. A. (2019). Emotsional'noe soderzhanie vnutrennego konflikta u detei shkol'nogo vozrasta (v situatsii razvoda roditel'ei) [Emotional content of internal conflict in school-age children (in the situation of parents' divorce)]. In *Psikhologiya psikhicheskikh sostoyanii* [Psychology of mental states] (Iss. 13, pp. 202–205). Kazan: Kazan University.
- Bazyma, B. A. (2001). *Tsvet i psikhika* [Color and the mind]. Kharkiv: Kharkiv State Academy of Culture.
- Buchanan, C., Maccoby, E. E., & Dornbusch, S. M. (1991). Caught between parents: Adolescents' experience in divorced homes. *Child Development*, 62, 1008–1029.
- Dukarevich, M. Z., & Ianshin, P. V. (1990). Risunok nesushchestvuyushchego zhivotnogo [Picture of non-existent animal]. In A. I. Zelichenko, I. M. Karlinskaya, S. R. Panteleev et al. (Eds.), *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii* [Practicum in psychodiagnostics. Psychodiagnostics of motivation and self-regulation]. Moscow: Moscow University Press.
- Gardner, R. A. (1992). *The parental alienation syndrome: A guide for mental health and legal professionals*. Cresskill, NJ: Creative Therapeutics.
- Kharitonova, N. K., Safuanov, F. S., Vostroknutov, N. V., & Rusakovskaya, O. A. (2014). Methodological framework of conduct for integrated psychological and psychiatric examinations in disputes about the right to raise children. *Teoriya i Praktika Sudebnoi Ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], 3(35), 93–106. (in Russian)

- Muzychenko, G. F. (2013). *Proektivnaya metodika "Nesushchestvuyushchee zhivotnoe". Rukovodstvo i rezul'taty psikhodiagnosticheskogo issledovaniya vzroslykh patsientov s razlichnymi rasstroistvami emotsional'no-lichnostnoi sfery* [A projective technique Non-Existent Animal. A guidance and the results of a psychodiagnostic study of adult patients with various disorders of emotional and personal spheres]. Saint Petersburg: Rech'.
- Rusakovskaya, O. A., Novikova-Grund, M. V., & Andrianova, S. B. (2019). The psychosemiotic approach towards assessment of parental attitudes. *Rossiiskii Psikhiatricheskii Zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 4, 27–35. (in Russian)
- Rusakovskaya, O. A., Safuanov, F. S., & Kharitonova, N. K. (2011). Current issues of experts' participation in child custody in the event of parents' separation. *Psikhologiya i Pravo [Psychology and Law]*, 1(1). https://psyjournals.ru/files/39325/psyandlaw_2011_1_Rusakovskaya.pdf (in Russian)
- Safuanov, F. S., Kharitonova, N. K., & Rusakovskaya, O. A. (2011). *Psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditelyami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka* [Psychological psychiatric expertise in court on legal arguments between parents on child's upbringing and place of living]. Moscow: Genezis.
- Venger, A. L. (2003). *Psikhologicheskie risunochnye testy: Illyustrirovannoe rukovodstvo* [Psychological drawing techniques; Illustrated guidance]. Moscow: VALDOS-PRESS.

Обзоры и рецензии

УСПЕШНОСТЬ КОПИНГА

Е.В. БИТЮЦКАЯ^а

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Coping Success

E.V. Bityutskaya^a

^a Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Резюме

Статья представляет аналитический обзор проблемы успешности копинга. Понятие успешности активно используется в научной литературе по совладанию со стрессом и трудными ситуациями, но до сих пор не получило четкого определения. Целями статьи являются: описание критериев, функций и компонентов успешного совладания с трудными жизненными задачами; обоснование схемы, которая репрезентирует этапы этого процесса. Представлены признаки успешного копинга; выделены определяющие его характеристики воспринимаемой ситуации (контроль и понимание ситуации, прогнозирование разных вариантов развития событий, включая позитивный образ будущего, формулирование цели как достижения высокого

Abstract

The article presents an analytical review on the matter of coping success. The concept of success is actively used in the scientific literature on coping with stress and challenging situations, however, a clear definition has not yet been received. The objectives of the article are to describe the criteria, functions and components of successful coping with difficult life circumstances; and to provide rationale for the scheme, which represents stages and components of successful coping. The signs of successful coping are presented; the characteristics of the perceived situation that determine it are highlighted. These characteristics include subjective control and understanding of the situation, forecasting various scenarios for the development of events, including a positive image of the

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00838.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00838.

результата). Успешность копинга определяется как эффективное достижение трудной жизненной цели и рассматривается в контекстах эффективности, гибкости, ресурсов личности, культурных особенностей. Показано, что успешный копинг соответствует трудным жизненным задачам, а его функциями являются приближение к цели через планомерные усилия и резистентность к собственному избеганию, а также к внешним помехам. Обоснована центральная роль цели для актуализации успешного копинга, что отличает его от проактивного совладания. На основе анализа результатов проективной графической методики «Схема трудной жизненной ситуации» детализированы компоненты успешного копинга и различия для двух типов восприятия трудностей: эмоционального переживания и комплексного анализа ситуации. В целом, исследование выполнено в рамках подхода, рассматривающего копинг как позитивный процесс. Представленная в приложении схема, иллюстрирующая динамику и этапы успешного копинга, может использоваться при обучении студентов-психологов, а также в практической работе.

Ключевые слова: успешность копинга, трудная жизненная ситуация, цель, личностный смысл, функции копинга, жизненная задача.

Битюцкая Екатерина Владиславовна — доцент, кафедра общей психологии, факультет психологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: общая психология, психология совладания с трудными жизненными ситуациями, психодиагностика. Контакты: bityutskaya_ew@mail.ru

future, and formulating a goal for strong performance. Successful coping is defined as the effective achievement of a difficult life goal and is considered in the contexts of effectiveness, flexibility, personal resources, and cultural specifics. It is shown that successful coping corresponds to a special type of life situations, Tasks, and its functions are to approach the goal through systematic efforts and resistance to one's own avoidance, as well as to environmental distractions. The central role of the goal of successful coping for its actualization is substantiated, which distinguishes it from proactive coping. Based on the analysis of the results from the projective graphical technique A Scheme of a Difficult Life Situation, the components of successful coping, as well as two types of dealing with difficulties are specified, which are emotional experiencing and complex analysis of the situation. The study is carried out within the framework, which considers coping as a positive process. The scheme of the stages of successful coping and its dynamics is presented in the appendix, and can be used in the psychology training of students, as well as in practical work.

Keywords: coping success, difficult life situation, goal, meaning, coping functions, task.

Ekaterina V. Bityutskaya — Associate Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, PhD in Psychology.

Research Area: general psychology, coping psychology, and psychodiagnostics. E-mail: bityutskaya_ew@mail.ru

Успешное достижение цели является значимым мотивационным фактором деятельности, которая из-за сложности, неопределенности, препятствий вызывает сопротивление и отрицательные переживания. Реализация такой деятельности предполагает процессы копинга (совладания со стрессом и трудностями). Довольно долгое время психология копинга фокусировалась на преодолении негативных последствий стрессовых событий: «Представление о том, что люди активно стремятся создать мир, который обеспечит им удовольствие и успех, является давним в психологии, но было проигнорировано в теории стресса» (Hobfoll, 1989, p. 516). На современном

этапе развития научных представлений можно утверждать, что внутри психологии копинга выделилось направление, в центре внимания которого находятся позитивные аспекты преодоления трудностей (Schwarzer, Knoll, 2003).

Изучение совладания в позитивном ракурсе востребовано психологической практикой и прикладными отраслями психологии. Например, определение ресурсов для успешного совладания является значимой задачей психологии спорта (Бочавер, Довжик, 2016); в психологии образования обоснованы преимущества создания для учащихся «ситуации успеха» (Щуркова, Мухин, 2014, с. 167). Все это побуждает анализировать научные основания успешности копинга.

Целями настоящей статьи являются: 1) описание критериев, функций и компонентов успешного совладания с трудными жизненными задачами на основе обзора современных исследований и 2) разработка схемы, визуализирующей выделенные в процессе научного анализа компоненты успешного копинга. Статья направлена, во-первых, на структурирование представлений об успешности совладания, расширение данных о воспринимаемых характеристиках ситуации; во-вторых — на разработку продукта, имеющего потенциал использования в психологической практике.

Критерии успешности копинга

Определим феномен совладания с трудными жизненными ситуациями и критерии успешности этого процесса. Согласно транзактной модели стресса Р. Лазаруса и С. Фолкман, копинг — это когнитивные и поведенческие *усилия*, направленные на совладание со стрессом. Копинг возникает при столкновении человека с ситуациями, предъявляющими высокие требования к ресурсу, которые его превышают или истощают. В результате нарушается баланс взаимодействия (транзакции) человека и среды. Функцию категоризации ситуации как превышающей собственный потенциал человека выполняет когнитивное оценивание. Это процесс-медиатор (между человеком и стрессовым событием), который опосредствует возникновение и интенсивность психологического стресса (Lazarus, Folkman, 1984).

Особенность данного понимания копинга связана с *субъективным измерением*: требования среды, ресурсы субъекта, интенсивность стресса, используемые копинг-стратегии, соотношение этих компонентов рассматриваются не объективно, а исходя из оценок субъекта¹ (Ibid.). Это означает, что если меняется оценивание, то вся система преодоления должна измениться.

Успешность копинга может быть рассмотрена в следующих контекстах: 1) эффективности; 2) гибкости; 3) ресурсов личности; 4) культурных особенностей; 5) достижения цели.

¹ Данный подход, в котором центральное значение принадлежит субъективному восприятию и оцениванию, неоднократно подвергался критике (например: Hobfoll, 1989). Но интересно, что именно эта линия исследований приобрела общепризнанный характер.

Успешность копинга и его эффективность

Описывая положительный результат действий, успешность, эффективность и продуктивность копинга являются синонимичными понятиями. При решении задачи описания эффективных стратегий ранее предпринимались попытки создания классификаций, в которых продуктивность совладания связывалась с использованием определенного набора копинг-стратегий. Так, при создании опросника «Adolescent coping scales» Э. Фрайденберг и Р. Льюис выделили три копинг-стиля: продуктивное совладание (например, работа и достижения, позитивный фокус, духовность), непродуктивное совладание (игнорирование, уход в себя, мечты о чуде, отказ от копинга, самообвинение), обращение к помощи других (поиск социальной, профессиональной поддержки) (Frydenberg, Lewis, 1993). Однако структура методики и операционализируемые ею типы копинга являются недостаточно обоснованными (Sveinbjornsdottir, Thorsteinsson, 2008).

Более гибкий исследовательский ход связан с учетом ситуационных особенностей. Так, по мнению И.М. Никольской и Р.М. Грановской (2000), для успешного совладания необходимо следующее: достаточно полно осознавать трудность; знать способы эффективного совладания именно с подобными ситуациями; суметь своевременно применить их. В работах Э. Хайма (в частности, при описании опросника «The Berne Coping Forms») анализируется эффективность преодоления конкретной ситуации — соматического заболевания. Отмечается, что успешность копинга оценивается на основе характеристик качества жизни и психосоциальной реабилитации и зависит от нескольких факторов: 1) ресурсов человека (его физической и психологической конституции, вовлеченности в решение проблемы, эмоциональной уравновешенности, адекватного понимания здоровья и болезни); 2) влияния среды (устойчивости узкой и широкой социальных сетей); 3) особенностей протекания болезни (Heim, Valach, 1996).

Результаты исследований, проведенных специально для определения эффективности способов совладания с трудностями разных типов, указывают на значимость следующих факторов: а) ситуационных характеристик (содержания, длительности, социального контекста); б) временных и динамических параметров (краткосрочности и долгосрочности эффектов копинга, этапов развития событий); в) субъективных особенностей (оценок ситуации субъектом, воспринимаемой подконтрольности) (Рассказова, Гордеева, 2011; DeLongis, Holtzman, 2005; Lazarus, Folkman, 1984; Wethington, Kessler, 1991). Важно учитывать и индивидуальные критерии успешности совладания (Битюцкая, 2011), а также то, что в ряде случаев трудность цели и факт ее достижения фиксируют эксперты.

На наш взгляд, при оценке успешности и эффективности копинга необходимо принимать во внимание не только то, достигнута ли цель, преодолена ли трудность, но и какой ценой это осуществилось. Так, желаемый исход ситуации может повлечь серьезные потери или потребовать несоразмерных усилий. Поэтому важен учет оптимальности действий, соотносящей достижимость

результата, уровень требований ситуации и необходимые затраты ресурсов. Нами было показано, что направленность субъекта на оптимальные усилия — «ориентация на возможности» — предполагает поиск возможностей среды, рациональное использование ресурсов (в том числе социальных), а также выбор приемлемых по трудности, соответствующих требованиям целей, т.е. для достижения цели прилагаются оптимальные усилия, не превышающие и не занижающие необходимые затраты ресурсов (Битюцкая, 2018).

Представляется, что успешный копинг может быть как оптимальным, так и неоптимальным: поскольку речь идет о высоких достижениях, могут проявляться механизмы «надситуативной активности» (Петровский, 2013). Так, в процессе анализа результатов игры-головоломки, моделирующей решение группой трудной задачи, нами была выделена групповая копинг-стратегия «драйв», при которой наблюдаются азарт игроков и усложнение ими задачи (например, отказ от подсказки, значительно ускоряющей достижение цели). Такие команды не бывают самыми эффективными по времени, но их участники сообщают о максимальной удовлетворенности достижением в процессе совместной деятельности (Битюцкая, Кавтарадзе, 2019). Данный вариант копинга можно назвать успешным, но неоптимальным с точки зрения удлинения времени и увеличения затрат усилий. Однако он «окупается» удовлетворенностью от процесса, «самоэффективностью копинга» (т.е. уверенностью человека в преодолении подобных трудностей), которая в долгосрочной перспективе может стать важным ресурсом взаимодействия с трудностями. Кроме того, согласно представлениям В.А. Петровского, подобные задачи позволяют человеку ощутить свою «состоятельность»: удовлетворенность собой и предчувствие успеха, совладание с неопределенностью, близость решения (Петровский, 2013, с. 324–325).

На материале методики «Задачи Лачинсов», предполагающей сначала выработку стереотипного решения задачи, а затем — изменение ее условий, А.Н. Поддьяков демонстрирует пример создания трудностей, влияющих на успешность деятельности другого человека: «После серии учебных упражнений люди в среднем могут начать решать задачи хуже, чем те, кого не проводили через эту серию упражнений» (Поддьяков, 2014, с. 66–67). Для нас этот пример открывает также возможность описать 1) динамику успешности решения задачи (она может быть разной на промежуточных этапах и на итоговом) и 2) необходимость многократного оценивания субъектом успешности действий в процессе движения к результату. Подлинная успешность копинга определяется достигнутым результатом, в соответствии с поставленной целью.

Успешность копинга и его гибкость

Связь успешности и гибкости копинга объясняется тем, что «ни один способ совладания со стрессовой ситуацией не является ключом к успешной адаптации»; напротив, адаптивное совладание предполагает вариативность копинг-стратегий, в соответствии с меняющимися требованиями и характеристиками

стрессовых эпизодов (Екимчик, Крюкова, 2020, с. 145–146). Гибкость копинга понимается как способность эффективно изменять программу поведения в соответствии с характером каждой стрессовой ситуации. При этом важны следующие аспекты: корректировка целей; способность прекратить неэффективную стратегию совладания, отказаться от недостижимых целей; выработка и реализация альтернативных способов копинга (Kato, 2012).

В некоторых исследованиях гибкость противопоставляется ригидности копинга, понимаемой как чрезмерное использование одного типа стратегий совладания независимо от особенностей стрессового события. Наличие набора предпочитаемых способов ограничивает проявление других (непривычных) копинг-стратегий. Люди с выраженной ригидностью копинга склонны к отрицанию стресса или избеганию, к предпочтению способов, которые ранее подтвердили свою эффективность (Екимчик, Крюкова, 2020). В то же время гибкость копинга положительно коррелирует с вовлеченностью и отрицательно — с уходом от стрессовых ситуаций (Zimmer-Gembeck, 2021).

Гибкость копинга предполагает широкий репертуар стратегий преодоления, доступных человеку, т.е. знания, осведомленность об успешных способах разрешения ситуации. Приведем формулу Л.А. Петровской: «Компетентность обычно связана не с овладением какой-либо одной позицией в качестве наилучшей, а с адекватным приобщением к их спектру» (Петровская, 1997, с. 43). Важно учесть, что в ряде случаев знание большого числа копинг-стратегий не связано с умением их использовать в жизненных ситуациях (Bode et al., 2006; Kato, 2012). Именно поэтому наряду со знаниями важен опыт применения копинг-стратегий (Никольская, Грановская, 2000). При его наличии субъекту становятся доступны следующие возможности: а) осознание своего репертуара (в том числе психологической защиты), понимание последствий разных копинг-стратегий; б) обретение чувствительности к своему состоянию и контексту; в) способность различать ситуации, конгруэнтные целям и отдаляющие от них. В таком аспекте интересны описанные Д. Дёрнером (со ссылкой на Р. Остеррайха) ситуации, которые характеризуются высокой эффективностью, предоставляя «много различных возможностей для действий с *высокой вероятностью успеха*» (Дёрнер, 1997, с. 66; курсив наш. — Е.Б.). Хотя заметим, что гибкость описывает также случаи настойчивого достижения цели, включающие множественные, изменяющиеся действия *без гарантии успеха*.

Успешность копинга и ресурсы личности

Исследования данной области основываются на утверждении, что успешность совладающего поведения обеспечивают ресурсы, в том числе внутренние условия личности (Хазова, 2014). В наши задачи не входит анализ этой бесспорно интересной научной области, рассмотрим лишь несколько идей и векторов ее развития в связи с успешностью совладания.

Начиная с 1960-х гг. выделилась линия исследований, которая актуальна и в современной психологии: в качестве медиаторов стресса рассматривались

отдельные личностные черты (выносливость, локус контроля, самосознание, оптимизм, особенности аффективной сферы, самооценка и др.) (Hobfoll, 1989). Личностные качества также изучаются как предикторы копинг-стратегий, в том числе успешных способов. Например, оптимизм положительно связан с большей вовлеченностью в преодоление, ориентацией на задачу при достижении целей и отрицательно — с уровнем избегания (Carver et al., 2010). Современные тенденции в развитии этого направления связаны с рассмотрением не только устойчивых личностных черт, но и *компетенций* совладания с трудностями (самоэффективность совладания, регуляция эмоций) (Zimmer-Gembeck, 2021), а также *навыков* копинга, позволяющих эффективно справляться со стрессовыми ситуациями и тревогой (Krattenmacher et al., 2013).

Наряду с изучением отдельных ресурсов личности создаются *интегративные модели*. Так, С. Хобфолл объединил ресурсы разного уровня и содержания в «Модель сохранения ресурсов». Модель основана на утверждении, что люди стремятся сохранить, защитить и создать ресурсы, а их потенциальная или фактическая потеря, а также нехватка связаны с переживанием стресса. Процесс копинга эффективен, когда ресурсы скомпенсированы или увеличены, когда в них делаются «инвестиции». Хотя также важно и то, что копинг сам по себе может истощать ресурсы (Hobfoll, 1989). Данная модель широко известна, однако отметим, что она не объясняет случаи «надситуативной активности» и «превосхождения трудностей» (Петровский, 2013; Petrovskiy, Shmelev, 2019), когда человек испытывает стремление к трудности (Битюцкая, 2018; Bityutskaya, Korneev, 2021). В терминах модели сохранения ресурсов С. Хобфолла это могло бы быть оценено как стремление потратить энергию и ресурсы, что противоречит исходному постулату этой концепции.

Современный вариант системной модели ресурсов представляет собой «Личностный потенциал» Д.А. Леонтьева — «структурное образование, соотносимое с функциями саморегуляции, проявляющимися в ситуациях достижения, угрозы, неопределенности. Сформированность личностного потенциала делает субъекта готовым к формированию адекватного ситуациям поведения... на основе гибкого ситуационного приспособления» (Леонтьев, 2011, с. 128).

Особый интерес в контексте успешности копинга представляет «Интегративная модель мотивации достижения» Т.О. Гордеевой, включающая пять блоков: 1) мотивационно-регуляционный; 2) целевой; 3) интенциональный; 4) реакция на неудачу; 5) блок «усилия». При этом достиженческая деятельность понимается широко, как целенаправленное преобразование субъектом окружающего мира, себя, других людей, отношений (Гордеева, 2006, с. 248).

Одно из значимых направлений развития проблемы ресурсов связано с ответом на вопрос, влияют ли ресурсы на осуществление копинга напрямую или через оценки и интерпретации ситуационных стимулов, а также собственных ресурсов. Как показывает С.А. Хазова, ключевым для понимания ресурса является факт его отражения в ментальном опыте субъекта, при котором определенная характеристика наделяется смыслом, ценностью и связывается

с позитивными результатами (Хазова, 2014). Представляется, что верификация сложных моделей, включающих посредническое звено между личностными ресурсами и копинг-стратегиями в виде характеристик субъективного восприятия ситуации, является перспективой данного направления.

Успешность копинга и культурные факторы

В литературе описаны следующие механизмы, посредством которых успешное совладающее поведение связано с культурными факторами: а) влияние принятых человеком культурных ценностей и норм на оценивание стресса и выбор копинг-стратегий (Крюкова, Гущина, 2015), а также на оценку ресурсов и их потерь (Hobfoll, 1989); б) «отношение человека к себе как субъекту обращения с трудными жизненными ситуациями, выражающее себя в личностных смыслах», которые, в свою очередь, формируются в результате отношений с миром (Petrovskiy, Shmelev, 2019); в) овладение «типичными» для каждой культурной общности представлениями о «должных» и важных способах и ресурсах, позволяющих наиболее продуктивно проживать жизнь в данных культурных условиях (Хазова, 2014).

В целом, культурные особенности успешности копинга можно рассматривать в связи с наличием в культуре моделей поведения, репрезентирующих эффективное преодоление трудных жизненных ситуаций. Такие модели поведения направлены на реализацию планов, намерений субъекта (Костромина и др., 2021). Причем можно говорить о моделях успешного копинга как для разных сообществ и культурных групп (Мерзлякова, 2012), так и для разных возрастов. Например, в исследовании совладания с трудными жизненными ситуациями младших школьников (Байрамян, 2021) показано, что успешность копинга детей во многом связана с уровнем нормативности их поведения и с умением следовать необходимым правилам.

Представления об успешности и модели копинга будут отличаться также в разные исторические периоды и меняться при смене ценностей общества. Так, личная успешность «традиционно» не являлась характерной ценностью для русской культуры и применительно к описанию человека стала использоваться в русском языке относительно недавно (Мерзлякова, 2012). Ее эквиваленты в советское время (до 1980-х гг.) — победа, самоотдача делу, принятие альтруистических ценностей, «трудовой подвиг», упорство в достижении цели.

Успешность копинга и достижение цели

В целевом контексте представляется интересным рассмотреть вектор движения предмета исследований копинга от преодоления последствий негативных жизненных событий к позитивным преобразованиям, связанным с «инвестициями» в будущее и цели.

Р. Лазарус, разрабатывая общие основания теории, указывал на важность самого факта осуществления попыток копинга. Результат процесса совладания с негативным событием (привело ли преодоление стресса к достижению

цели или нет), по мнению автора, не является критерием определения копинга (Lazarus, 1991). Это можно объяснить тем, что трансактная модель стресса является частью когнитивной теории эмоций Р. Лазаруса и описывает совладание с эмоциональным стрессом (а не достижение цели).

В соответствии с более поздними взглядами, совладание может рассматриваться как «позитивный копинг», под которым понимается создание ресурсов, способствующих проактивному поведению и личностному росту (Schwarzer, Knoll, 2003).

Модель проактивного копинга Л.Г. Аспинуолл и Ш.Е. Тэйлор описывает упреждение потенциальных стрессоров и включает пять компонентов: 1) формирование запаса ресурсов; 2) распознавание потенциальных стрессоров; 3) первоначальную оценку потенциальных стрессоров; 4) предварительные усилия по совладанию; 5) анализ обратной связи об успешности примененных способов копинга (Aspinwall, Taylor, 1997).

Продолжая эту линию исследований, Р. Шварцер и Н. Кноль описывают различия для следующих вариантов совладания: *реактивный копинг* направлен на ситуации, пережитые в прошлом; *антиципирующий копинг* предполагает усилия по преодолению событий, с высокой степенью вероятности планируемых в ближайшем будущем; *превентивный копинг* предотвращает неопределенную потенциальную угрозу в отдаленном будущем; *проактивный копинг* относится к будущим вызовам и возможностям для развития. Подчеркиваются позитивные эффекты проактивности, связанные с: а) мастерством как сосредоточенностью на проблеме, б) нахождением смысла (Schwarzer, Knoll, 2003), а также с в) положительными эмоциями, которые, в свою очередь, предсказывают высокую удовлетворенность жизнью (Белинская и др., 2018).

В современных исследованиях *проактивный копинг* чаще рассматривается как фактор, опосредствующий оценки будущих стрессоров, чем как компонент в структуре достижения высоких целей. Например, описаны подготовка к будущим проблемам, связанным со старением (Bode et al., 2006), ежедневные оценки будущих стрессоров студентов (Raper, Brough, 2021), совладание с ожидаемыми профессиональными стрессорами (Koen, Parker, 2020). В отличие от этого, при определении *успешного копинга* центральное значение имеет достижение значимой трудной цели (Битюцкая, Петровский, 2016).

Рассматривая цели копинга, констатируем терминологическое расхождение. *Цели копинга как процесса* могут быть связаны не только с решением проблемы, но и с изменением отношения к ней, а также с субъективным благополучием (Рассказова и др., 2013, с. 85). По Р. Лазарусу и С. Фолкман, процесс копинга направлен на баланс между требованиями среды и ресурсами субъекта (Lazarus, Folkman, 1984). Достичь этого равновесия можно, меняя условия или свой взгляд, отношение к условиям. Последнее нередко предполагает психологическую защиту и связанное с ней искажение образа трудной ситуации (Битюцкая, 2013). Если анализировать деятельность субъекта, то *цель в трудной ситуации* — это осознаваемое «представление о результате, который должен быть достигнут» (Леонтьев, 2000, с. 89, 91).

Таким образом, если при рассмотрении *цели копинга* как процесса варианты преодоления варьируются от способов, ориентированных на изменение условий, до стратегий избегания, то в случае описания *цели субъекта* в трудной ситуации речь идет о целенаправленной деятельности. При этом успешное совладание с трудностью можно определить в контексте общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева как действия (усилия), направленные на достижение значимой трудной цели (высокой по интенсивности затрачиваемых усилий и ресурсов) и учитывающие условия предметной ситуации. Большое значение здесь имеют мотивы и личностный смысл.

Успешность копинга в таком ракурсе — это эффективное достижение трудной жизненной цели, что предполагает гибкость используемых копинг-стратегий и корректировки целей (включая отказ от балластных целей), учет оптимальности и «окупаемости» усилий, знание и применение культурных моделей успешного совладающего поведения.

В целом, на основе представленного обзора можно выделить несколько наиболее значимых факторов успешности копинга: 1) ситуационная специфика; 2) субъективное восприятие и оценки ситуации; 3) достижение цели (как результат копинга); 4) вариативность и гибкость копинг-стратегий; 5) последствия для благополучия в краткосрочной и долгосрочной перспективах. Исходя из этого, успешность зависит от *субъективных* составляющих копинга (образ ситуации, оценки ресурсов, потребности субъекта и др.) и *объективных* условий (обстоятельства, время, критерии цели, содержание ситуации, действия других людей и их ресурсы).

Важно отметить, что успешный копинг соотносится не со всеми жизненными трудностями, а только с теми, развитием которых человек может управлять. Далее мы рассмотрим типы трудных жизненных ситуаций и покажем, что в зависимости от ситуационного контекста копинг будет иметь разные функции.

Два типа трудностей: особенности восприятия и функции копинга

Типы трудностей

Жизненные трудности можно разделить на два крупных типа (Битюцкая, 2018). Первый тип связан с неподконтрольными человеку событиями, утратой, непосильными проблемами. Зачастую такие ситуации переживаются как необратимые и безвыходные, поэтому их можно обозначить как «жизненный тупик», в терминах Ф.Е. Василюка — «невозможность» (Василюк, 2007). Главная трудность этого типа ситуаций состоит в том, что их необходимо принять, смириться, выстроить перспективу своей жизни с учетом новых обстоятельств. Большую роль здесь играют эмоциональные процессы: тревога, обида, тоска, отчаяние, безнадежность. Поэтому при разрешении таких ситуаций функции копинга связаны с улучшением эмоционального состояния, а также с созданием смысла («meaning making») (Василюк, 2007; Леонтьев, 2013; Park, George, 2018).

Другой тип — «трудная жизненная задача». Такое определение указывает на значимую для человека жизненную сферу, требующую приложения усилий и нахождения решений, достижения высокой цели. Трудность таких ситуаций составляют необходимость напряжения внутренних и внешних ресурсов, контроль негативных эмоций, быстрота реагирования, планирование решения и следование плану (Битюцкая, Кавтарадзе, 2019). Перечисленные характеристики указывают на взаимосвязь копинга и волевых усилий. Кроме того, в ряде работ подчеркивается комплексный характер решения проблем (Дёрнер, 1997; Подьяков, 2014; и др.).

Данный тип ситуаций, обозначаемый в англоязычных источниках как «tasks», помимо активности субъекта, направленной на решение проблемы, предполагает и его ориентацию на будущее (Rauthmann, Sherman, 2018). Отметим также, что в процессе решения трудных жизненных задач могут актуализироваться механизмы психологической защиты и сопротивление. Это будет вызывать попытки ухода и отвлечения.

Функции успешного копинга

При решении трудных жизненных задач копинг выполняет две функции (Bityutskaya, Korneev, 2021). Во-первых, он обеспечивает *приближение к цели* через планомерные усилия. Во-вторых, при достижении цели человеку необходимо противостоять отвлекающим воздействиям, поскольку реализация намерений может усложняться попытками ухода от трудности (Gollwitzer, 1999; Kato, 2012). Вторую функцию можно обозначить как *резистентность к избеганию*. Учитывая, что речь идет о высоких достижениях, необходимо учесть и сопротивление других людей. Поэтому резистентность будет распространяться также на необходимость противостоять внешним помехам.

Исследование воспринимаемых характеристик трудностей на материале схем

Отметим, что описанные два типа трудных жизненных ситуаций определяются при анализе как количественных данных, полученных на основе опроса (Битюцкая, Корнеев, 2021; Bityutskaya, Korneev, 2021b), так и качественных данных. Приведем некоторые результаты нашего исследования, в котором применялась проективная графическая методика «Схема трудной жизненной ситуации». Инструкция методики: «Изобразите трудную жизненную ситуацию в виде схемы так, чтобы в ней отразились структурные элементы самой этой ситуации и те компоненты, в состав которых она входит». Результаты, полученные на выборках взрослых людей (общее число участников $n = 544$ в возрасте от 18 до 47 лет), сопоставлялись с описаниями трудных жизненных ситуаций этих же респондентов.

С помощью экспертов мы выделили разные по *широте* восприятия варианты, что связано с количеством элементов, которые вмещает схема. В соответствии с этим критерием, схемы могут 1) быть узкими, фрагментарными и отражать

фокусирование на одной (чаще всего актуальной для респондента) теме, 2) описывать несколько значимых элементов восприятия ситуации или 3) репрезентировать комплексный анализ проблемы. Широта/узость может сочетаться со *структурированностью* элементов схемы (элементы организованы в единую структуру) или их *хаотичностью* (беспорядочное сочетание элементов).

Отметим, что при выполнении графической методики зачастую наблюдается выход респондентов «за рамки» инструкции: они изображают не схему, а образ, символ, абстрактные фигуры. Такие рисунки встречаются в 85% случаев, описывающих переживание трудной ситуации как необратимой потери или тупика ($n = 107$), и практически не встречаются в схемах, относящихся к комплексному анализу ситуации ($n = 53$).

В целом, анализ результатов графической методики показал, что респонденты, которые воспринимают трудную жизненную ситуацию в высокой степени эмоционально, в основном фокусируются на выражении этих переживаний. В их схемах содержится много образов и абстрактных изображений, часто хаотично расположенных, выполненных ярко-черным и другими темными цветами, с использованием густой штриховки; встречаются темы безысходности (гробы, описание самых отрицательных исходов).

Схемы участников исследования, воспринимающих трудность как комплексную задачу, отличаются широтой и включают: 1) обнаружение альтернативных исходов развития событий (например, «план А и план Б»; разные пути и ожидаемые последствия); 2) описание причин возникновения проблемы и способов влияния на нее, своих возможностей и ограничений; 3) анализ последовательности этапов достижения цели и/или принятия решения (динамика); 4) изображение сюжетов, связанных с поддержкой других людей. При комплексном анализе трудных ситуаций респонденты чаще выполняют «схемы-инструкции» (иллюстрирующие, что нужно сделать, чтобы достичь результата) и «схемы — когнитивные карты» (отражающие диспозиции участников ситуации, их актуальные ресурсы). Результаты данного исследования легли в основу визуализации успешного решения трудной жизненной задачи (см. Приложение).

Итак, мы описали два типа трудных жизненных ситуаций. Для первого типа, который характеризуется неподконтрольностью и невозможностью, центральное значение имеет совладание с эмоциональным состоянием, обретение нового смысла. Лишь после этого становится возможной постановка цели. В то же время понятие успешного копинга применимо в первую очередь к описанию совладания с трудными жизненными задачами, поскольку их решение предполагает достижение значимой трудной цели. Далее мы опишем, какие воспринимаемые характеристики ситуаций создают мотивационные предпосылки целенаправленной активности.

Компоненты успешного копинга

В проведенном обзоре мы показали, что успешность копинга во многом зависит от того, как оценивает субъект трудную жизненную задачу. При этом

мы исходим из представления, что процесс копинга описывается как система, имеющая определенную динамику и включающая когнитивные, эмоциональные, мотивационные и поведенческие компоненты. Кроме того, важным регулятивным компонентом успешного совладания являются волевые усилия. К значимым детерминантам осуществления копинга относятся также характеристики воспринимаемой ситуации, в частности оценки и цель (Битюцкая и др., 2015; Битюцкая, 2020; Bityutskaya, Korneev, 2021b). Далее мы выделим и обоснуем компоненты успешного копинга и характеристики цели с учетом критериев когнитивного оценивания трудной жизненной задачи (Битюцкая, 2013).

Во-первых, успешный копинг предполагает установление **контроля над ситуацией**. Это оценка человеком трудной задачи как управляемой, зависящей от его усилий. Большое значение здесь имеет способность адекватно оценивать происходящее и свои действия. Это позволяет далее сформулировать посильную цель.

Результаты исследований Э. Скиннер свидетельствуют, что уверенные в своем контроле над ситуацией люди действуют таким образом, чтобы сделать успех более вероятным и тем самым подтвердить свои первоначальные высокие ожидания контроля. Кроме того, их постоянная вовлеченность в решение сложных задач со временем приводит к развитию компетентности. Напротив, люди, которые не верят, что могут влиять на результаты, действуют так, что теряют возможности контроля. В долгосрочной перспективе они оказываются некомпетентны при столкновении с трудностями (Skinner, 1995).

Наши исследования жизненных трудностей показали, что значимым фактором установления контроля над ситуацией является оцениваемое субъектом соотношение собственных ресурсов (психологических, физических, временных и т.д.) и трудности задачи. Если ресурсов и сил мало или их недостаточно для преодоления препятствий, это приводит к ощущению бессилия и актуализации копинг-стратегий ухода от решения проблемы (Битюцкая и др., 2015). Поэтому при решении трудной жизненной задачи важно предусматривать способы восстановления сил и возможную помощь других людей.

Кроме того, результаты эмпирических исследований выявили связь снижения субъективного контроля при усилении отрицательных эмоций, которые, в свою очередь, коррелируют с затруднениями в принятии решения. Когда эмоции слишком интенсивны, человек не способен рационально мыслить и находить решения (Битюцкая, Корнеев, 2021). При негативном аффекте происходит также «сужение» сознания, приводящее к резкому ограничению репертуара действий (Faulk et al., 2012).

Поэтому **фактор эмоций** также является значимым, выделим его как вторую составляющую успешного копинга. Человек тогда эффективно справляется с трудностью, когда воспринимает ее как вызов, вероятность победы, что сопровождается чувствами воодушевления и ожидаемой удовлетворенности от результата.

Положительные эмоции способствуют восприятию задачи как привлекательной. Согласно результатам исследования Т.В. Корниловой, оценка задачи

как интересной и позитивное эмоциональное отношение к ней оказывают положительное влияние на результативность ее решения в экспериментальных условиях (Корнилова, 1976). Положительные эмоции создают эффект «расширения» сознания, увеличивая продуктивность когнитивной деятельности и вероятность адаптивных копинг-стратегий (Faulk et al., 2012). Причем в трудных жизненных ситуациях позитивные эмоции будут вызывать чувство прилива сил и воодушевления, даже если они сочетаются с отрицательными переживаниями (Bityutskaya, Korneev, 2021b). В то же время положительные эмоции предполагают оптимистичный взгляд в будущее.

Поэтому третьим компонентом успешного разрешения трудностей является **позитивный образ будущего**. Это внутренняя модель благополучного разрешения ситуации с учетом открывающихся возможностей. Роль позитивного образа будущего — создание мотивации приближения к цели и появление перспектив ее достижения.

Связанный с этим фактор — **прогноз развития ситуации** — позволяет сформулировать определенную цель (которая рассматривается как противоположная неопределенной задаче). При этом возникает вопрос: какими должны быть оптимальный прогноз и план действий? На основе эмпирического исследования, в котором приняли участие люди с разными стилями реагирования на изменения (Битюцкая, Базаров, 2019), мы описали несколько вариантов планирования. Участники с преобладающим консервативным стилем сообщали о *тщательном планировании* одного из наиболее вероятных сценариев развития ситуации. Однако дальнейший анализ показал, что подобный план свидетельствует скорее о неготовности к будущему, поскольку имеет низкую вероятность осуществления. Противоположный этому вариант планирования описывали представители инновационного стиля. Они сообщали об «эскизных планах», а также об умении «встраивать изменения в свой эскиз». Этот способ вполне адаптивен, но лишь для людей, обладающих толерантностью к неопределенности и способностью спонтанно действовать. Наконец, респонденты с реализующим стилем сообщали о *гибком планировании* и проработке разных вариантов развития событий — как позитивных, так и негативных. Особенностью этой группы респондентов является их направленность на «всесторонний» анализ ситуации: выделяются причины, цели, распределяются ресурсы, оцениваются последствия. Большое значение для такого отношения к задаче имеют уверенность в успехе и фокусирование на приобретениях. В целом, данный вариант планирования можно признать наиболее благоприятствующим успешному движению к цели, потому что он создает готовность действовать в неопределенных условиях.

Исследования реализации намерения (Gollwitzer, 1999) свидетельствуют о том, что для эффективного достижения цели наиболее подходящими являются планы типа «если — то». Такие планы связывают ситуационные сигналы (например, возможности для действий или критические эпизоды) с ответами, которые необходимы для достижения желаемых результатов. Это выражается в формуле: «Если встречается ситуация Y, то я иницирую поведение Z, чтобы достичь цели X!» Такое моделирование разных сценариев развития событий существенно увеличивает скорость достижения цели.

Следующий компонент успешного копинга — **понимание ситуации**, знание способов и средств достижения цели, «рычагов влияния» на проблему. Это создает ясный образ ожидаемых результатов и ситуации в целом, что позволяет активно действовать в ней. Также понимание происходящего связано с определением альтернативных способов действий. Однако, согласно известной теории Х. Хекхаузена, это лишь первый этап успеха. В модели Рубикона Х. Хекхаузен выделил два состояния сознания: 1) мотивационное и 2) волевое. Первое состояние характеризуется открытостью для альтернативных решений. На втором этапе, когда принято решение и создано намерение действовать, сознание сужается и не способно принимать альтернативы. Именно в таком состоянии человек максимально эффективно достигает результата (Хекхаузен, 2003). Это согласуется с выводами С.Д. Смирнова и коллег, которые утверждают, что сужение восприятия стимулов до «коридора» интерпретаций и предвосхищений выполняет функцию стабилизации человека в ситуации неопределенности (Смирнов и др., 2016, с. 7).

Системообразующим компонентом успешного копинга является **цель**. При этом для эффективного копинга важно учитывать правила хорошей цели. Во-первых, такая цель формулируется в позитивном ключе (без частицы «не»), как цель достижения (желаемого), а не избегания (неприятного). Во-вторых, хорошая цель предполагает ясную, конкретную, определенную формулировку с описанием критериев достижения, что позволяет ее реализовать (в противовес неясной, глобальной, имплицитной цели) (Дёрнер, 1997). «Сочетание труднодостижимости целей с их конкретностью — наилучший предиктор успешности деятельности субъекта» (Гордеева, 2006, с. 268).

Резюмируем проведенный анализ: цель трудной жизненной ситуации должна быть посильной, ясной, определенной, реализуемой, перспективной и привлекательной для человека (см. рисунок 1). Поскольку описанные компоненты связаны с повышением мотивации достижения цели, у человека появляется **готовность быстро и активно действовать**.

На основе перечисленных компонентов разработана схема, которая визуализирует этапы и динамику успешного достижения цели (см. Приложение). В отличие от других моделей (например, фундаментальной модели Т.О. Гордеевой (Гордеева, 2006)), схема репрезентирует процесс достижения цели в контексте жизненной ситуации и способы копинга на каждом этапе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет определить *критерии успешности* копинга: достижение высокого результата с учетом ситуационной специфики и необходимых затрат; наличие внутренних ресурсов (личностных качеств, компетенций, навыков, а также сил и возможностей справиться с задачей); субъективное восприятие ситуации, способствующее целенаправленной активности; гибкость копинг-стратегий и широта их репертуара; конгруэнтность культурным моделям успешности. Наиболее значимым параметром для определения успешности копинга является достижение цели. Это отличает

Рисунок 1

Схема компонентов успешного достижения цели

Примечание. Внешний круг — характеристики воспринимаемой трудной жизненной ситуации; средний круг — соответствующие им характеристики цели.

его от проактивного копинга, который описывает в большей мере совладание с потенциальными стрессорами.

Понятие успешного копинга соответствует преодолению особого типа ситуаций: жизненных задач, которые предполагают достижение значимых трудных целей. При этом *функциями* копинга являются 1) приближение к цели через планомерные усилия и 2) резистентность к собственному избеганию и внешним помехам.

В структуру успешного копинга входят когнитивные, эмоциональные, поведенческие *компоненты*:

- субъективный контроль над ситуацией, связанный с оценкой ресурсов как достаточных для достижения цели;
- эмоциональные процессы (снижение отрицательных и усиление положительных эмоций);
- позитивный образ будущего как модель благополучного разрешения ситуации с учетом открывающихся возможностей;
- прогнозирование и планирование разных вариантов развития событий;
- понимание ситуации (ясность, определенность ее образа);
- формулирование цели как достижения результата;
- готовность быстро, активно действовать в направлении цели и реализация этого намерения.

В настоящей статье представлен первичный анализ проблемы успешности копинга. Перспективой исследования является операционализация компонентов успешного копинга и проверка моделей, описывающих связи этих элементов на материале трудных жизненных задач разного содержания.

Литература

- Байрамян, Р. М. (2021). *Самоотношение младших школьников как предиктор совладания с трудными жизненными ситуациями* [Кандидатская диссертация, НИУ Высшая школа экономики, Москва].
- Белинская, Е. П., Вечерин, А. В., Агадулина, Е. Р. (2018). Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности. *Клиническая и специальная психология*, 7(3), 192–211. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070312>
- Битюцкая, Е. В. (2011). Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 1, 100–111.
- Битюцкая, Е. В. (2013). Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 40–56.
- Битюцкая, Е. В. (2018). Типы ориентаций в трудных ситуациях. *Вопросы психологии*, 5, 41–53.
- Битюцкая, Е. В. (2020). Смысл угрозы и угроза смыслу: моделирование восприятия ситуации пандемии COVID-19. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Психологические науки*, 4, 21–39. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-4-21-39>
- Битюцкая, Е. В., Базаров, Т. Ю. (2019). Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения. *Вопросы психологии*, 3, 94–106.
- Битюцкая, Е. В., Баханова, Е. А., Корнеев, А. А. (2015). Моделирование процесса совладания с трудной жизненной ситуацией. *Национальный психологический журнал*, 2(18), 41–55. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0205>
- Битюцкая, Е. В., Кавтарадзе, Д. Н. (2019). Имитационная игра-головоломка как модель решения трудной жизненной задачи. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 3–26. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.03.03>
- Битюцкая, Е. В., Корнеев, А. А. (2021). Субъективное оценивание трудной жизненной ситуации: диагностика и структура. *Вопросы психологии*, 4, 145–161.
- Битюцкая, Е. В., Петровский, В. А. (2016). К вопросу о субъективной и объективной трудности жизненной ситуации. В кн. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова (ред.), *Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV Международной научной конференции* (в 2 т., т. 1, с. 17–19). Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова.
- Бочавер, К. А., Довжик, Л. М. (2016). Совладающее поведение в профессиональном спорте: феноменология и диагностика. *Клиническая и специальная психология*, 5(1), 1–18. <https://doi.org/10.17759/cpse.2016050101>
- Василюк, Ф. Е. (2007). Понимающая психотерапия: опыт построения психотехнической системы. *Вестник практической психологии образования*, 3(12), 27–41.
- Гордеева, Т. О. (2006). *Психология мотивации достижения*. М.: Смысл; Изд. центр «Академия».
- Дёрнер, Д. (1997). *Логика неудачи*. М.: Смысл.
- Екимчик, О. А., Крюкова, Т. Л. (2020). Русскоязычная адаптация опросника самовоспринимаемой гибкости совладания со стрессом. *Вопросы психологии*, 66(5), 145–156.
- Корнилова, Т. В. (1976). Опыт исследования субъективного отношения к задаче. В кн. О. К. Тихомиров (ред.), *Искусственный интеллект и психология* (с. 144–132). М.: Наука.
- Костромина, С. Н., Гришина, Н. В., Москвичёва, Н. Л., Зиновьева, Е. В. (2021). Жизненные модели молодежи: изменения и традиции. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*, 1, 79–98. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>

- Крюкова, Т. Л., Гущина, Т. В. (2015). *Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения*. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; КГТУ.
- Леонтьев, А. Н. (2000). *Лекции по общей психологии: учебное пособие для вузов*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2011). Личностный потенциал как потенциал саморегуляции. В кн. Д. А. Леонтьев (ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 107–130). М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (2013). Многоуровневая модель взаимодействия с неблагоприятными обстоятельствами: от защиты к изменению. В кн. *Психология стресса и совладающего поведения: Материалы III Международной научно-практической конференции* (т. 1, с. 258–261). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова.
- Мерзлякова, В. Н. (2012). *Дискурс успешности в российской медиакультуре 2000-х годов* [Автореферат кандидатской диссертации, РГГУ, Москва].
- Никольская, И. М., Грановская, Р. М. (2000). *Психологическая защита у детей*. СПб.: Речь.
- Петровская, Л. А. (1997). К вопросу о природе конфликтной компетентности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 4, 41–45.
- Петровский, В. А. (2013). *«Я» в персонологической перспективе*. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Поддяков, А. Н. (2014). *Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей*. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Рассказова, Е. И., Гордеева, Т. О. (2011). Копинг-стратегии в структуре личностного потенциала. В кн. Д. А. Леонтьев (ред.), *Личностный потенциал: структура и диагностика* (с. 267–299). М.: Смысл.
- Рассказова, Е. И., Гордеева, Т. О., Осин, Е. Н. (2013). Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики СОРЕ. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(1), 82–118.
- Смирнов, С. Д., Чумакова, М. А., Корнилова, Т. В. (2016). Образ мира в динамическом контроле неопределенности. *Вопросы психологии*, 4, 3–13.
- Хазова, С. А. (2014). Ментальные ресурсы субъекта: природа, функции, динамика. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 20(4), 47–53.
- Хекхаузен, Х. (2003). *Мотивация и деятельность* (2-е изд.). СПб.; М.: Питер; Смысл.
- Щуркова, Н. Е., Мухин, М. И. (2014). *Педагог нового воспитания*. М.: Аркти.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References.

References

- Aspinwall, L. G., & Taylor, S. E. (1997). A stitch in time: self-regulation and proactive coping. *Psychological Bulletin*, 121(3), 417–436. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.121.3.417>
- Bairamyan, R. M. (2021). *Samootnoshenie mladshikh shkol'nikov kak prediktor sovladaniya s trudnymi zhiznennymi situatsiyami* [Self-regard of elementary schoolchildren as a predictor of coping with difficult life situations] [PhD dissertation, Higher School of Economics, Moscow].
- Belinskaya, E. P., Vecherin, A. V., & Agadullina, E. R. (2018). Proactive coping inventory: adaptation to a non-clinical sample and the predictive capability. *Klinicheskaya i Spetsial'naya Psikhologiya [Clinical Psychology and Special Education]*, 7(3), 192–211. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070312> (in Russian)

- Bityutskaya, E. V. (2011). Modern approaches to the research of coping with the difficult life situations. *Moscow University Psychology Bulletin*, 1, 100–111. (in Russian)
- Bityutskaya, E. V. (2013). Cognitive appraisal of the difficult life situation in A.N. Leontiev's activity approach. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2, 40–56. (in Russian)
- Bityutskaya, E. V. (2018). The structure and dynamics of the image of a difficult life situation. *Voprosy Psikhologii*, 5, 41–53. (in Russian)
- Bityutskaya, E. V. (2020). Meaning of threat and threat to meaning: modeling the perception of the pandemic COVID-19 situation. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Series Psikhologicheskie Nauki*, 4, 21–39. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-4-21-39> (in Russian)
- Bityutskaya, E. V., Bakhanova, E. A., & Korneev, A. A. (2015). Modeling coping with a difficult life situation. *Natsional'nyi Psikhologicheskii Zhurnal [National Psychological Journal]*, 2(18), 41–55. <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0205> (in Russian)
- Bityutskaya, E. V., & Bazarov, T. Yu. (2019). Features of perception of life events by people with different preferred styles of response to changes. *Voprosy Psikhologii*, 3, 94–106. (in Russian)
- Bityutskaya, E. V., & Kavtaradze, D. N. (2019). Simulation puzzle game as a model for solving the difficult life task. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 3–26. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.03.03> (in Russian)
- Bityutskaya, E. V., & Korneev, A. A. (2021a). Subjective appraisal and orientations in difficult life situations as predictors of coping strategies. *Voprosy Psikhologii*, 4, 145–161. (in Russian)
- Bityutskaya, E. V., & Korneev, A. A. (2021b). Subjective appraisal and orientations in difficult life situations as predictors of coping strategies. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(3), 180–199.
- Bityutskaya, E. V., & Petrovskiy, V. A. (2016). K voprosu o sub"ektivnoi i ob"ektivnoi trudnosti zhiznennoi situatsii [On the issue of subjective and objective difficulty of a life situation]. In T. L. Kryukova, M. V. Saporovskaya, & S. A. Khazova (Eds.), *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitiye: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The psychology of stress and coping behavior: resources, health, development: Proceedings of the IV International scientific conference] (in 2 Vols., Vol. 1, pp. 17–19). Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet im. N.A. Nekrasova.
- Bochaver, K. A., & Dovzhik, L. M. (2016). Coping behavior in professional sport: phenomenology and diagnostics. *Klinicheskaya i Spetsial'naya Psikhologiya [Clinical Psychology and Special Education]*, 5(1), 1–18. <https://doi.org/10.17759/cpse.2016050101> (in Russian)
- Bode, C., de Ridder, D. T., & Bensing, J. M. (2006). Preparing for aging: development, feasibility and preliminary results of an educational program for midlife and older based on proactive coping theory. *Patient Education and Counseling*, 61(2), 272–278. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2005.04.006>
- Carver, C. S., Scheier, M. F., & Segerstrom, S. C. (2010). Optimism. *Clinical Psychology Review*, 30(7), 879–889. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2010.01.006>
- DeLongis, A., Holtzman, S. (2005). Coping in context: the role of stress, social support, and personality in coping. *Journal of Personality*, 73(6), 1633–1656. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2005.00361.x>
- Dörner, D. (1997). *Logika neudachi* [The logic of failure]. Moscow: Smysl. (Original work published 1996)
- Ekimchik, O. A., & Kryukova, T. L. (2020). Russian adaptation of self-perceived flexible coping with stress inventory. *Voprosy Psikhologii*, 66(5), 145–156. (in Russian)
- Faulk, K. E., Gloria, C. T., & Steinhart, M. A. (2012). Coping profiles characterize individual flourishing, languishing, and depression. *Anxiety Stress Coping*, 26(4), 378–390. <https://doi.org/10.1080/10615806.2012.708736>

- Frydenberg, E., & Lewis, R. (1993). *Manual: The adolescent coping scale*. Melbourne: Australian Council for Adult Educational Research.
- Gollwitzer, P. M. (1999). Implementation intentions: Strong effects of simple plans. *American Psychologist*, 54(7), 493–503. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.54.7.493>
- Gordeeva, T. O. (2006). *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [The psychology of achievement motivation]. Moscow: Smysl; Akademiya.
- Heckhausen, H. (2003). *Motivatsiya i deyatel'nost'* [Motivation and activity] (2nd ed.). Saint Petersburg; Moscow: Piter; Smysl. (Original work published 1980 in German)
- Heim, E., & Valach, L. (1996). Berner Bewältigungsformen BEFO-ein Instrument zur Selbst- und Fremdbewertung der Krankheitsverarbeitung [The Bern Coping Forms BEFO-an instrument for self- and observer rating of coping with illness]. *Rehabilitation*, 35(4), XXXI–XLI.
- Hobfoll, S. E. (1989). Conservation of resources. A new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*, 44(3), 513–524. <https://doi.org/10.1037//0003-066x.44.3.513>
- Kato, T. (2012). Development of the Coping Flexibility Scale: Evidence for the coping flexibility hypothesis. *Journal of Counseling Psychology*, 59(2), 262–273. <https://doi.org/10.1037/a0027770>
- Khazova, S. A. (2014). Mental resources of the subject: nature, functions, dynamics. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N.A. Nekrasova. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika*, 20(4), 47–53. (in Russian)
- Koen, J., & Parker, S. K. (2020). In the eye of the beholder: How proactive coping alters perceptions of insecurity. *Journal of Occupational Health Psychology*, 25(6), 385–400. <https://doi.org/10.1037/ocp0000198>
- Kornilova, T. V. (1976). Opyt issledovaniya sub"ektivnogo otnosheniya k zadache [An attempt of studying the subjective attitude towards a task]. In O. K. Tikhomirov (Eds.), *Iskusstvennyi intellekt i psikhologiya* [Artificial intelligence and psychology] (pp. 144–132). Moscow: Nauka.
- Kostromina, S. N., Grishina, N. V., Moskvichyova, N. L., & Zinovyeva, E. V. (2021). Youth life models: shifts and traditions. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*, 1, 79–98. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98> (in Russian)
- Krattenmacher, T., Kühne, F., Führer, D., Beierlein, V., Brähler, E., Resch, F., von Klitzing, K., Flechtner, H. H., Bergelt, C., Romer, G., & Möller, B. (2013). Coping skills and mental health status in adolescents when a parent has cancer: a multicenter and multi-perspective study. *Journal of Psychosomatic Research*, 74(3), 252–259. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2012.10.003>
- Kryukova, T. L., & Gushchina, T. V. (2015). *Kul'tura, stress i koping: sotsiokul'turnaya kontekstualizatsiya sovladayushchego povedeniya* [Culture, stress and coping: socio-cultural contextualization of coping behavior]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova; KGTU.
- Lazarus, R. S. (1991). *Emotion and adaptation*. Oxford University Press.
- Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal, and coping*. New York, NY: Springer.
- Leontiev, A. N. (2000). *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (2011). Lichnostnyi potentsial kak potentsial samoregulyatsii [Personality potential as a potential for self-regulation]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: Structure and diagnostics] (pp. 107–130). Moscow: Smysl.
- Leontiev, D. A. (2013). Mnogourovnevaya model' vzaimodeistviya s neblagopriyatnymi obstoyatel'stvami: ot zashchity k izmeneniyu [A multilevel model of interactions with adverse circumstances: from defense to change]. In *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Psychology of stress and coping behavior: Proceedings of the III International Research-to-Practice Conference] (Vol. 1, pp. 258–261). Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova.

- Merzlyakova, V. N. (2012). *Diskurs uspešnosti v rossiiskoi mediakul'ture 2000-kh godov* [Success discourse in the Russian media culture 2000] [PhD dissertation thesis, Russian State University for the Humanities, Moscow].
- Nikol'skaya, I. M., & Granovskaya, R. M. (2000). *Psikhologicheskaya zashchita u detei* [Psychological defense in children]. Saint Petersburg: Rech'.
- Park, C. L., & George, L. S. (2018). Lab- and field-based approaches to meaning threats and restoration: Convergences and divergences. *Review of General Psychology*, 22(1), 73–84. <https://doi.org/10.1037/gpr0000118>
- Petrovskaya, L. A. (1997). K voprosu o prirode konfliktnoi kompetentnosti [On the issue of the nature of conflict competence]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 14. Psychology*, 4, 41–45.
- Petrovskiy, V. A. (2013). "Ya" v personologicheskoi perspektive ["I" in personological perspective]. Moscow: HSE Publishing House.
- Petrovskiy, V. A., & Shmelev, I. M. (2019). Personology of difficult life situations: At the intersection of three cultures. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 16(3), 408–433. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-3-408-433>
- Poddiakov, A. N. (2014). *Komplikologiya: sozdanie razvivayushchikh, diagnostiruyushchikh i destruktivnykh trudnostei* [Complicology: a creation of nourishing, diagnostic and destructive difficulties]. Moscow: HSE Publishing House.
- Raper, M. J., & Brough, P. (2021). Seeing into the future: The role of future-oriented coping and daily stress appraisal in relation to a future stressor. *Stress Health*, 37(1), 186–197. <https://doi.org/10.1002/smi.2984>
- Rasskazova, E. I., & Gordeeva, T. O. (2011). Koping-strategii v strukture lichnostnogo potentsiala [Coping strategies in the structure of personality potential]. In D. A. Leontiev (Ed.), *Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: Structure and diagnostics] (pp. 267–299). Moscow: Smysl.
- Rasskazova, E. I., Gordeeva, T. O., & Osin, E. N. (2013). Coping strategies in the structure of activity and self-regulation: psychometric properties and applications of the COPE Inventory. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(1), 82–118. (in Russian)
- Rauthmann, J. F., & Sherman, R. A. (2018). The description of situations: Towards replicable domains of psychological situation characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology*, 114(3), 482–488. <https://doi.org/10.1037/pspp0000162>
- Schwarzer, R., & Knoll, N. (2003). Positive coping: Mastering demands and searching for meaning. In S. J. Lopez & C. R. Snyder (Eds.), *Positive psychological assessment: A handbook of models and measures* (pp. 393–409). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10612-025>
- Shchurkova, N. E., & Mukhin, M. I. (2014). *Pedagog novogo vospitaniya* [A teacher of a new nurture]. Moscow: Arkti.
- Skinner, E. A. (1995). *Perceived control, motivation, and coping*. Newbury Park, CA: Sage.
- Smirnov, S. D., Chumakova, M. A., & Kornilova, T. V. (2016). The world image in dynamic control of uncertainty. *Voprosy Psikhologii*, 4, 3–13. (in Russian)
- Sveinbjornsdottir, S., & Thorsteinsson, E. B. (2008). Adolescent coping scales: A critical psychometric review. *Scandinavian Journal of Psychology*, 49, 533–548. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9450.2008.00669.x>
- Vasilyuk, F. E. (2007). Ponimayushchaya psikhoterapiya: opyt postroeniya psikhotekhnicheskoi sistemy [Understanding psychotherapy: An attempt of building a psychotechnic system]. *Vestnik Prakticheskoi Psikhologii Obrazovaniya*, 3(12), 27–41.

- Wethington, E., & Kessler, R. C. (1991). Situations and processes of coping. In J. Eckenrode (Ed.), *The social context of coping* (pp. 13–29). New York, NY: Plenum Press.
- Zimmer-Gembeck, M. J. (2021). Coping flexibility: Variability, fit and associations with efficacy, emotion regulation, decentering and responses to stress. *Stress and Health*, 37(5), 848–861. <https://doi.org/10.1002/smi.3043>

Приложение

Маршрут успешного копинга

Маршрут движения к успеху можно представить в виде следующей схемы, описывающей этапы решения трудной жизненной задачи. Конечно, это не исключает неожиданных и нежелательных изменений ситуации, которые могут уводить в начало маршрута — как в настольной игре про путешествие, когда игроку выпадает значение, требующее возвращения на один из пройденных этапов. Тем не менее схема позволяет спланировать и продумать успешное достижение цели.

Старт. Оценка ситуации, ее условий и возможностей, своих возможностей и ограничений, необходимости поддержки окружения. Каковы исходные условия задачи и к чему нужно прийти?

Шаг 1. Определение эмоций и установление контроля над ситуацией.

Шаг 2. Формулирование цели, критериев и сроков ее достижения.

Шаг 3. Оценка понятности и прогнозируемости ситуации.

Шаг 4. Готовность действовать в направлении достижения цели.

Шаг 5. Планирование решения задачи.

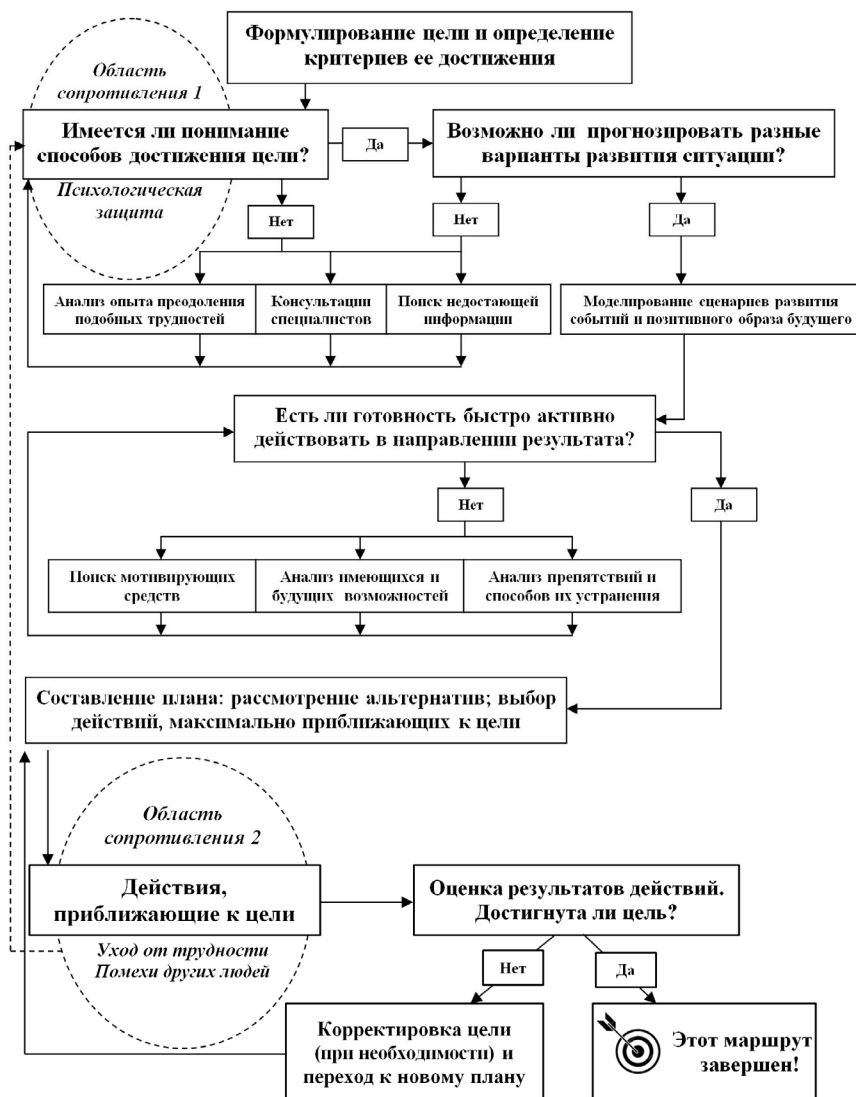
Шаг 6. Действия в направлении к цели.

Шаг 7. Оценка результатов действий в соотношении с целью.

Финиш. Если цель достигнута, маршрут завершен.

Если отрицательные эмоции под контролем, ресурсов и сил достаточно, а действия могут изменить ситуацию, стоит превратить трудность в задачу, которую нужно решить.

Пунктиром выделены две возможные области сопротивления, по которым пролегает маршрут: 1) *психологическая защита* (рычаг влияния — рефлексивное мышление); 2) *уход от трудности и помехи других людей*: в первом случае это может быть свое сопротивление активным действиям из-за утомления (и тогда нужно восстановить силы) или из-за желания переключиться на другую активность (как необходимость или временный уход от решения задачи, что требует восстановления ясности образа ситуации); во втором случае сопротивление других людей может возникать из-за высокой сложности задачи для них, и тогда нужно предусмотреть способы устойчивости к помехам и/или возможный переход к пункту «Ситуацией управляют другие люди?».

VARIETY OF POSSIBLE SELVES: THE ROLE OF AGENCY AND EMPIRICAL EVIDENCE REVIEW

M.M. GRISHUTINA^a, V.Yu. KOSTENKO^a

^a HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Многообразие возможных Я: роль агентности и эмпирическая валидность

М.М. Гришутина^a, В.Ю. Костенко^a

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Abstract

The development of possible selves theory has led to the introduction of new types of the construct. However, the types are inconsistent with the original definition by Markus & Nurius (1986). Researchers tend not to consider the phenomenon of agency playing a crucial role in the motivational function of possible self. Thus, now in the literature, we have non-systemized concepts of various types of possible self. The primary aim of this paper is to analyze existing types of possible selves through the lens of agentic energy, and to unify the understanding of the construct. We consider the most frequent types of possible self, such as hoped-for possible self, feared possible self, best possible self, self-regulatory and self-enhancing possible selves, lost possible self, shared possible self, and impossible self. Creating the systematic view is essential for the future of the theory as there are already some

Резюме

Развитие концепции возможного Я привело к появлению новых определений конструкта и его разновидностей. Однако эти разновидности возможного Я далеко не всегда соответствуют первоначальному определению Х. Маркуса и П. Ньюриуса (1986). Авторы не учитывают проявлений агентности, играющей решающую роль в мотивационной функции возможного Я. Тем временем в литературе появляются несистематизированные концепции различных типов возможного Я. Основная цель статьи — проанализировать существующие типы возможных Я сквозь призму феномена агентности и унифицировать данные о конструкте. В статье рассматриваются наиболее изученные типы возможного Я — желаемое возможное Я, избегаемое возможное Я, наилучшее возможное Я, саморегуляционное и самосовершенствующее возможное Я, потерянное возможное Я, совместное возможное Я, а также невозможное Я. Обобщение данных в этой области необходимо для будущего развития

The reported study was funded by the RFBR, project number 20-113-50658.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-113-50658.

misconceptions that come from a liberal interpretation of the originally strong construct. We propose a solution in the form of a traditional literature review with the result of definitions reconsidered depending on the role of agentic energy in possible self producing. We conclude that taking into account the agentic potential reveals the processes behind the various types of possible selves. The expected outcome of the framework is to set a unified direction for further discoveries.

Keywords: possible self, self-concept, agency, impossible self, personality, self-image, self-identity, self-schema, feared self, personality development.

Milena M. Grishutina — PhD Student, Associate Researcher, International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University
Research Area: possible self, personality psychology, agency, self-regulation.
E-mail: mgrishutina@hse.ru

Vasily Yu. Kostenko — Senior Research Fellow, International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University, PhD in Psychology.
Research Area: personality development, personality psychology, psychodiagnostics, self-regulation, reflection.
E-mail: vkostenko@hse.ru

теории, поскольку уже сейчас существуют некоторые заблуждения, возникающие по причине свободной интерпретации изначально вполне конкретного конструкта. В ответ на возникающую путаницу определений предлагается решение в виде систематического литературного обзора с пересмотренными определениями типов возможного Я в зависимости от роли агентности, которая проявляет себя в воплощении того или иного возможного Я. Делается вывод о том, что учет потенциала агентности раскрывает процессы, стоящие за различными типами возможных Я.

Ключевые слова: возможное Я, агентность, Я-концепция, невозможное Я, личность, образ Я, идентичность, самоотношение, Я-схема, избегаемое Я, развитие личности.

Гришутина Милена Максимовна — аспирант, стажер-исследователь, Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Сфера научных интересов: возможное Я, психология личности, агентность, саморегуляция.
Контакты: mgrishutina@hse.ru

Костенко Василий Юрьевич — старший научный сотрудник, Международная лаборатория позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: развитие личности, психология личности, психодиагностика, саморегуляция, рефлексия.
Контакты: vkostenko@hse.ru

Possible Self is a substantial construct that has been misunderstood by most researchers. As introduced in Markus & Nurius (1986), the construct constitutes a link between self-evaluation and personal motivation. The phenomenon of agency, which plays a unique role in formulating possible selves, is emphasized. However, the role of the agency is noticeably ignored in the subsequent development of the theory by other researchers. As Erikson points out in the framework article (2007), many misconceptions led to the consequences where the construct is used as a replacement for other constructs and phenomena, and its direct functions are omitted. Some researchers tend to see it as a universal implement that can be used as an element of existing models to enhance its efficacy. Ignoring the agentic part seems

to separate a person (or an agent) and one's possibilities. Agentic energy endows the construct with explanatory power as it impacts on a person's behavior and facilitates the meaning-making function of the construct.

There is no single theoretical frame for the various types of possible selves. It can be concluded that possible self is frequently referred to as a descriptive phenomenon. With its high potential, the construct usually remains underestimated due to a relative deviation from the original concept (Erikson, 2007). This paper aims to consider major issues that contribute to the problem of diverging conceptions and to provide a specified theoretical frame based on the essential attributes of the possible self concept. A traditional literature review is used as the primary method since it solves the key tasks set. We aim to analyze the core findings considering the possible self construct and propose new insights about the way it is formulated and how it functions. The gap between the original concept by Markus & Nurius (1986) and the current ideas of various researchers is the primary interest. The results of our work are concluded in the revision of some parts of the theory and presented in a table (Table 1).

Possible selves, as affirmed in the original theory by Markus & Nurius, "*can be viewed as a cognitive manifestation of enduring goals, aspirations, motives, fears and threats ... They provide the essential link between the self-concept and motivation*" (Markus & Nurius, 1986, p. 954).

The explanatory potential of possible selves approximately proposes that the content of possibilities determines a person's behavior. The motivational function of possible selves is one of the primary features studied by researchers (Markus & Nurius, 1986; Oyserman & Markus, 1990; Hoyle & Sowards, 1993; Cross & Markus, 1994; Higgins, 1996; Hoyle & Sherrill, 2006; Oyserman et al., 2006; Hoyle & vanDellen, 2008; Vignoles et al., 2008; Murru & Martin Ginis, 2010; Bak, 2015; Oyserman et al., 2015; Nurra & Oyserman, 2018). Processes underlying possible selves' formulating take considerably more significant roles as they connect various aspects of personality.

One of the main conditions confirming the explanatory quality of possible self is that by producing it, a person appears to imagine oneself as the agent in the current situation in which it can be released (Markus & Nurius, 1986).

Bruner (1995) studied possible selves as consisting of a narrative structure since during formulating it includes the representations of behavior, causes, reactions, and finally, the event. Therefore, it creates a story where a person is the main character. Markus suggests one of the functions of possible selves to be the creation of a new context through actions the person is currently doing: "*possible selves function to provide an evaluative and interpretive context for the now self*" (Markus & Nurius, 1986, p. 962). For instance, if there is a salient possibility of getting the highest marks in the year, then getting 'C' on one of the assignments would have a significantly different meaning. Therefore, the impact possible self can make on the behavior has to be consistent with the background of what is currently trending in one's priorities.

The construction of personal meaning as the essential feature of possible self confirms the connection between the construct and the self. One of the main features of the link is the experience of agency. As Markus stated in the original article, agency

is the ability to maintain and develop possible selves. In the following works, authors develop the understanding of agency's role, so it appears to be one of the main features of possible self.

The original theory of possible self regards agency as the ability to act as an independent autonomic agent being the central element of a situation and an event, whose main quality focuses on the ability to make decisions and to be creative about how to behave in order to reach the wanted aim (Bandura, 1982; Markus & Nurius, 1986). Markus & Kitayama (2003) consider two agency models theoretically explained with two different tendencies, i.e., eastern and western traditions. Thus, the western tradition disjoint theory is represented in disjoint agency. It considers that the main aim of people is to express themselves throughout reaching autonomy and independence. The conjoint agency is linked through interpersonal connections and mainly takes place in the context of human interaction. Despite various motives, the goal of expressing agency stays the same as it is a directed ability to impact the development of actions in different situations by making decisions.

The theory of agency by Harre suggests that the primary condition for becoming an agent is maintaining the specific level of autonomy in actions and the ability to act in the current situation despite the previous experience and the possible circumstances (Harre, 1979). Thus, agency is the capability to act based on reflection, to set various aims, and to influence the world not only in a passive way but by interacting with the external world within different circumstances.

The newest addition to the idea of the motivational function of possible selves is the MAPS model proposed by Frazier, Schwartz, & Metcalfe (2021). The authors suggest a crucial role in the interchange between possible selves, agency, and metacognition in the successful self-regulatory process. The model works in the following way: possible self represents the goal reached with the use of metacognitive control strategies that increases the sense of self-efficacy, leading to higher levels of agency. The idea corresponds with the theses concerning the motivational function of possible self. However, the conceptualization regards possible selves and the agency phenomenon as distinct elements in the model that can function independently. Nevertheless, the concept represents the closest understanding of agentic energy within the possible self function (Frazier et al., 2021).

Following the original theory, possible self is considered to have more potential to impact human behavior than only representing what a person fears or wants. As the authors proposed it, possible selves are the representations of goals, fears, and hopes; the construct is linked with the self and depends on the context in which a person is located. Therefore, the possibility appears to be "experienced from inside" (Erikson, 2007, p. 349) as one makes intentional and deliberate decisions about one's attitude toward possible self or what actions should be taken into account for reaching, avoiding, or excluding it from the self.

Types of Possible Selves

Definition and functions of any possible self. The issue became more complicated when the mini-theories of various types of possible selves appeared in the literature.

Here we aim to study the most frequent ones, i.e., *hoped-for possible self* (Markus & Nurius, 1986; Carver et al., 1994; Cross & Markus, 1994; Murru & Martin Ginis, 2010; Strauss et al., 2012), *feared possible self* (Oyserman & Markus, 1990; Paternoster & Bushway, 2009; Murru & Martin Ginis, 2010; Pierce et al., 2014; Aardema & Wong, 2020), *best possible self* (King, 2001; Sheldon & Lyubomirsky, 2006; Harrist et al., 2007; Peters et al., 2010; Layous et al., 2013; Renner et al., 2014; Liao et al., 2016; Loveday et al., 2018; Altintas et al., 2020), *lost possible self* (King & Raspin, 2004; King & Hicks, 2007; King & Mitchell, 2015; Vasilevskaya & Molchanova, 2016), *self-regulatory and self-enhancing possible self* (Oyserman et al., 2004; Strachan et al., 2017), *shared possible self* (Schindler et al., 2010; Wilson et al., 2014), and *impossible self* (Kostenko & Grishutina, 2018; Grishutina & Kostenko, 2019). Later in this section, we will attempt to appraise the degree of agency involved in each mentioned type of possible self, as it follows from the theoretical baseline.

Considering various paths researchers tend to view possible self, there is a chance of great confusion. Erikson (2007) was the first to pay close attention to the necessity of being more considerate of the original theory, as there is already a number of articles where possible self is presented with misconceptions. Thus, Erikson claims that there is a risk of two types of misconceptions—too broad or too narrow an understanding of the construct. First of all, possible selves are not goals, hopes, or fears, as it can continually be found in papers. Hopes and fears can be the basis of possible self or its product, although still they are not equal. Secondly, the too narrow approach is to present the construct as expectations one can possess (Erikson, 2007). Possible selves are not just the points in a scheduled plan. One can control their actions in regard to avoiding something they do not want, although the feared possible self nevertheless may be present.

The possible self definition given by Markus & Nurius is crucial for understanding the construct as it considers all the essential aspects of it. Since there are so few studies regarding agency as “*a distinct quality of possible selves*” (Ibid., p. 352), it seems understandable why there are so many misconceptions. We will later clarify these essential features and review the prospects of taking agency into account.

As it has already been mentioned, possible self is the component of self-concept that appears to have a valuable motivational potential as the construct itself was firstly considered as the representation of human's motives. Accordingly, in the original study, only two main types of possible self were distinguished, hoped-for and unwanted (or as it is often used in further works, feared). These types represent two variants of emotional attitude toward the possible selves—either one is fascinated by one's possibilities and so tries hard to attain them, or one does not really want to achieve a specific future state (Markus & Nurius, 1986).

The functioning of possible self is provided by two components of self-concept, such as *self-schemas* and *working self-concept*. The role of possible self in behavioral regulation is important since minor inconsistencies in self-concept derived from the external world make the negative possible selves appear. The presence can affect a person's self-evaluation and, thus, their decisions on how to act. The content of self-concept is the primary source of information that forms possible self.

Self-schemas are considered to be the construction of one's past experiences, including representations of the abilities and skills useful for a current activity. Hence, the availability of specific self-schemas can be a prerequisite of possible self realization. As for *working self-concept*, Markus & Nurius operationalize: "*it can be viewed as a continually active, shifting array of available self-knowledge*" (Ibid., p. 957). There could be various self-conceptions switching due to the current situation.

So, the content of the working self-concept and possible selves enrich each other. Possible self is a dynamic construct that constantly changes due to the information from the other components of self-concept (Kostenko, 2016). Therefore, as firstly determined by Markus & Nurius, and then extended by Erikson (2007), *possible self contains the ability to bring the context or the experienced meaning*. There are changes in the person's knowledge about oneself. Thus, the activation of different self-concept characteristics can form expectations and hence motives for future behavior. The case brings up the phenomenon of agency that plays a significant role in directing one's behavior.

As we mentioned before, agency is the subject's activity, the feeling of being an agent of a possible situation. While formulating possible selves, a person could imagine how to achieve the aim and experience oneself as capable of changing results for the chosen possibility. Various research confirms the hypothesis that agency is the primary phenomenon of possible selves that makes a substantial impact on a person's actions. Although, in line with the earlier ideas, few researchers link the motivational role of possible selves with agency itself.

The original article by Markus & Ruvolo (Ruvolo & Markus, 1992) emphasizes a valid thesis considering the connection between self-concept and motivation through possible self. Thus, the idea of what is possible for the self gives strength and actualizes the feeling of one's efficiency, competence, and optimism, and provides conditions to ensure that behavior is affected by it. As representations of what a person would like to attain or avoid, possible selves organize actions due to the mentioned phenomenon—agency. By presenting the realization of their potential, a person feels a significant surge of feeling competent and shows better performance. These are the conclusions made by the authors after three conducted studies: people who imagine success in activities due to the efforts applied, showed better results, as opposed to those who imagine being unsuccessful or successful but owing to luck, not efforts. Markus & Ruvolo consider the obtained data via the construct of working self-concept, which is associated with possible self and contains various representations of a person's self (good Self, bad Self, ideal Self, past Self, etc.). They are dynamically replaced and actualized by external situations and circumstances and can organize behavior to achieve the necessary goal. Thus, when a person imagines oneself to have successfully completed the task, due to making efforts, positive possible selves become available. Moreover, thinking about negative results make the feared possible selves available, which affects the process of performance. The result of this study is the thesis that certain ideas about what and how a person wants to achieve can act as a mediator between positive expectations, optimism, self-efficacy, and a person's performance in tasks (Ruvolo & Markus, 1992).

Hoped-for possible self. The potential subject's activity is the energy contained in the possible self narrative. The central thesis of the current framework is that producing various kinds of possible selves (one from the list above) could be accompanied by different processes. For instance, taking examples from the original text by Markus & Nurius, *the hoped-for or positive possible self* is the one that appears to function in the following way:

Imagining a student who has hoped-for possible self — “finished course-work.” Following the ideas mentioned before, firstly, there is a necessity to detect if there are positive self-schemas, which can be connected with the possible self, e.g., “good at academic writing.” The parallel process is the activation of the “being a responsible student” in the working self-concept. According to this, the person manages to imagine oneself capable of influencing the realization of the possible self. By being agentic, the mentioned energy of an active subject can be released, affecting behavior.

To sum up, there are valuable skills for possible self and the concept of oneself experiencing the successful academic performance. A number of researchers believe that the imagined process of achieving a possible self is associated with the most efficacy. Hence, the most active, agentic state a person experiences when formulating the hoped-for possible self.

The mentioned earlier article by Markus & Nurius (1986) reveals aspects of how the hoped-for possible self could represent the motive a person has. Just thinking about a goal seems not enough, as there is a necessity for one to formulate a detailed desired state and strategies for achieving it. Therefore, the agentic state is one where a person has the required self-schemas, i.e., understands the abilities one has to perform possible self and has the accessible knowledge about one's working self-concept essential for its realization. Cross & Markus (1994) support this assumption that by formulating hoped-for possible selves, one reaches the emotional and psychological readiness to perform specific activities considered to be correlated with the most agentic state. Moreover, if one does not have an accessible knowledge about one's abilities and cannot figure the sequence of actions, the negative (see *Unwanted or Feared Possible Self*), possible selves appear to be more available, which can affect the final performance.

Thus, the formulation of hoped-for possible self is connected with the listed mechanisms, and merely through them, a person can experience the phenomenon of agency.

Feared or unwanted possible self. Considering the opposite type of possible selves—the *feared one*—it is essential to mention that it demonstrates considerable discrepancies with the *impossible self* and, therefore, should be distinguished correctly. As for the mechanisms of realizing potential agency, it is assumed that the process is consistent with the one regarding the hoped-for possible self, although the aims are different. In the first case, all the motivational power is directed at reaching the hoped-for condition. As for the second one, the main direction of agentic actions is placed to stop the potential realization of the feared possible self.

Consequently, the primary role of agency in formulating the feared possible selves is to feel oneself as a person who can prevent certain circumstances. Pierce, Schmidt, & Stoddard (2015) assumed that as there is an understanding of how the

hoped-for possible selves can impact behavior, the processes underlying the consequences of feared possible selves can impact it as well. The authors studied the connection between possible selves and delinquency among youth. They prove that the presence of the feared possible self concerning the delinquent behavior might be an indicator that one “...*may lack the agentic qualities that would aid in the attainment of opposing, positive possible selves*” (Pierce et al., 2015, p. 19). Therefore, they proposed that feared possible selves might occur when one cannot feel oneself as the agent in a future situation, so the lack of agency is what follows with any feared possible self.

The study results claimed that only those who had delinquent feared possible selves and lacked the hoped-for possible self, which was the opposite of the feared one, engaged in the delinquent activity under peer pressure. Thus, the data confirmed that feared possible selves usually consist of what a person is afraid to become or attain.

The above corresponds with the definition by Oyserman & Markus (1990):

The sense of one's self in a feared or undesired state—me in prison or me unemployed—is also motivationally significant. It can provide a vivid image or conception of an end-state that must be rejected or avoided. An image of one's self in such a feared or undesired state can produce inaction or a stopping in one's tracks. (p. 113)

The authors consider a balance between the expected or hoped-for possible selves and feared possible selves to be a boost in motivation. For instance, the study showed that the presence of a hoped-for possible self that is the opposite of a particular feared possible self might be the reason to prevent the realization of the latter.

Few studies regard the feared possible self type in work with the obsessive-compulsive disorder within the context of cognitive-behavioral therapy (Aardema et al., 2013; Aardema & Wong, 2020). It illustrates the proposed idea as patients with such disorder suffering from obsessive thoughts usually tend to fear themselves but mostly what they cannot prevent from doing. That is the case of experiencing the lack of agency to stop specific behavioral patterns that may impact a person's life.

Best possible self. The type of possible self connected with the hoped-for possible self is the *best possible self*, most applicable to practice. The best possible self is viewed as the “*high-level life goal*”; therefore, the main idea is that imagining it might energize one's motivation toward realization (King, 2001). The concept of the best possible self was firstly constrained in addition to the methods of releasing trauma. Writing down life goals — best possible selves — was associated with feeling happier and physically better. However, there was no idea about what processes underlie these mechanisms. The researchers tend to point to a connection between possible self and self-regulation: imagining the best possible self seems like gaining control over one's personal goals and clarifying motives and priorities. Based on the diagnostic manipulation by King (2001), to imagine the best possible self, people need to think of the future where everything is successfully ended, every want is released, and all the things are worked out for them. Moreover, the findings of longitudinal studies underline that imagining the best possible self increases positive affect, well-being, and optimism (Harrist et al., 2007; King, 2001; Meevissen et al., 2011; Sheldon & Lyubomirsky, 2006; Peters et al., 2010).

There is an indirect link between best possible self and self-regulation as the research mainly considers how the type could influence a person's affects and expectations about the future. Most therapeutically, studies of the best possible self focus on the way a person's thinking can modify in regard to imagining the best future outcomes. However, there is almost no research assuming the impact on behavior from such interventions.

Analyzing the possible self concept through the lens of agentic energy power, we could consider the best possible self in the following way. As we mentioned before, the phenomenon of agency appears the moment a person formulates one's possible self. Agentic energy in the best possible self acts in a straightforward manner—a person does not need to imagine possible ways to reach their possible selves as the condition itself supports that everything works well for them. Therefore, agentic energy has no need to be manifested. As there is no direct evidence proving that there is a link between behavior and the best possible self interventions, it is safe to say that agency is relatively passive considering the type.

Nevertheless, the findings on best possible self confirm the significance of elaborating one's possible selves, living through the idea of it. According to the processes discussed earlier, the thought about oneself being successful enough for all the goals to be reached can enhance the overall evaluation of oneself. For instance, the study by Ruvolo & Markus (1992) reveals that thinking about success can result in winning in the end. Also, the research shows that neurotic participants experience a significant reduction in negative thinking, so it can be proposed that the best possible self intervention may be a proper way to prepare a person to act (Peters et al., 2010).

Moreover, the mechanisms of possible selves' functioning discussed earlier reveal that the presence of certain self-schemas enables the reflective experience of being able to achieve a hoped-for possible self. By imagining the best possible self, one could become more confident about one's goals and therefore think of oneself as an agent in the future. In this case, presumably after considering the best possible self, for some time, a person could feel more agentic about one's hoped-for possible selves.

Self-regulatory and self-enhancing possible selves. *Self-regulatory and self-enhancing possible selves* are the types introduced by Daphna Oyserman and colleagues. "*Self-enhancing possible selves promote positive feelings and maintain a sense of optimism and hope for the future without evoking behavioral strategies*" (Oyserman et al., 2004, p. 132). Both types of possible selves can be viewed as the hoped-for possible selves directed either on self-regulation to perform better or on self-enhancement, for instance, to sustain positive attitudes toward oneself. As the authors suggested, the type serves to make the person feel good about oneself, which can be useful. A person can have the "I'm doing good in school" possible self to increase positive affect and optimistic thoughts toward the future. The self-regulatory possible self is connected with proposing specific behavioral strategies to attain goals while formulating it (e.g., "I'm doing my homework right after coming home from school"). Detailed and concrete self-regulatory possible selves have shown a connection with better academic outcomes (Oyserman et al., 2004) than the self-enhancing ones.

In regard to the possible self concept, the findings fit well according to the mechanisms of agency: the more precisely a person can imagine oneself in the future situation as an agent, a.k.a someone who has the specific behavioral strategy, the probability of attaining such a goal becomes higher. Imagining the actions includes activating proper self-schemas and working self-concept. Therefore, it appears to be the manifestation of personality agency. Moreover, a clear idea about what one should do to release one's possible self leaves out all the potential obstacles as the planning stage allows one to focus on what actions could be more useful.

The self-enhancing possible selves have some effects on a person too. If self-regulatory ones serve as the motives, the self-enhancing ones facilitate optimism and increase positive affect. As it was mentioned before, this is a significant basis for increased self-evaluation and the first stage of stating behavioral goals (Strachan et al., 2017).

These two types could be seen as the subtype for the hoped-for possible self as the self-regulatory possible selves represent what motivational function possible selves execute through agency.

Lost possible self. *Lost possible selves* are what a person once “used to wish to be”. King & Raspin (2004, p. 607) defined lost possible selves as “*representations of the self in the future, which might have once held the promise of positive affect, but which are no longer a part of a person's life.*” The main characteristics of possible self playing a significant role in understanding the property of lost possible selves are salience and elaboration. How often a person thinks of one possible self and how detailed it can be imagined is vital for explaining how the lost possible self works.

Firstly, King, & Raspin (2004) presented lost possible selves as the best possible selves experienced by women before the divorce. This type of possible selves describes what one can imagine in the future, although it has already stayed in the past. While motivation is one of the most critical drivers of a human life, motives which were important in the past could reveal significant aspects of life. In the study of lost possible selves, a sample of women in divorce reported data that showed a higher level of salience of lost possible self (i.e., how easy it is for one to imagine it or how often it comes to mind) for those who had a lower level of subjective well-being (SWLS; Diener, Emmons, Larsen, & Griffin, 1985).

King & Mitchell (2015) consider lost possible selves as a potential base for meaning changing and ego development. The findings suggest that the more salient the lost possible self, the more regret a person will experience. The authors assume that lost possible selves could be linked to personality growth as long as there is just an image of lost possible self and no energy still in the presence.

We yet consider that as all the possible selves—the lost one's type as well—manifested agency the time it was present in one's life. In the longitudinal study, women who could not elaborate on their lost possible selves were less considerate about everything. Therefore, it may be that only after agentic energy was turned to the passive form, that is, when a person can let go of its past future self. So if the lost possible self still takes place in one's mind and is not very elaborated but fairly salient, this may be an indicator that such lost possible self is becoming a regret. It takes energy to live through your lost possible self over and over again; therefore,

to let oneself move on, there is a necessity to think the lost possible self through and let it finally go.

King & Hicks (2007) argue that the narrative of our lives can be written “backward,” not only considering what has already happened but what could have happened as well. Hence, lost possible selves contain agentic energy, although not how one can see oneself being the agent in future situations. As it comes from the definition, lost possible selves represent a potential future that could have taken place in the past. Thus, it can be assumed that the most agency one can get through thinking about one’s lost possible self is the understanding and formulating a new possible self, which will contribute to attaining one’s goals.

Lost possible self may be one of the uncertain types of possible selves as it does not concentrate on the future, but on the future that might have occurred. Therefore, the closest thing one can get in imagining releasing this possible self is letting it go.

Shared possible self. As it was defined, a possible self is something one can have about oneself and one’s future. “Shared” in the notion indicates engaging others in the future, united inner experiences. Schindler et al. (2010) argue that shared possible selves are “*from both spouses hoping to bring about or seeking to prevent similar future events or outcomes.*” (p. 416). The shared possible selves are the distinct possible selves that are interdependent (i.e., one partner can have possible self “to get well soon” and the second partner’s one is “to have a healthy partner”). The idea itself came from a study of couples where one partner was diagnosed with cancer. The findings showed that the more shared goals a couple had, the higher levels of well-being, self-esteem, and positive affect were manifested by the participants.

Wilson et al. (2014) invested in studying shared possible selves, with the results stating that the more shared possible selves the partners have at the moment a man was diagnosed with prostate cancer, the better their psychological well-being was. Moreover, the authors added another condition where they divided possible selves into *other-focused selves* and *self-focused selves*. The other-focused possible selves mainly considered the partner and could co-occur to be the shared possible self (i.e., if a wife has other-focused possible self “my partner is happy” but there is no “to be happy” possible self in the partner’s list, then the possible self does not count as shared). Thus, the results showed that if a partner fears the diagnosis, the presence of other-focused possible selves in their partner’s list makes it easier for them to cope. Moreover, if the other-focused possible selves of one partner do not match the other-focused possible selves of the other one, it can cause poorer wellness.

Considering shared possible selves, it is compelling to apply the idea of agency. As theory postulates, the person imagining a possible self can experience the situation in the future. However, speaking about the shared possible selves, it takes two to imagine. Staying within the framework, the formula can be seen as this: the agentic energy of shared possible self can be released only on one condition, if both partners have each “side of the puzzle” on their list. Otherwise, it is the other type of possible self presented. It is essential to point out that the possible self in the definition is a component of self-concept; therefore, it mainly involves the possibilities a person sees for oneself. So, in the case of the shared possible selves, the connection is vital as one could not formulate a possible self for another person.

We propose that agentic energy in the shared possible selves manifests when both partners have matching possible selves. For instance, if one partner has possible self “being a lawyer”, and the other’s is “my partner has finished law school”, then both statements could invigorate each other. Moreover, it can be viewed as an enhancement and self-regulatory possible self where one creates positive affect and the other based on the energy of previous activate agentic energy.

Although there is little research on the type, it seems necessary to investigate not only the sample of patients with prostate cancer. Considering previous ideas, the connection between possible selves of both partners can be a meaningful indicator of relationship quality. Furthermore, expanding the concept of possible selves in the couples, the consistency of partner’s possible selves could be taken into account to study one’s relationship more individually and precisely.

Impossible self. The *impossible self* is the type of possible selves discovered in our previous empirical studies. “The impossible self is a manifestation of the significant possible self, which is influenced by rumination and neuroticism, and is correlated with higher levels of negative affect and self-accusation” (Kostenko & Grishutina, 2018, p. 16). A study was conducted to investigate different aspects of the impossible self.

The principal aim of the research was to determine the correlation between constructive and non-constructive forms of reflection and possible selves. We assumed that there could be any obstacles to the attainment of hoped-for possible selves. Thus, it was considered that the quality of reflective processes, self-attitude features, and other characteristics of a person’s well-being could be prerequisites for the possible selves of different kinds. The main hypotheses of the study were (1) Constructive and non-constructive forms of reflection have correlations with characteristics of hoped-for and feared possible selves; (2) The severity of non-constructive forms of reflection (such as rumination, fantasizing, self-accusing, etc.) would negatively correlate with the parameters of possible selves such as perceived ability to influence their realization and the estimated likelihood of their implementation (Hooker, 1992; Kostenko & Grishutina, 2018).

However, the obtained results revealed that some respondents chose the hoped-for possible self of a special type regardless of the content of possible selves. Due to evaluation of the parameters of possible self, firstly, participants did not consider themselves able to realize their most desirable possible selves. Secondly, they estimated low the objective probability of its achievement. These findings were accompanied by the severity of negative indicators, i.e., increased rumination, higher levels of neuroticism and negative affect, as well as a strong tendency to self-blame.

In the theoretical context we are considering, we assume that the listed negative qualities, being salient in a personality, can affect the abilities that serve as the basis for the manifestation of the phenomenon of agency. It was found that these characteristics have an impact on the number of possible future events, which a person can imagine, as well as on the self-awareness of a person’s ability to influence the situation. As already mentioned, confidence in one’s own ability to attain possible self increases the likelihood and focus on its final achievement (Norman & Aron, 2003). The negative attitude towards the chosen possible self, on the contrary, restricts consciousness and will, placing them in a cage where one can expe-

rience inability and uncertainty. Research results report a positive association of rumination with depression, pessimism, neuroticism, and other negative characteristics, as well as a negative connection of rumination with the ability to solve problems successfully (Nolen-Hoeksema et al., 2008). According to Leontiev & Osin (2014), quasi-reflection and introspection (as non-constructive types of reflection) do not form the basis for positive problem solving and situations. These conclusions can be confirmed by the fact that one type (quasi-reflection) is focused on avoiding the situation, and the second (introspection/rumination) represents what was designated by J. Kuhl as “state orientation,” but not “action orientation” (Kuhl, 1987). Findings like these clarify the problem of inhibited motivational energy of possible self in association with a vivid expression of negative personality indicators and the prevalent non-constructive reflexivity. Apparently, the discussed set of personal characteristics does not allow a person to enter active interaction or even actively influence the world.

This set of qualities restrains the individual’s internal motivational energy, limiting one’s ability to be an active subject in a situation of decision-making or behaving. Intuitively, one can comprehend that manifestations of self-blame and neuroticism can affect the self-attitude of a person, thereby indirectly influencing the experienced attitude to their ability to express their desired capabilities into life (Grishutina & Kostenko, 2019).

The proposed idea was replicated in the second study, and the attempt to create the method for examining the “impossible” tendencies toward the most hoped-for possible self was made. The impossible self clearly incarnates the ideas of the original theory as it shows the contrast between it and the hoped-for and best possible selves. As mentioned above, the formal types of possible self are mostly related to well-being, positive affect, and goal achievement. In contrast, the impossible self demonstrates correlations with rumination, neuroticism, negative affect, and self-blame.

Summary

The construct of possible self is currently a leading conception concerning the self-concept theory. It appears to be resourceful in various ways, and researchers tend to investigate its different aspects. However, there are several misconceptions with the original theory, which affect the divergence of views. Erikson (2007) reflected and proposed a consistent direction for future research regarding possible self. As possible self was defined as a link between cognitive self-evaluation and motivation, its impact on the person’s behavior was laid the basis for the conception. Therefore, the processes and mechanisms of how the cognitive representations of the fears, hopes, expectations, goals could change one’s behavioral patterns are vital issues. Markus & Nurius, the authors of the original concept, as well as Erikson, emphasized the major role of the agency phenomenon. It considers the level of how a person can decide for oneself, take responsibility, and be an active agent changing internal and external worlds depending on the choices they make.

Following the authors’ steps, we stated agency as one of the main qualities of possible self due to its connection with the motivational potential. Considering the

construct, it corresponds with one's ability to experience possible self from within or to be able to imagine what could happen, what should be done, and what decision should be taken—how to be an agent in future or possible situations. Through the components of self-concept (i.e., working self-concept and self-schemas), agentic energy is created to achieve possible self.

Several kinds of possible selves were found in the literature, and that originally substantiated the aim of this paper. There are few misconceptions that should be mentioned for future research. First of all, regarding Erikson's ideas, almost every article concerning the possible self construct starts with a definition of it as a goal. Although Markus indeed defined possible self as the "cognitive representation of the goals," it contains a different meaning. One can imagine a possible self that is not necessarily planned or has potential for a prompt realization. A person can formulate possibilities of what one wants or tends to be/to experience, and there is sometimes no solid support for it. As was mentioned earlier, there could be no underlying reasons for the feared possible self to be present (regarding one's ability to prevent any adverse outcomes). However, it could still be there when one is formulating their possible selves.

Various types of possible selves are intertwined. The first types presented by Markus & Nurius (1986) were hoped-for and unwanted or feared possible self. In the future theorizing new kinds were discovered, e.g., best possible self is the type that corresponds with the hoped-for possible self type although they differ in the representation of agentic energy creating in the process of formulating these two kinds of possible self. The connections were observed in the previous paragraphs, notwithstanding the main distinctions about the constructs are considered within the descriptions of each type individually.

The main issue is that researchers address the motivational aspect of possible self, but they seem to ignore the idea of agency. As the core feature of the construct, agency should be considered more precisely. We assume that, unifying the findings, researchers should consider the main aspects of the construct described in the original theory by Markus & Nurius. The attempt to look at what has been discovered since the first mentioning of the possible selves has been made into a framework, and the agentic baseline for the diversity of conceptions was introduced (Table 1).

The proposed connection between possible self and the self is another reason why a more precise attitude towards the construct is necessary (Erikson, 2007). While simplifying and omitting significant parts of possible self, researchers make the connection incomprehensible, thus, excluding the meaning-making function.

Hence the main conclusion is that there are particular features of possible selves that emphasize its valid functions, and researchers frequently tend to ignore some of them, thereby not revealing the inherent potential of the construct. The agency phenomenon plays a crucial role in connecting possible self and the self as namely the ability to feel oneself as an agent in the situation allowing a person to experience authentic feelings that can guide their behavior. Moreover, taking into account the agentic potential reveals the processes behind various types of possible selves.

Table 1

Defining the Types of Possible Selves through the Lens of Agentic Energy

Type of possible self	The role of agency	The original view	How it can be interpreted in the terms of possible selves theory
<i>Hoped-for possible self</i>	To achieve a wanted possible self as one experiences oneself as an agent in the future situation.	“Can be viewed as a cognitive manifestation of enduring goals, aspirations, motives one can possess.” (Markus & Nurius, 1986, p. 954)	Wanted, or hoped-for possible self contains aspects of future situations where a person could experience agency.
<i>Fearred possible self</i>	To feel oneself as a person who can prevent certain circumstances.	“The sense of one’s self in a feared or undesired state—me in prison or me unemployed—is also motivationally significant. It can provide a vivid image or conception of an end-state that must be rejected or avoided. An image of one’s self in such a feared or undesired state can produce inaction or a stopping in one’s tracks.” (Oyserman & Markus, 1990, p. 113)	Unwanted, or feared possible self is the type distinguished by the lack of agentic energy to avoid the attainment of the opposite wanted possibilities.
<i>Best possible self</i>	A person does not need to imagine possible ways to reach their possible selves as the condition itself supports that everything works well. Therefore, agentic energy does not need to be manifested.	“The best possible self is viewed as the “high-level life goal”; therefore, the main idea is that imagining it might energize one’s motivation toward the realization.” (King, 2001, p. 800)	If the best possible self becomes more detailed through interventions, and more self-schemas are involved in the process, the best possible self turns into a regular hoped-for possible self, thus stimulating the agency.
<i>Self-regulatory possible self</i>	Self-regulatory possible self is motives driving a person to attain a wanted possibility.	“To regulate behavior, the self-concept must contain not only goals or desired end states, but also strategies about how to behave in order to reach the desired end state.” (Oyserman et al., 2004, p. 131)	Self-regulatory possible self is viewed as motives which could direct agentic energy to attain a wanted possibility.

Table 1

Type of possible self	The role of agency	The original view	How it can be interpreted in the terms of possible selves theory
<i>Self-enhancing possible self</i>	The self-enhancing ones facilitate optimism and increase positive affect. This is a significant basis for increased self-evaluation and the first stage of stating behavioral goals.	“Self-enhancing possible selves promote positive feelings and maintain a sense of optimism and hope for the future without evoking behavioral strategies.” (Oyserman et al., 2004, p. 132)	Self-enhancing possible self appears as the type to increase positive affect and an optimistic approach towards one-self.
<i>Lost possible self</i>	Lost possible self represents a person’s motives in the past. If one hangs on the past possible self, a lot of energy is directed to experiencing it, so agentic energy is wasted on lost possibilities.	“Representations of the self in the future, which might have once held the promise of positive affect, but which are no longer a part of a person’s life.” (King & Raspin, 2004, p. 607)	Representations of oneself in the future that no longer appeal to one’s life and, depending on the state of salience, could take over agency from the current possible selves a person has.
<i>Shared possible self</i>	Agency is activated if partners have matching possible selves.	“Shared selves” were those where both spouses named a similar possible self that needed to be accomplished interdependently, that is, if one spouse’s goal was accomplished, then the other spouse’s goal was accomplished.” (Schindler et al., 2010, p. 418)	Shared possible selves are distinct possible selves, which are interdependent and manifest agentic energy.
<i>Impossible self</i>	Agentic energy of the wanted possible self is suppressed due to the influence of various negative phenomena.	“The impossible self is a manifestation of the significant possible self, which is influenced by rumination and neuroticism, and is correlated with higher levels of negative affect and self-accusation.” (Kostenko & Grishutina, 2018, p. 16)	The impossible self manifests as a significant possible self where the agency is suppressed by nonconstructive conscious phenomena.

References

- Aardema, F., Moulding, R., Radomsky, A. S., Doron, G., Allamby, J., & Souki, E. (2013). Fear of self and obsessionality: Development and validation of the Fear of Self Questionnaire. *Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders*, 2, 306–315. <https://doi.org/10.1016/j.jocrd.2013.05.005>
- Aardema, F., & Wong, S. F. (2020). Feared possible selves in cognitive-behavioral theory: An analysis of its historical and empirical context, and introduction of a working model. *Journal of Obsessive-Compulsive and Related Disorders*, 24, Article 100479. <https://doi.org/10.1016/j.jocrd.2019.100479>
- Altintas, E., Karaca, Y., Moustafa, A., & Haj, M. E. (2020). Effect of best possible self intervention on situational motivation and commitment in academic context. *Learning and Motivation*, 69, Article 101599. <https://doi.org/10.1016/j.lmot.2019.101599>
- Bak, W. (2015). Possible selves: Implications for psychotherapy. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 13(5), 650–658. <https://doi.org/10.1007/s11469-015-9553-2>
- Bandura, A. (1982). Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist*, 37(2), 122–147. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.37.2.122>
- Carver, C. S., Reynolds, S. L., & Scheier, M. F. (1994). The possible selves of optimists and pessimists. *Journal of Research in Personality*, 28(2), 133–141. <https://doi.org/10.1006/jrpe.1994.1011>
- Cross, S. E., & Markus, H. R. (1994). Self-schemas, possible selves, and competent performance. *Journal of Educational Psychology*, 86(3), 423–438. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.86.3.423>
- Erikson, M. G. (2007). The meaning of the future: toward a more specific definition of possible selves. *Review of General Psychology*, 11(4), 348–358. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.11.4.348>
- Frazier, L. D., Schwartz, B. L., & Metcalfe, J. (2021). The MAPS model of self-regulation: Integrating metacognition, agency, and possible selves. *Metacognition and Learning*, 16, 297–318. <https://doi.org/10.1007/s11409-020-09255-3>
- Grishutina, M. M., & Kostenko, V. Yu. (2019). Possible and impossible selves: a conceptual framework. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]*, 9(3), 268–279. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.304> (in Russian)
- Harre, R. (1979). *Social being*. Oxford: Basil Blackwell
- Harrist, S., Carlozzi, B. L., McGovern, A. R., & Harrist, A. W. (2007). Benefits of expressive writing and expressive talking about life goals. *Journal of Research in Personality*, 41(4), 923–930. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2006.09.002>
- Higgins, E. T. (1996). The “self digest”: Self-knowledge serving self-regulatory functions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71(6), 1062–1083. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.71.6.1062>
- Hooker, K. (1992). Possible selves and perceived health in older adults and college students. *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*, 47(2), 85–95. <https://doi.org/10.1093/geronj/47.2.p85>
- Hoyle, R., & Sherrill, M. (2006). Future orientation in the self-system: Possible selves, self-regulation, and behavior. *Journal of Personality: Journal Compilation*, 74(6), 1673–1696. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2006.00424.x>
- Hoyle, R. H., & Sowards, B. A. (1993). Self-monitoring and the regulation of social experience: A control-process model. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 12, 280–306. <https://doi.org/10.1521/jscp.1993.12.3.280>
- Hoyle, R. H., & vanDellen, M. R. (2008). Possible selves as behavioral standards in self-regulation. *Self and Identity*, 7, 295–304. <https://doi.org/10.1080/15298860701641108>
- King, L. A. (2001). The health benefits of writing about life goals. *Society for Personality and Social Psychology*, 7(27), 798–807. <https://doi.org/10.1177/0146167201277003>

- King, L. A., & Hicks, J. A. (2007). Whatever happened to “What might have been”? Regrets, happiness, and maturity. *American Psychologist*, 62(7), 625–636. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.62.7.625>
- King, L. A., & Mitchell, G. L. (2015). Lost possible selves and personality development. In K. Cherry (Ed.), *Traumatic stress and long-term recovery* (pp. 309–325). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-18866-9_17
- King, L. A., & Raspin, C. (2004). Lost and found possible selves, subjective well-being, and ego development in divorced women. *Journal of Personality*, 72(3), 603–632. <https://doi.org/10.1111/j.0022-3506.2004.00274.x>
- Kostenko, V. (2016). Possible self: Theory by Hazel Markus. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 13(2), 421–430. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-2-421-430> (in Russian)
- Kostenko, V. Yu., & Grishutina, M. M. (2018). Impossible self: preliminary research in the context of the theory of Hazel Markus. *Penzenskii Psikhologicheskii Vestnik*, 1(10). <https://doi.org/10.17689/psy-2018.1.8> (in Russian)
- Kuhl, J. (1987). Action control: The maintenance of motivational states. In F. Halisch & J. Kuhl (Eds.), *Motivation, intention, and volition* (pp. 279–291). Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
- Layouts, K., Nelson, K. S., & Lyubomirsky, S. (2013). What is the optimal way to deliver a positive activity intervention? The case of writing about one’s best possible selves. *Journal of Happiness Studies*, 14, 635–654. <https://doi.org/10.1007/s10902-012-9346-2>
- Leontiev, D., & Osin, E. (2014). “Good” and “bad” reflection: From an explanatory model to differential assessment. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 11(4), 110–135. (in Russian)
- Liau, A. K., Neihart, M. F., Teo, C. T., & Lo, C. H. M. (2016). Effects of the best possible self activity on subjective well-being and depressive symptoms. *The Asia-Pacific Education Researcher*, 25(3), 473–481. <https://doi.org/10.1007/s40299-015-0272-z>
- Loveday, P. M., Lovell, G. P., & Jones, C. M. (2018). The best possible selves intervention: a review of the literature to evaluate efficacy and guide future research. *Journal of Happiness Studies*, 19, 607–628. <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9824-z>
- Markus, H. R., & Kitayama, S. (2003). Models of agency: Sociocultural diversity in the construction of action. In V. Murphy-Berman & J. J. Berman (Eds.), *The Nebraska symposium on motivation. Cross-cultural differences in perspectives on the self* (Vol. 49, pp. 18–74). University of Nebraska Press.
- Markus, H. R., & Nurius, P. (1986). Possible selves. *American Psychologist*, 41(9), 954–969. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.9.954>
- Meevissen, Y. M. C., Peters, M. L., & Alberts, H. J. E. M. (2011). Become more optimistic by imagining a best possible self: Effects of a two week intervention. *Journal of Behavior and Experimental Psychiatry*, 42(3), 371–378. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2011.02.012>
- Murru, E. C., & Martin Ginis, K. A. (2010). Imagining the possibilities: the effects of a possible selves intervention on self-regulatory efficacy and exercise behavior. *Journal of Sport & Exercise Psychology*, 32(4), 537–554. <https://doi.org/10.1123/jsep.32.4.537>
- Nolen-Hoeksema, S., Wisco, B. E., & Lyubomirsky, S. (2008). Rethinking rumination. *Perspectives on Psychological Science*, 3(5), 400–424. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2008.00088.x>
- Norman, C., & Aron, A. (2003). Aspects of possible self that predict motivation to achieve or avoid it. *Journal of Experimental Social Psychology*, 39, 500–507. [https://doi.org/10.1016/S0022-1031\(03\)00029-5](https://doi.org/10.1016/S0022-1031(03)00029-5)
- Nurra, C., & Oyserman, D. (2018). From future self to current action: An identity-based motivation perspective. *Self and Identity*, 17, 343–364. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1375003>
- Oyserman, D., Bybee, D., & Terry, K. (2006). Possible selves and academic outcomes: How and when possible selves impel action. *Journal of Personality and Social Psychology*, 91(1), 188–204. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.1.188>

- Oyserman, D., Bybee, D., Terry, K., & Hart-Johnson, T. (2004). Possible selves as roadmaps. *Journal of Research in Personality*, 38, 130–149. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00057-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00057-6)
- Oyserman, D., Destin, M., & Novin, S. (2015). The context sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and Identity*, 14(2), 173–188. <https://doi.org/10.1080/15298868.2014.965733>
- Oyserman, D., & Markus, H. (1990). Possible selves and delinquency. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59(1), 112–125. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.59.1.112>
- Paternoster, R., & Bushway, S. (2009). Desistance and the “feared self”: toward an identity theory of criminal desistance. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, 99(4), 1103–1156. <https://doi.org/10.1177/0093854816651905>
- Pierce, J., Schmidt, C. & Stoddard, S. (2015). The role of feared possible selves on the relationship between peer influence and delinquency. *Journal of Adolescence*, 38, 17–26. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2014.10.009>
- Peters, M. L., Flink, I. K., Boersma, K., & Linton, S. J. (2010). Manipulating optimism: Can imagining a best possible self be used to increase positive future expectancies? *The Journal of Positive Psychology*, 5(3), 204–211. <https://doi.org/10.1080/17439761003790963>
- Renner, F., Schwarz, P., Peters, M. L., & Huibers, M. J. (2014). Effects of a best-possible-self mental imagery exercise on mood and dysfunctional attitudes. *Psychiatry Research*, 215(1), 105–110. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.10.033>
- Ruvolo, A. P., & Markus, H. R. (1992). Possible selves and performance: the power of self-relevant imagery. *Social Cognition*, 10(1), 95–124. <https://doi.org/10.1521/soco.1992.10.1.95>
- Schindler, I., Berg, C., Butler, J., Fortenberry, K., & Wiebe, D. (2010). Late-midlife and older couples' shared possible selves and psychological well-being during times of illness: the role of collaborative problem solving. *The Journals of Gerontology: Series B, Psychological Sciences and Social Sciences*, 65B(4), 416–424. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbq030>
- Sheldon, K. M., & Lyubomirsky, S. (2006). How to increase and sustain positive emotion: The effects of expressing gratitude and visualizing best possible selves. *The Journal of Positive Psychology*, 1(2), 73–82. <https://doi.org/10.1080/17439760500510676>
- Strachan, S. M., Marcotte, M. M. E., Giller, T. M. T., Brunet, J., & Schellenberg, B. J. I. (2017). An online intervention to increase physical activity: Self-regulatory possible selves and the moderating role of task self-efficacy. *Psychology of Sport and Exercise*, 31, 158–165. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2016.05.001>
- Strauss, K., Griffin, M. A., & Parker, S. K. (2012). Future work selves: How salient hoped-for identities motivate proactive career behaviors. *Journal of Applied Psychology*, 97(3), 580–598. <https://doi.org/10.1037/a0026423>
- Vasilevskaya, E. Yu., & Molchanova, O. N. (2016). Possible selves: Review of international studies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 13(4), 801–815. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-4-801-815> (in Russian)
- Vignoles, V. L., Manzi, C., Regalia, C., Jemmolo, S., & Scabini, E. (2008). Identity motives underlying desired and feared possible future selves. *Journal of Personality*, 76(5), 1165–1200. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2008.00518.x>
- Wilson, S. J., Barrineau, M. J., Butner, J., & Berg, C. A. (2014). Shared possible selves, other-focus, and perceived wellness of couples with prostate cancer. *Journal of Family Psychology*, 28(5), 684–691. <https://doi.org/10.1037/fam0000015>

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, 33, к. 4,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 250 экз. Печ. л. 13